This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Stanford University Libraries
3 6105 117 339 361

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

B90887

This "O-P Book" is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Ann Arbor, Michigan, 1967

Zelinskiĭ, V. A.
11

РУССКАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

Л. Н. ТОЛСТОГО.

Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

СОБРАЛЪ

В. Зелинскій.

ЛРК

МОСКВА.
Типографія И. А. Баландина. Волхонка, д. Михалкова.
1900.

PG3410
Z3
1897a
v. 6

КНИГИ, СОСТАВЛЕННЫЯ И ИЗДАННЫЯ

Василіемъ Аполлоновичемъ Зелинскимъ,

БЫВШИМЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЕМЪ МЕТОДИКИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

I. Пособія по изученію русскаго языка:

1. Справочникъ по русскому правописанію, съ приложеніемъ ороографическаго словаря и полнаго списка коренныхъ и производныхъ словъ, въ которыхъ пишется буква Ѣ. Составленъ по „Руководству" Академіи Наукъ. Выпускъ I. Изд. 9-е. М. 1901 г. Ц. 50 к.

Примѣчаніе. Эта книга, выдержавшая въ короткое время девять изданій, обнимаетъ всѣ случаи правописанія словъ. Она состоитъ изъ ороографическихъ правилъ, ороографическаго словаря и списка *всѣхъ* словъ съ буквою ѣ. Изложеніе ея алфавитное,—почему она полезна даже незнакомымъ съ грамматикой. Справляться по ней очень просто: при помощи приложеннаго „Указателя" открывается страница на буквѣ, которая служитъ предметомъ затрудненія въ какомъ-либо словѣ, и тутъ въ указанномъ § читается отвѣтъ. Легкость и быстрота справки упрощается еще тѣмъ, что справляться можно и подъ буквами, которыя слѣдуетъ писать въ данномъ случаѣ, и подъ буквами, которыя только предполагаются въ томъ же случаѣ, а равно и подъ буквой, начинающей данное слово. Какъ, напр., написать: извозчикъ, извосчикъ, изовщикъ, изоещикъ или изощикъ? Справляйтесь подъ любой изъ сомнительныхъ буквъ: з, с, ч, щ, а также и въ ороографическомъ словарѣ подъ буквой и—вездѣ получится отвѣтъ. По отзывамъ преподавателей русскаго языка, эта книга весьма полезна учащимся при исполненіи ими письменныхъ работъ не только дома, но и въ классѣ, такъ какъ при небольшомъ навыкѣ, пріобрѣтающемся менѣе чѣмъ въ часъ, справка по ней дѣлается весьма быстро.

2. Справочникъ по русскому правописанію. Выпускъ II. Указатель (систематическій и алфавитный) при разстановкѣ знаковъ препинанія. Изд. 2-е. М. 1895 г. Ц. 50 к.

3. Справочникъ по русскому правописанію. Выпускъ III. Корнесловъ русскаго языка. Изд. 2-е. М. 1896 г. Ц. 50 к.

4. Справочникъ по русскому правописанію. Выпускъ IV. Правописаніе, этимологическое происхожденіе и объясненіе иностранныхъ словъ, наиболѣе употребляющихся въ русскомъ литературномъ языкѣ. М. 1898 г. Ц. 50 к. (Всѣ четыре выпуска въ одномъ роскошномъ переплетѣ 2 р. 50 к., съ пересылкой 3 р.).

5. Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій по русскому языку. Приспособленъ къ элементарной грамматикѣ К. Говорова. Изд. 4-е. М. 1898 г. Ц. 25 к.

6. Вступительный курсъ зрительнаго диктанта. Книга для элементарныхъ ороографическихъ упражненій (печатается).

7. Зрительный диктантъ. Самодиктованіе и самоисправленіе. Новая система практическаго самоизученія русскаго правописанія. Часть первая. Изд. 10-е. М. 1900 г. Ц. 50 к.

Задачи и цѣли „Зрительнаго диктанта". Удовлетворяя всѣмъ требованіямъ, какія обыкновенно предъявляются къ сборникамъ для систематическихъ диктовокъ со слуха, это руководство, сверхъ того, имѣетъ еще слѣдующія особенности: 1) оно представляетъ собою неразрывно-соединенную практику ороографіи съ ея теоріей; 2) кромѣ послѣдовательнаго изученія ороографіи, тутъ еще попутно указываются въ каждомъ словѣ диктанта сомнительные случаи правописанія съ соотвѣтственными разъясненіями; 3) особеннымъ способомъ

РУССКАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

Л. Н. ТОЛСТОГО.

Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей.

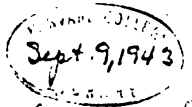
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

СОБРАЛЪ

В. Зелинскій.

МОСКВА.
Типографія И. А. Баландина. Волхонка, д. Михалкова.
1900.

Slav 4354.2.1020



Prof. George R. Noyes

Оглавленіе шестой части

„Русской критической литературы о произведеніяхъ Л. Н. Толстого."

Критика семидесятыхъ годовъ 1
„Война и Миръ". . . . . —

Критическіе разборы:

Н. Страхова. Изъ „Зари" 1870 г. . . . —
Е. Лѣскина. Отрывокъ изъ его книги: „Разборъ и извлеченіе изъ романа *Война и Миръ*" 42
П. В. Шелгунова. „Философія застоя". Изъ журнала „Дѣло" за 1870 г. 97
М. Драгомирова. „*Война и Миръ* съ военной точки зрѣнія". Изъ „Оружейнаго Сборника" за 1870 г. 131
А. Скабичевскаго. „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой какъ художникъ и мыслитель". Изъ „Отеч. Записокъ" 1872 г. 162
„Кавказскій Плѣнникъ". . . . . —
Критическій разборъ изъ „Всемірной Иллюстраціи" 1872 г. 189
„Богъ правду видитъ, да нескоро скажетъ" . . . 193
Критическая статья А. О. (В. Г. Авсѣенко). Изъ „Русскаго Міра" 193
Указатель страницъ, на которыхъ упоминаются имена и предметы, относящіеся къ литературѣ. . . . IV

Указатель страницъ, на которыхъ упоминаются имена и предметы, относящіеся къ литературѣ.

Авсѣенко, В. Г. 193.
„Азбука и книга для первоначальнаго чтенія," Л. Н. Толстого. 189, 194.
„Арабески," Гоголя. 163.
Аѳанасьевъ. 90.
Байронъ. 129.
Верцеліусъ. 105.
„Бесѣда," журн. 188, 189, 194.
Бетховенъ. 19.
„Богъ правду видитъ, да нескоро скажетъ." 188, 193—198.
Бонніанъ, Джонъ. 89.
„Бѣдная Лиза," Карамзина. 95.
Бюловъ. 138. 142, 148.
„Война и Миръ." 1—188.
„*Война* и *Миръ* съ военной точки зрѣнія," М. Драгомирова. 131.
„Всемірная Иллюстрація". 189, 193.
Галилей. 156.
Гоголь. 13, 31, 32, 162, 163, 164, 177, 185, 186, 187, 188.
Гончаровъ. 128, 129.
„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой какъ художникъ и мыслитель," статья А. Скабичевскаго. 162.
Григорьевъ, Ап. 14,15.
Дидеро. 89.
Дмитріевъ. 95.
Драгомировъ, М. 131, 162.
„Дымъ," Тургенева. 37.
„Дѣло" журн. 97.
„Дѣтство," Л. Н. Толстого. 189.
Жомини. 142, 144.
Зандъ, Жоржъ. 191.
„Заря," журн. 1, 36, 187, 188, 189.
„Кавказскій Плѣнникъ." 188, 189—193.
Кантъ. 27.
Карамзинъ. 95.
Кемпійскій, Оома. 88.
„Ключъ таинства." 66, 67.
Контъ, Огюстъ. 130.
Лавуазье. 105.
„Литературныя воспоминанія," Тургенева. 31, 34.
Лѣскинъ, Е. 42, 97.
Магометъ. 152.

Маколей. 89.
Мерзляковъ. 96.
„Мертвыя Души," Гоголя. 33, 163, 164, 177.
„Миргородъ." Гоголя. 163.
Морзъ. 130.
Некрасовъ. 38. 40.
Непиръ. 135.
Новиковъ, И. И. 90.
Норовъ, А. С. 81.
„Оружейный Сборникъ." 131.
Островскій, А. Н. 38, 40.
„Отечественныя Записки". 162.
„Отцы и Дѣти," Тург. 37.
Паскаль. 151.
„Переписка съ друзьями," Гоголя. 163.
Писемскій. 128, 129.
„Подъ вечеръ осенью ненастный." 96.
Поповъ, А. И. 15.
Пушкинъ. 8. 13, 14, 16, 39, 41, 96, 189, 192.
„Разборъ и извлеченіе изъ романа *„Война и Миръ,"* Е. Лѣскина. 42.
„Ревизоръ," Гоголя. 163.
„Русскій Міръ." 193, 198.
Рѣшетниковъ. 31.
Скабичевскій, А. 162, 188.
Стефенсонъ. 130.
„Среди долины ровныя," Мерзлякова. 96.
„Стонетъ сизый голубочекъ". Дмитріева. 95.
Страховъ, Н. 1, 41.
Тургеневъ, И. С. 10, 31, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 40, 158.
Тьеръ. 153, 154.
Ушинскій, К. 195.
„Философія застоя." Статья Шелгунова. 97.
Хомяковъ. 19.
Шатріанъ. 191.
Шварцъ. 90.
Шелгуновъ, Н. В. 97, 130.
Шекспиръ. 129.
Эркманъ. 191.

КРИТИКА СЕМИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

„ВОЙНА И МИРЪ“.

*) **Война и Миръ.** Сочиненіе гр. Л. Н. Толстого. Томы V и VI. Москва, 1869.

„Нѣтъ величія тамъ, гдѣ нѣтъ простоты, добра и правды“.
Война и Миръ, т. VI, стр. 62.

I.

Наконецъ, великое произведеніе кончено. Наконецъ, оно передъ нами, оно навсегда наше, и исчезли всякія наши волненія. Въ то время, какъ гр. Л. Н. Толстой какъ будто замедлилъ окончаніемъ своего труда, мы невольно мучились страхомъ и надеждой. Художникъ, какъ мы видимъ теперь, спокойно и увѣренно продолжалъ свою работу; твердою рукою онъ доканчивалъ ея послѣднія части; но мы, простые смертные, съ невольнымъ замираніемъ сердца ждали совершенія таинственнаго дѣла. Мы дивились до изумленія, какъ могла творческая сила, не ослабѣвая ни на минуту, дѣйствовать въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, и, еще, не сумѣвъ понять всего величія открывшихся передъ нами силъ, не успѣвъ привыкнуть къ этому величію, малодушно страшились за окончаніе великаго и безцѣннаго дѣла. Самыя нелѣпыя опасенія приходили намъ въ голову.

Но, наконецъ, картина готова, и вся передъ нами. Красота ея открывается съ новою, съ поразительною силою. Только теперь всѣ подробности заняли свое надлежащее мѣсто, ясно обозначился центръ, ясно выступилъ колоритъ отдѣльныхъ частей, и, обнимая картину однимъ взглядомъ, мы можемъ отчетливо видѣть ея общее освѣщеніе, связь

*) „Заря“ 1870 г., № 1, январь. Статья Н. Страхова.

всѣхъ ея фигуръ и неотразимую мысль, которая составляетъ душу всего произведенія, которая даетъ ему полное единство, полную жизнь. Всмотритесь, вчитайтесь, попробуйте обозрѣть весь разсказъ какъ одно цѣлое,—впечатлѣніе будетъ усиливаться и возрастать по мѣрѣ вашего вниманія и изученія.

Какая громада и какая стройность! Ничего подобнаго не представляетъ намъ ни одна литература. Тысячи лицъ, тысячи сценъ, всевозможныя сферы государственной и частной жизни, исторія, война, всѣ ужасы, какіе есть на землѣ, всѣ страсти, всѣ моменты человѣческой жизни, отъ крика новорожденнаго ребенка до послѣдней вспышки чувства умирающаго старика, всѣ радости и горести, доступныя человѣку, всевозможныя душевныя настроенія, отъ ощущеній вора, укравшаго червонцы у своего товарища, до высочайшихъ движеній героизма и думъ внутренняго просвѣтленія—все есть въ этой картинѣ. А между тѣмъ, ни одна фигура не заслоняетъ другой, ни одна сцена, ни одно впечатлѣніе не мѣшаютъ другимъ сценамъ и впечатлѣніямъ, все на мѣстѣ, все ясно, все раздѣльно и все гармонируетъ между собою и съ цѣлымъ. Подобнаго чуда въ искусствѣ, притомъ чуда, достигнутаго самыми простыми средствами, еще не бывало на свѣтѣ. Эта простая и въ то же время невообразимо-искусная группировка не есть дѣло внѣшнихъ соображеній и прилаживаній; она могла быть только плодомъ геніальнаго прозрѣнія, которое однимъ взглядомъ, простымъ и яснымъ, объемлетъ и проникаетъ все многообразное теченіе жизни.

Ревниво осматриваемъ мы наше сокровище, это неожиданное богатство нашей литературы, честь и украшеніе ея современнаго періода: нѣтъ-ли гдѣ недостатковъ? Нѣтъ-ли пропусковъ, противорѣчій? Нѣтъ-ли какихъ-нибудь важныхъ несовершенствъ, за которыя мы, конечно, съ избыткомъ были бы вознаграждены сильными сторонами „Войны и Мира", но которыя намъ все-таки больно было бы видѣть въ этомъ произведеніи? Нѣтъ, нѣтъ ничего, что могло-бы помѣшать полной радости, что смущало бы нашъ восторгъ. Всѣ лица

выдержаны, всѣ стороны дѣла схвачены, и художникъ до послѣдней сцены не отступилъ отъ своего безмѣрно-широкаго плана, не опустилъ ни одного существеннаго момента, и довелъ свой трудъ до конца безъ всякаго признака измѣненія въ тонѣ, взглядѣ, въ пріемахъ и силѣ творчества. Дѣло поистинѣ изумительное!

Для ясности попробуемъ сдѣлать коротенькій очеркъ двухъ послѣднихъ томовъ.

Пятый томъ содержитъ занятіе Москвы французами и все время ихъ пребванія въ ней. Шестой—бѣгство французовъ и эпилогъ — развязку всѣхъ событій, государственныхъ и частныхъ. Надъ пятымъ томомъ царитъ ужасъ, а надъ шестымъ, несмотря на всѣ его мрачныя картины, уже носится вѣяніе мира, уже ясно, что все стихаетъ, борьба кончена, и скоро наступитъ обыкновенное теченіе жизни.

Пятый томъ, начинающійся совѣтомъ въ Филяхъ, на которомъ рѣшено было отдать Москву, и оканчивающійся сценою, когда Кутузовъ получаетъ извѣстіе о выступленіи французовъ изъ столицы, поразителенъ изображеніемъ того страшнаго удара, который былъ нанесенъ русскимъ душамъ потерею Москвы. Люди потерялись, ошалѣли, обезумѣли отъ жестокаго потрясенія. Растопчинъ, Пьеръ, посѣтители питейнаго дома на Варваркѣ,—всѣ потеряли голову, всѣ чувствовали и дѣйствовали подъ давленіемъ неописаннаго ужаса. Самъ Кутузовъ, до конца вѣрившій и ни разу не колебавшійся, задумался, какъ никогда онъ не задумывался. Главное лицо пятаго тома, Пьеръ, на которомъ всего яснѣе отражается нравственный процессъ, совершавшійся въ русскихъ душахъ, своими похожденіями всего лучше изображаетъ чувства, овладѣвшія тогда всѣми. Его бѣгство изъ своего дворца, переодѣваніе, попытка убить Наполеона, и пр.,—все свидѣтельствуетъ о глубокомъ душевномъ потрясеніи, о страстномъ желаніи – такъ или иначе раздѣлить бѣдствія своей родины, страдать тогда, когда всѣ страдаютъ. Онъ, наконецъ, добивается своего, и въ плѣну —успокоивается. Въ плѣну онъ сливается съ массою простонарод-

ныхъ лицъ и въ этой массѣ встрѣчаетъ человѣка, который всего яснѣе, всего глубже показываетъ ему силу и красоту русскаго народа,—Платона Каратаева. Убѣжавши съ Бородинскаго поля, Безухій размышлялъ такъ: „Какъ ужа„сенъ страхъ, и какъ позорно я отдался ему! А они... „они все время до конца были тверды, спокойны"... *Они* „въ понятіи Пьера были солдаты, тѣ, которые были на ба„тареѣ, и тѣ, которые его кормили, и тѣ, которые молились „на икону. *Они — эти странные, невѣдомые ему досель „они ясно и рѣзко отдѣлялись въ его мысли отъ другихъ людей*" (стр. 35, т. V). Затѣмъ во снѣ ему видится масонъ-благодѣтель, говорящій о добрѣ, о возможности быть тѣмъ, чѣмъ были *они*. „И *они* со всѣхъ сторонъ, *съ своими простыми, добрыми лицами*, окружали благодѣтеля". Такъ образъ народа съ неизгладимою силою отпечатлѣлся въ душѣ Пьера на Бородинскомъ полѣ. Но это впечатлѣніе еще разъ, съ бо́льшею силою, въ болѣе конкретныхъ формахъ, повторилось для Пьера тогда, когда онъ всего способнѣе былъ его принять, въ плѣну, среди величайшихъ страданій. „Платонъ Каратаевъ", говоритъ авторъ, „остался навсегда въ „душѣ Пьера самымъ сильнымъ и дорогимъ воспоминаніемъ „и олицетвореніемъ всего русскаго, добраго и круглаго" (тамъ же, стр. 233). Въ лицѣ Каратаева Пьеръ видѣлъ то, какъ русскій народъ мыслитъ и чувствуетъ при самыхъ крайнихъ бѣдствіяхъ, какая великая вѣра живетъ въ его простыхъ сердцахъ. Душевная красота Каратаева поразительна, выше всякой похвалы. Вспомнимъ, какъ долго наша литература занималась простымъ народомъ, сколько попытокъ было сдѣлано, чтобы уловить его духъ и силу, сколько подобныхъ попытокъ есть у самого гр. Л. Н. Толстого. Вся эта литература, всѣ эти попытки превзойдены и навсегда заслонены несравненною фигурою Каратаева, показывающею, какъ глубоко овладѣлъ художникъ труднѣйшими задачами, волновавшими цѣлый литературный періодъ, и его самого вмѣстѣ съ другими.

И такъ, внутренній смыслъ пятаго тома сосредоточенъ на Пьерѣ и Каратаевѣ, какъ на лицахъ, которыя, страдая

вмѣстѣ со всѣми, но оставаясь безъ дѣйствія, имѣли возможность продумать и выносить въ душѣ впечатлѣніе великаго общаго бѣдствія. Для Пьера глубокій душевный процессъ окончился нравственнымъ обновленіемъ; Наташа говоритъ, что Пьеръ морально очистился, что плѣнъ былъ для него нравственною банею (т. VI, стр. 136). Каратаеву нечему было учиться; онъ словомъ и дѣломъ училъ другихъ, и умеръ, завѣщавъ свой духъ Пьеру.

Рядомъ съ этими событіями внутренней духовной жизни стоятъ въ пятомъ томѣ всякаго рода внѣшнія событія. Отъѣздъ Ростовыхъ, хлопоты и порыванія Растопчина, убійство Верещагина, капитанъ Рамбаль со своими разсказами, Мишо, доносящій Царю о взятіи Москвы, разстрѣливаніе русскихъ поджигателей, и т. д. Всѣ эти сцены съ изумительной живостію рисуютъ намъ ходъ всего дѣла въ эту тяжелую эпоху, тогдашнюю жизнь Москвы, Россіи, отъ Царя до послѣдняго солдата.

Но творчество нашего художника достигаетъ своей высшей силы тамъ, гдѣ оно касается вѣчныхъ, непреходящихъ интересовъ души человѣческой. Участіе князя Андрея въ общихъ дѣлахъ кончилось на Бородинскомъ полѣ, гдѣ онъ былъ смертельно раненъ. Ему предстояли теперь уже одни частныя его дѣла — свиданіе съ Наташею и смерть. Изображеніе этого свиданія и внутренняго просвѣтленія, испытаннаго княземъ Андреемъ передъ смертью, есть верхъ художественнаго совершенства, дѣйствительное откровеніе тайнъ человѣческаго сердца, потрясающее насъ своею неизмѣримою глубиною. Другой разсказъ не менѣе поразителенъ. Въ пятомъ же томѣ разсказывается, какъ среди всеобщихъ бѣдствій завязалась любовь между княжною Марьею и Николаемъ Ростовымъ. Чистота и нѣжность этихъ отношеній невыразимы, безконечны. Невольно изумляешься тому, какъ просты и вмѣстѣ какъ чисты оба эти существа, какой ясный свѣтъ можетъ горѣть въ самыхъ обыкновенныхъ людяхъ. И такъ, князь Андрей — умираетъ, Николай Ростовъ влюбляется въ свою будущую

жену, Пьеръ страдаетъ — вся гамма человѣческой жизни еще разъ взята художникомъ въ пятомъ томѣ.

Шестой томъ—развязка,—конецъ страшныхъ событій и начало новой жизни. Характеръ отступленія французской арміи и образъ дѣйствій нашихъ войскъ показанъ съ такою же ясностію и вѣрностію, какъ и смыслъ Бородинской битвы и значеніе гибели Москвы для насъ и для французовъ. Событія идутъ быстро, но не опущено ничего требуемаго полнотою картины. Обрисована партизанская война, положеніе бѣгущихъ французовъ, жестокость однихъ русскихъ, благодушіе другихъ, „чувство величественнаго тор„жества въ соединеніи съ жалостью къ врагамъ и созна„ніемъ своей правоты", какъ говоритъ авторъ (т. VI, стр. 91). Наконецъ, Кутузовъ, подобно тому какъ въ пятомъ томѣ, является въ началѣ, „когда уже стало ясно, что непріятель вездѣ бѣжитъ" (стр. 88), и въ концѣ, когда онъ въ Вильнѣ выслушиваетъ выговоръ Государя (стр. 107).

Мы видимъ при этомъ, какъ погибали юноши (смерть Пети Ростова), какъ невѣсты горевали объ женихахъ и сестры о братьяхъ (Наташа и княжна Марья о князѣ Андреѣ), какъ матери убивались объ дѣтяхъ (графиня Ростова объ Петѣ). Когда же кончилась война, наступаютъ свиданія въ Москвѣ тѣхъ лицъ, которыя были разлучены войною, начинаются разсказы и распросы, завязываются новыя отношенія и начинается новая жизнь.

Внутренній смыслъ хроники заканчивается послѣдними поученіями, преподаваемыми Пьеру его собственными страданіями и предсмертными рѣчами и смертью Каратаева. Живо и глубоко изображаетъ художникъ обновленіе Пьера. Въ этомъ обновленіи олицетворено обновленіе всей Россіи, то раскрытіе духовныхъ силъ, которое должно было послѣдовать за испытаніями и борьбою. Для Пьера, какъ и для Россіи, начался новый, лучшій періодъ. Очистившійся, укрѣпленный и просвѣтленный страданіемъ, Пьеръ заслуживаетъ любовь Наташи и испытываетъ все счастіе, къ какому только способенъ.

Тутъ опять художникъ вступаетъ въ область неизмѣн-

ныхъ, непреходящихъ интересовъ человѣческой жизни, и опять поднимается до высоты удивительной и несравненной. Онъ рисуетъ намъ двѣ семьи, двѣ новыя семьи, сложившіяся подъ вліяніемъ всѣхъ разсказанныхъ имъ событій и составляющія какъ бы вѣнецъ дѣла, какъ бы плодъ на одной изъ безчисленныхъ вѣтокъ дерева, выдержавшаго благотворную бурю, — Россіи. Никогда еще не было на свѣтѣ подобнаго описанія супружеской жизни, потому что не было описанія русской семьи, т. е. самой лучшей изъ всѣхъ семей на свѣтѣ. Любовь между мужемъ и женою въ полномъ разцвѣтѣ ихъ силъ, чистая, нѣжная, твердая, незыблемо глубокая, — въ первый разъ изображена намъ во всей ея высокой силѣ и безъ единой прикрасы.

Картина двухъ новыхъ семействъ удивительно гармонически заканчиваетъ всю хронику. Когда начинался разсказъ, передъ нами открывались два семейства, уже давно сложившіяся, — семейство Болконскихъ, въ которомъ были взрослые сынъ и дочь, и семейство Ростовыхъ, въ которомъ Николай былъ еще только студентомъ, а Наташѣ было двѣнадцать лѣтъ. Черезъ пятнадцать лѣтъ (таковъ періодъ, обнимаемый хроникою), передъ нами являются двѣ молодыя семьи съ маленькими дѣтьми. Съ геніальнымъ тактомъ художникъ началъ свою семейную хронику съ людей настолько взрослыхъ, что мы можемъ ими заинтересоваться, и кончилъ картинами, въ которыхъ даже грудныя дѣти намъ безконечно милы, такъ какъ принадлежатъ къ семействамъ, съ которыми мы сжились и сроднились во время разсказа.

Полная картина человѣческой жизни.

Полная картина тогдашней Россіи.

Полная картина того, что̀ называется исторіею и борьбою народовъ.

Полная картина всего, въ чемъ люди полагаютъ свое счастіе и величіе, свое горе и униженіе.

Вотъ что̀ такое „Война и Миръ“.

II.

Но какой же смыслъ великаго произведенія? Нельзя-ли въ короткихъ словахъ изобразить существенную мысль, разлитую въ этой огромной эпопеѣ, указать на ту душу, для которой всѣ подробности разсказа составляютъ только воплощеніе, а не сущность.

Дѣло трудное. Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ по этому поводу, для разъясненія кое-какихъ недоразумѣній.

„Война и Миръ" испытываетъ на себѣ судьбу всего истинно-великаго. Истинно-великое часто вовсе не признается людьми; иногда оно увлекаетъ ихъ, покоряетъ ихъ своей силѣ; но *не понимается* оно почти всегда, почти безъ всякаго исключенія. Обыкновеннѣйшій ходъ дѣла таковъ, что люди *чувствуютъ* величіе, но его *не понимаютъ*. Такъ это было съ Пушкинымъ въ послѣднюю эпоху его дѣятельности; такъ это продолжается съ Пушкинымъ до сихъ поръ, несмотря на удивительнѣйшій прогрессъ, который мы у себя сочинили; такъ это случилось, и необходимо должно было случиться, и съ „Войною и Миромъ". Неотразимая прелесть художественнаго разсказа всѣхъ поразила, всѣхъ покорила; но въ то же время обнаружилось повальное недоумѣніе, совершенная неспособность понять самый смыслъ произведенія. Читатели, подобно *черни* въ стихотвореніи Пушкина, никакъ не могли рѣшить вопросъ:

Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ бренчитъ? Чему насъ учитъ?
Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ
Какъ своенравный чародѣй?

Можно сказать, что „Война и Миръ" есть самое непонятное изъ всѣхъ произведеній русской литературы, столь же непонятное, какъ самъ Пушкинъ.

Но что же тутъ мудренаго, и какъ же иначе могло быть? Чѣмъ выше явленіе само по себѣ, тѣмъ оно труднѣе для

пониманія. Въ отношеніи къ „Войнѣ и Миру“ нельзя даже сваливать всю вину на дурное состояніе нашей литературы и вообще нашихъ читателей; главная вина непониманія и недоумѣнія заключается въ той страшной высотѣ, на которую поднялся гр. Л. Н. Толстой и которая недоступна для большинства.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, „Война и Миръ“ подымается до высочайшихъ вершинъ человѣческихъ мыслей и чувствъ, до вершинъ, обыкновенно недоступныхъ людямъ. Вѣдь, гр. Л. Н. Толстой есть поэтъ въ старинномъ и наилучшемъ смыслѣ этого слова; онъ носитъ въ себѣ глубочайшіе вопросы, къ какимъ только способенъ человѣкъ; онъ прозрѣваетъ и открываетъ намъ сокровеннѣйшія тайны жизни и смерти. Какъ же вы хотите, чтобы его поняли люди, для которыхъ подобныхъ вопросовъ вовсе не существуетъ, и которые такъ глупы или, если хотите, такъ умны, что никакихъ тайнъ ни въ себѣ ни вокругъ себя не находятъ? Смыслъ исторіи, сила народовъ, таинство смерти, сущность любви, семейной жизни и т. п.—вотъ, вѣдь, предметы гр. Л. Н. Толстого. Что же? Развѣ всѣ эти и подобные предметы — такія легкія вещи, что ихъ можетъ понимать первый попавшійся человѣкъ? Развѣ есть что нибудь мудреное въ томъ, что для пониманія ихъ у многихъ и многихъ не хватаетъ ни ширины ума ни жизненнаго опыта?

Если мы только сообразимъ обыкновенное умственное состояніе не столько простыхъ читателей, сколько главнымъ образомъ „цѣнителей и судей“, то мы перестанемъ удивляться кривымъ и пустымъ толкамъ, которыми было встрѣчено произведеніе гр. Л. Н. Толстого, и которые будутъ, конечно, раздаваться около него еще нескончаемые годы. Есть, вѣдь, множество людей, которые никогда не мыслили и не чувствовали, а только всю жизнь прикидываются мыслящими и чувствующими. Всю жизнь они, собственно говоря, мошенничаютъ, то есть постоянно обманываютъ другихъ, надѣвая на себя маску мыслей и чувствъ, которыхъ вовсе не имѣютъ. Многіе изъ нихъ даже вовсе не вѣрятъ, что на свѣтѣ существуетъ мысль и чувство, и простодушно

считаютъ людей мыслящихъ и чувствующихъ за такихъ же обманщиковъ, какъ они сами. Они судятъ какъ Пандалевскій (благодаримъ васъ, г. Тургеневъ), который, послушавъ Рудина, призналъ его въ глубинѣ души только „очень ловкимъ человѣкомъ“, т. е. гораздо ловчѣе себя. (Соч. Тур. т. III, стр. 274).

И такіе люди судили, судятъ и будутъ судить о „Войнѣ и Мирѣ“.

Есть другой, болѣе современный типъ „судей“, также очень распространенный и игравшій даже важнѣйшія роли въ нашемъ прогрессѣ. Это люди — чрезвычайно тупые и въ то же время чрезвычайно самоувѣренные. Не имѣя ни ума ни сердца, они однако же воображаютъ себя все понимающими, способными сочувствовать всему хорошему. Самолюбіе ихъ такъ велико и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ слѣпо и простодушно, что имъ кажется смѣшнымъ и обиднымъ, когда что нибудь или кто нибудь ставится выше ихъ. Они питаютъ самую дѣтскую, самую заразительную увѣренность, что для ихъ образованія и ихъ ума все доступно, все понятно. Первое слѣдствіе отсюда то, что они съ полной важностію, съ неописаннымъ увлеченіемъ и жаромъ проповѣдываютъ величайшія пошлости, сообразныя мелкости ихъ ума и сердца. Второе слѣдствіе—что все, чего они не понимаютъ, они признаютъ за совершенную глупость,

И такіе люди судили, судятъ и будутъ судить о „Войнѣ и Мирѣ“.

Говорить ли о множествѣ другихъ? Большею частью, поэзія, наука, всѣ области мысли и творчества являются людямъ какимъ то дремучимъ и безпредѣльнымъ лѣсомъ, въ которомъ они, боясь заблудиться, ходятъ только по тропинкамъ уже протоптаннымъ другими, а чаще всего держатся большой, давно взъѣзженной дороги. Большею частью люди, для собственнаго удобства и собственной безопасности, смотрятъ въ землю, а не на небо, замѣчаютъ только то, что̀ приходится по ихъ росту, успѣваютъ разглядѣть на своемъ жизненномъ пути только подножія великихъ явленій нравственнаго міра, и никогда не становятся на точку

зрѣнія, съ которой бы ясно открывались истинные размѣры этихъ явленій. А если люди и попадаютъ случайно на такую точку, то они слишкомъ близоруки, чтобы видѣть то, что открывается предъ ними.

Какъ бы то ни было, безмѣрная высота „Войны и Мира“ необходимо должна была повести къ непониманію. Въ нашей молодой и слишкомъ быстро движущейся литературѣ еще мало распространено понятіе о тѣхъ опасностяхъ, которыя предстоятъ людямъ, публично объявляющимъ свои мысли. „Война и Миръ“ естественно должна была стать камнемъ преткновенія для тѣхъ, кто брался судить объ этомъ произведеніи. Многимъ суждено было по этому случаю собственными руками наложить на свой лобъ клеймо тупости и непонятливости, соединенной съ самодовольствомъ и дерзостію. Постараемся же избѣжать подобнаго позора и быть почтительными и понятливыми, сколько можемъ.

III.

И такъ, какой же смыслъ „Войны и Мира“?

Всего яснѣе, намъ кажется, этотъ смыслъ выражается въ тѣхъ словахъ автора, которыя мы поставили эпиграфомъ: „Нѣтъ величія“, говоритъ онъ, „тамъ, гдѣ „нѣтъ *простоты*, *добра* и *правды*“.

Задача художника состояла въ томъ, чтобы изобразить истинное величіе, какъ онъ его понимаетъ, и противопоставить его ложному величію, которое онъ отвергаетъ. Эта задача выразилась не только въ противопоставленіи Кутузова и Наполеона, но и во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ борьбы, вынесенной цѣлою Россіею, въ образѣ чувствъ и мыслей каждаго солдата, во всемъ нравственномъ мірѣ русскихъ людей, во всемъ ихъ бытѣ, во всѣхъ явленіяхъ ихъ жизни, въ ихъ манерѣ любить, страдать, умирать. Художникъ изобразилъ со всею ясностію, въ чемъ русскіе люди полагаютъ человѣческое достоинство, въ чемъ тотъ идеалъ величія, который присутствуетъ даже въ сла-

бых душахъ, и не оставляетъ сильныхъ даже въ минуты ихъ заблужденій и всякихъ нравственныхъ паденій. Идеалъ этотъ состоитъ, по формулѣ данной самимъ авторомъ, въ простотѣ, добрѣ и правдѣ. Простота, добро и правда побѣдили въ 1812 году силу, не соблюдавшую простоты, исполненную зла и фальши. Вотъ смыслъ „Войны и Мира".

Другими словами—художникъ далъ намъ новую, русскую формулу *героической жизни*, ту формулу, подъ которую подходитъ Кутузовъ и подъ которую никакъ не можетъ подойти Наполеонъ. О Кутузовѣ авторъ прямо говоритъ: „*Простая*, *скромная* и потому *истинно величественная* фи„гура эта не могла улечься въ ту лживую форму европей„скаго героя, мнимо управляющаго людьми, которую при„думала исторія" (т. VI, стр. 88). Но то же самое слѣдуетъ разумѣть обо всѣхъ русскихъ людяхъ, обо всѣхъ фигурахъ, выведенныхъ въ „Войнѣ и Мирѣ". Ихъ чувства, мысли и желанія, насколько въ нихъ есть героическаго, насколько въ нихъ проявляется стремленіе къ героическому и пониманіе героическаго, не укладываются въ тѣ чужія и лживыя формы, которыя созданы Европою. Весь русскій душевный строй *проще*, *скромнѣе*, представляетъ ту гармонію, то равновѣсіе силъ, которыя одни согласны съ истиннымъ величіемъ и нарушеніе которыхъ мы ясно чувствуемъ въ величіи другихъ народовъ. Обыкновенно насъ плѣняютъ и долго еще будутъ плѣнять блескъ и мощь тѣхъ формъ жизни, которыя создаются силами, не соблюдающими гармоніи, вышедшими изъ взаимнаго равновѣсія. Этихъ яркихъ формъ всякаго рода страстей, всякаго рода душевныхъ напряженій, разростающихся до ослѣпляющаго величія, — много создала Европа, много создалъ древній міръ. Мы, младшій изъ великихъ народовъ, невольно увлекаемся этими формами чуждой жизни; но въ глубинѣ души у насъ хранится другой, своеобразный идеалъ, въ сравненіи съ которымъ часто меркнутъ и являются безобразіемъ—воплощенія въ дѣйствительности и въ искусствѣ идеаловъ, несогласныхъ съ нашимъ душевнымъ строемъ.

Чисто-русскій героизмъ, чисто-русское героическое во

всевозможныхъ сферахъ жизни,—вотъ что далъ намъ гр. Л. Н. Толстой, вотъ главный предметъ „Войны и Мира". Если мы оглянемся на нашу прошлую литературу, то намъ будетъ яснѣе, какую огромную заслугу оказалъ намъ художникъ, и въ чемъ состоитъ эта заслуга. Основатель нашей самобытной литературы, Пушкинъ, одинъ только въ своей великой душѣ носилъ сочувствіе всѣмъ родамъ и видамъ величія, всѣмъ формамъ героизма, почему и могъ онъ постигнуть и русскій идеалъ, почему и могъ стать основателемъ русской литературы. Но въ его дивной поэзіи этотъ идеалъ проступалъ только чертами, только указаніями, безошибочными и ясными, но неполными и неразвитыми.

Явился Гоголь и не совладалъ съ безмѣрною задачею. Раздался плачъ по идеалѣ, полились „сквозь видимый міру смѣхъ незримыя слезы", свидѣтельствовавшія, что художникъ не хочетъ отказаться отъ идеала, но и не можетъ достигнуть его воплощенія. Гоголь сталъ отрицать эту жизнь, которая такъ упорно не выдавала ему своихъ положительныхъ сторонъ. „Нѣтъ у насъ героическаго въ жизни; мы всѣ или Хлестаковы или Поприщины"—вотъ заключеніе, къ которому пришелъ несчастный идеалистъ.

Задача всей литературы послѣ Гоголя состояла только въ томъ, чтобы отыскать русскій героизмъ, сгладить то отрицательное отношеніе, въ которое сталъ къ жизни Гоголь, уразумѣть русскую дѣйствительность болѣе правильнымъ, болѣе широкимъ образомъ, чтобы не могъ отъ насъ укрыться тотъ идеалъ, безъ котораго народъ такъ же не могъ бы существовать, какъ тѣло безъ души. Для этого требовалась тяжкая и долгая работа, и ее-то сознательно и безсознательно несли и совершали всѣ наши художники.

Но первый разрѣшилъ задачу гр. Л. Н. Толстой. Онъ первый одолѣлъ всѣ трудности, выносилъ и побѣдилъ въ своей душѣ процессъ отрицанія, и освободившись отъ него, сталъ творить образы, воплощающіе въ себѣ положительныя стороны русской жизни. Онъ первый показалъ намъ въ неслыханной красотѣ то, что ясно видѣла и понимала только безупречно-гармоническая, всему великому доступ-

ная дума Пушкина. Въ „Войнѣ и Мирѣ" мы опять нашли свое героическое, и теперь его уже никто отъ насъ не отниметъ.

Попробуемъ частнѣе и опредѣленнѣе указать, что сдѣлано гр. Л. Н. Толстымъ. Не вся задача рѣшена, не вся широкая область русской души исчерпана гр. Л. Н. Толстымъ, но та половина задачи, которая въ настоящую минуту была всего настоятельнѣе и важнѣе, получила въ „Войнѣ и Мирѣ" рѣшеніе, по своей силѣ и ясности не уступающее никакому другому созданію поэзіи, принадлежащее къ высшимъ ея проявленіямъ, какія только существуютъ и будутъ существовать.

Не весь русскій идеалъ воплотился у гр. Л. Н. Толстого, но съ неотразимою силою и прелестію у него раздался „голосъ за простое и доброе, поднявшійся въ душахъ нашихъ противъ ложнаго и хищнаго". Этотъ голосъ въ первый разъ послышался у Пушкина, а смыслъ его въ первый разъ понятъ и засвидѣтельствованъ Ап. Григорьевымъ, употребившимъ и приведенное нами въ кавычкахъ выраженіе. (Соч. Ап. Григорьева, I, стр. 326, 333 и др.). Замѣчательно то буквальное сходство, которое оказывается въ формулѣ Григорьева и въ опредѣленіи гр. Л. Н. Толстымъ истиннаго величія. Это величіе должно совмѣщать *простоту, добро* и правду, т. е. быть чуждо всего *ложнаго*.

Голосъ за простое и доброе противъ ложнаго и хищнаго— вотъ существенный, главнѣйшій смыслъ „Войны и Мира". Это тотъ прекрасный и своеобразный элементъ нашей литературы, который былъ открытъ въ ней и прослѣженъ съ великою чуткостію Ап. Григорьевымъ. Но критикъ, столь вѣрно понимавшій глубочайшія струны нашей поэзіи, едва ли предвидѣлъ и ожидалъ, что этотъ голосъ послѣ его смерти раздастся несравненно сильнѣе, чѣмъ онъ когда либо его слышалъ, что могучій звукъ этого прекраснаго голоса нѣкогда покроетъ весь гамъ нашей литературы и примкнетъ по своей несравненной чистотѣ и силѣ къ дивнымъ звукамъ Пушкинской поэзіи.

Особенный смыслъ этого голоса—вотъ что намъ слѣ-

дуетъ опредѣлить. Если мы для этого прослѣдимъ всѣ лица и событія „Войны и Мира", то мы ясно увидимъ, что симпатіи автора имѣютъ нѣкоторую односторонность, выкупаемую тѣмъ бо́льшею проницательностію и глубиною относительно той стороны, въ которую обращены эти симпатіи. Существуетъ на свѣтѣ какъ будто два рода геронзма: одинъ—дѣятельный, тревожный, порывающійся, другой—страдательный, спокойный, терпѣливый. Ап. Григорьевъ замѣтилъ въ нашей литературѣ появленіе лицъ, представляющихъ въ своей натурѣ это различіе, и называлъ ихъ двумя различными типами *хищнымъ* и *смирнымъ*. Гр. Л. Н. Толстой, очевидно, съ величайшимъ сочувствіемъ относится къ страдательному или смирному геронзму, и—очевидно же—мало питаетъ сочувствія къ геронзму дѣятельному и хищному. Въ пятомъ и шестомъ томѣ эта разница въ симпатіи выступила еще рѣзче, чѣмъ въ первыхъ томахъ. Къ категоріи дѣятельнаго геронзма относятся не только французы вообще и Наполеонъ въ особенности, но и множество русскихъ лицъ, напр., Растопчинъ, Ермоловъ, Милорадовичъ, Долоховъ и пр. Къ категоріи смирнаго геронзма принадлежитъ прежде всего—самъ Кутузовъ, величайшій образецъ этого типа—Тушинъ, Тимохинъ, Дохтуровъ, Коновницынъ, и пр. и пр.; вообще—вся масса нашихъ военныхъ и вся масса русскаго народа. Весь разсказъ „Войны и Мира" какъ будто имѣетъ цѣлью доказать превосходство смирнаго геронзма надъ геронзмомъ дѣятельнымъ, который повсюду оказывается не только побѣжденнымъ, но и смѣшнымъ, не только безсильнымъ, но и вреднымъ. Самая ясная и живая фигура, въ которой гр. Л. Н. Толстой съ удивительной силою очертилъ типъ людей, думающихъ быть дѣятельными героями, есть Растопчинъ. Мы слышали, что это лицо угадано авторомъ совершенно вѣрно, что самыя подробныя и многолѣтнія историческія изысканія только подтверждаютъ поэтическую проницательность гр. Л. Н. Толстого *). Передъ величіемъ совершающихся событій, люди, подобные Растопчину, являются ничтожными и жалкими,

*) Такъ отзывался покойный Александръ Николаевичъ Поповъ.

не потому, чтобы это были личности очень слабыя сам по себѣ, а потому, что они порываются вмѣшаться въ ход событій, неизмѣримо превышающихъ собою размѣры их силъ. Въ этомъ преувеличеніи своего значенія, въ этом нелѣпомъ и дерзкомъ самообольщеніи, у автора оказыва ются виновными не только отдѣльныя лица, но цѣлые на роды, напримѣръ, французы, приведшіе на насъ Европу, цѣлыя сферы въ самой Россіи, напримѣръ, придворна сфера, сфера военныхъ штабовъ и т. д. Авторъ показы вастъ, какъ повсюду—увѣренность въ своей силѣ, призна ніе за своею личностію способности измѣнять и направлят событія ведетъ только къ ошибкамъ и неизбѣжно соединяетс съ игрою самыхъ дурныхъ страстей, самолюбія, тщеславія зависти, ненависти и пр.

Такимъ образомъ, по смыслу всего разсказа, у хищнаго типа отнято всякое поприще дѣйствія. Между тѣмъ, вообще говоря, невозможно отрицать, чтобы люди рѣшительные, смѣлые—не имѣли никакой важности въ ходѣ дѣлъ, чтобы русскій народъ не порождалъ людей, дающихъ просторъ своимъ личнымъ взглядамъ и силамъ. Совершенно справедливо, что при такомъ развитіи личности она большею частію отличается весьма непривлекательными чертами; но несомнѣнно также, что въ этихъ людяхъ проявляются и прекрасныя свойства русской душевной силы.

И такъ, есть сторона русскаго характера, которая не вполнѣ схвачена и изображена авторомъ. Нужно ждать еще художника, который бы сумѣлъ такъ отнестись къ этой сторонѣ, какъ, напримѣръ, Пушкинъ относился къ Петру I:

Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ,
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь гордый конь
И гдѣ опустишь ты копыта?
О, мощный властелинъ судьбы!
Не такъ-ли ты надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной
Россію вздернулъ на дыбы?

(*Мѣдный Всадникъ*).

Но пока нѣтъ у насъ чистыхъ и ясныхъ образовъ дѣятельнаго героизма, пока этотъ героизмъ не нашелъ себѣ своего поэта-выразителя, мы должны смиренно преклониться передъ поэтомъ, прославившимъ и воплотившимъ передъ нами героизмъ смиренія. Мы только можемъ гадать и смутно прозрѣвать черты иного величія, также свойственнаго русской натурѣ, а то величіе, которое изображено гр. Л. Н. Толстымъ, мы уже видимъ во очію, въ ясномъ воплощеніи.

И въ существенномъ пунктѣ мы не можемъ не согласиться съ поэтомъ, то есть, мы вполнѣ признаемъ превосходство смиренаго героизма надъ героизмомъ дѣятельнымъ. Гр. Л. Н. Толстой изобразилъ намъ если не самыя сильныя, то, во всякомъ случаѣ, самыя лучшія стороны русскаго характера, тѣ его стороны, которымъ принадлежитъ и должно принадлежать верховное значеніе. Какъ нельзя отрицать, что Россія побѣдила Наполеона не дѣятельнымъ, а смирнымъ героизмомъ, такъ вообще нельзя отрицать, что *простота*, *добро* и *правда* составляютъ высшій идеалъ русскаго народа, которому долженъ подчиняться идеалъ сильныхъ страстей и исключительно сильныхъ личностей. Мы сильны *всѣмъ народомъ*, сильны тою силою, которая живетъ въ самыхъ простыхъ и смиренныхъ личностяхъ,—вотъ что хотѣлъ сказать гр. Л. Н. Толстой, и онъ совершенно правъ. Прибавимъ, что мы должны бы были преклониться передъ лучшими чертами нашего народнаго идеала и въ томъ случаѣ, если бы намъ не было доказано, что простота, добро и правда могутъ побѣдить всякую ложную, злую и неправую силу. Если вопросъ идетъ о силѣ, то онъ рѣшается тѣмъ, на какой сторонѣ побѣда; но простота, добро и правда намъ милы и дороги сами по себѣ, все равно, побѣдятъ они, или нѣтъ.

Всѣ сцены частной жизни и частныхъ отношеній, выведенныя гр. Л. Н. Толстымъ, имѣютъ одну и ту же цѣль,—показать, какъ страдаетъ и радуется, любитъ и умираетъ, ведетъ свою семейную и личную жизнь тотъ народъ, высшій идеалъ котораго заключается въ простотѣ, добрѣ и

правдѣ. Разница, столь ясно изображенная, между Кутузовымъ и Наполеономъ, та же самая разница существуетъ между Пьеромъ и капитаномъ Рамбалемъ, толкующими о своихъ любовныхъ приключеніяхъ, между Бурьенкой и княжной Марьей, и т. д. Тотъ же народный духъ, который проявился въ Бородинской битвѣ, проявляется въ предсмертныхъ думахъ князя Андрея, и въ душевномъ процессѣ Пьера, и въ разговорахъ Наташи съ матерью, и въ складѣ вновь образовавшихся семействъ, словомъ во всѣхъ душевныхъ движеніяхъ частныхъ лицъ „Войны и Мира".

Вездѣ и повсюду или господствуетъ духъ простоты, добра и правды, или является борьба этого духа съ уклоненіями людей на иные пути, и рано или поздно—его побѣда. Въ первый разъ мы увидѣли несравненную прелесть чисто-русскаго идеала, смиреннаго, простого, безконечно-нѣжнаго и въ то же время незыблемо-твердаго и самоотверженнаго. Огромная картина гр. Л. Н. Толстого есть достойное изображеніе русскаго народа. Это дѣйствительно неслыханное явленіе,—эпопея въ современныхъ формахъ искусства.

IV.

Необходимо сказать здѣсь хоть нѣсколько словъ о предметѣ, который мы охотно отложили бы до другого времени,—именно о философскихъ взглядахъ гр. Л. Н. Толстого на исторію. Есть много читателей, для которыхъ эти взгляды составляютъ помѣху впечатлѣнію самой хроники, слишкомъ рѣзко выдаваясь впередъ и развлекая вниманіе, недостаточно живо заинтересованное самимъ художественнымъ произведеніемъ. Въ этомъ отношеніи, авторъ, кажется, вполнѣ достигъ своей цѣли, то есть дѣйствительно всѣхъ заставилъ обратить вниманіе на свои любимыя мысли. Читая его полемическія выходки, замѣчая, какъ онъ начинаетъ горячиться, чуть только дѣло доходитъ до его философскихъ идей, можно подумать, что онъ гораздо меньше занятъ и увлеченъ своимъ существеннымъ предметомъ, то

есть изображеніемъ Россіи, побѣдившей Наполеона, чѣмъ нѣкоторыми общими соображеніями относительно исторіи. Такъ, говорятъ, Бетховенъ считалъ своимъ главнымъ призваніемъ юриспруденцію и почти жалѣлъ, что слишкомъ много времени посвятилъ музыкѣ.

Прежде всего, сознаемся со всею откровенностію, что одно дѣло вредитъ другому. Философскія разсужденія гр. Л. Н. Толстого сами по себѣ чрезвычайно хороши; если бы онъ выступилъ съ ними въ отдѣльной книгѣ, то его нельзя было бы не признать отличнымъ мыслителемъ, и книга его была бы одною изъ тѣхъ немногихъ книгъ, которыя вполнѣ заслуживаютъ названіе философскихъ. Но въ сосѣдствѣ съ хроникою „Войны и Мира“, на ряду съ ея животрепещущими картинами, эти разсужденія кажутся слабыми, мало занимательными, мало соотвѣтствующими величію и глубинѣ предмета. Въ этомъ отношеніи гр. Л. Н. Толстой сдѣлалъ большую ошибку противъ художественнаго такта: его хроника очевидно подавляетъ собою его философію, и его философія мѣшаетъ его хроникѣ. Многіе „цѣнители и судьи“, изъ тѣхъ, которые

Имѣютъ даръ одно худое видѣть,

обрадовались этой ошибкѣ и тотчасъ напали на „Войну и Миръ“ со слабаго мѣста, со стороны разсужденій объ исторіи, очевидно воображая, что тутъ-то они побѣдятъ навѣрное. Эти господа, намъ кажется, очень ошиблись; мы не помнимъ ни единаго дѣльнаго замѣчанія со стороны тѣхъ, кто весьма презрительно отзывался объ философскихъ взглядахъ гр. Л. Н. Толстого, и полагаемъ вообще, что авторы этихъ отзывовъ еще далеко не доросли до своего подсудимаго.

Вся бѣда, впрочемъ, заключается только въ первомъ впечатлѣніи; пройдетъ немного времени, и наши глаза привыкнутъ ясно раздѣлять два предмета, которые смѣшиваются только на первый взглядъ: хронику „Войны и Мира“ и ея философію. Хроника сама по себѣ составляетъ такое стройное, ясное, законченное цѣлое, что для всякаго, сколь-

ко нибудь способнаго понимать художественныя произведенія, никакія приставки и вводныя мысли не могутъ ослабить неотразимаго впечатлѣнія, не затемнятъ въ ней ни одной черты, такъ какъ всѣ ея черты чисты, просты и вполнѣ отчетливы. Что же касается до философіи гр. Л. Н. Толстого, то, когда мы привыкнемъ разсматривать ее отдѣльно отъ хроники—и она обнаружитъ тѣ неотъемлемыя достоинства, которыя теперь теряются въ слишкомъ блестящемъ сосѣдствѣ хроники.

Философскіе взгляды гр. Л. Н. Толстого тѣсно связаны съ содержаніемъ его хроники, они содержатъ въ себѣ замѣчательно точную и глубокую формулировку нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся исторіи вообще, но они не захватываютъ, не исчерпываютъ въ отвлеченной формѣ всего содержанія, которое „Война и Миръ" представляетъ въ формѣ художественной. Вотъ наше сужденіе, которое мы постараемся подкрѣпить кое-какими замѣчаніями и ссылками.

Мысль о томъ, что исторія совершается помимо людского произвола, что въ ней, неожиданно для разума и усилій людей, обнаруживается дѣйствіе другихъ, болѣе могучихъ и глубокихъ силъ—вотъ главная мысль и философіи и хроники гр. Л. Н. Толстого. Что движетъ народами? Отчего зависятъ ихъ страшныя столкновенія, ихъ побѣды и пораженія? Вотъ вопросы, на которые отвѣчаетъ гр. Л. Н. Толстой своими разсужденіями, и на эти же вопросы еще яснѣе, еще вразумительнѣе отвѣчаетъ вся хроника „Войны и Мира", излагающая въ лицахъ и картинахъ, какъ Наполеонъ оказался „ничтожнѣйшимъ орудіемъ исторіи" (Т. VI, стр. 84), какъ онъ ничего не могъ сдѣлать противъ той силы, которою дѣйствительно управляются событія. Высокоумные господа, считающіе возможнымъ восхищаться поэзіею гр. Л. Н. Толстого и глумиться надъ его философіею, очевидно, не замѣчаютъ этой связи между тою и другою, то есть не замѣчаютъ, какъ говорится, слона, чѣмъ ясно показываютъ, что и ихъ глумленіе и ихъ восхищеніе одинаково безсмысленны. Нельзя восхищаться безукоризненно-правдивымъ, художественнымъ разсказомъ гр. Л. Н. Тол-

стого и не видѣть, что этимъ разсказомъ вполнѣ подтверждаются его мысли о великихъ людяхъ, о власти, о значеніи каждаго отдѣльнаго человѣка въ общемъ ходѣ событій, о томъ, что недостаточны и лживы объясненія историковъ, и т. д. Это цѣлый рядъ прекрасныхъ истинъ, тѣсно связанныхъ между собою и лишь иногда выраженныхъ преувеличенно, что̀ очень легко исправить, держась несомнѣннаго руководства, даннаго намъ самимъ гр. Л. Н. Толстымъ, т. е. его хроники.

Пусть, напримѣръ, кто нибудь попробуетъ отрицать то положеніе, которое мы только-что привели, именно, что Наполеонъ былъ *ничтожнѣйшимъ орудіемъ исторіи*. По смыслу хроники это, вѣдь, не значитъ, что Наполеонъ былъ человѣкъ тупой умомъ и слабый волею; напротивъ, все дѣло въ томъ, что онъ былъ необычайно проницателенъ и энергиченъ, и однако же *не могъ ничего уразумѣть и ничего сдѣлать*, когда на сцену выступили дѣйствительныя силы исторіи; въ самой ссылкѣ, на островѣ св. Елены, какъ доказываетъ гр. Л. Н. Толстой, онъ не понималъ того, что̀ съ нимъ случилось въ Россіи, и слѣдовательно, онъ былъ вполнѣ слѣпымъ орудіемъ высшихъ судебъ, обнаружилъ самымъ разительнымъ образомъ свое ничтожество, такъ какъ столкнулся съ силою безмѣрно превышавшею его волю и его разумъ.

Изъ „Войны и Мира“ ясно, что каждый солдатъ, повиновавшійся силѣ исторіи и потому содѣйствовавшій событію, которое она совершала, былъ въ этомъ отношеніи выше Наполеона, который ничего не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать ни въ пользу событія, ни противъ него. Дѣятельность солдата была направлена на возможное, которое и совершилось; дѣятельность Наполеона была направлена на невозможное—и слѣдовательно была совершенно безплодна. Вотъ смыслъ, въ которомъ Наполеонъ оказался *ничтожнѣйшимъ* орудіемъ исторіи.

Люди сами не знаютъ, чему они служатъ орудіемъ; наибольшее посрамленіе выпадаетъ на долю тѣхъ, которые имѣютъ притязаніе на наибольшее величіе. Вотъ простыя

истины, къ которымъ сводятся многія разсужденія гр. Л. Н. Толстого. Въ этихъ разсужденіяхъ такъ много вѣрнаго и яснаго, что они въ большей своей части не составляютъ новыхъ открытій, а представляютъ только оригинальное развитіе мыслей, давно уже высказанныхъ, хотя далеко не общераспространенныхъ.

Фатализмъ—вотъ какъ назвали философскій взглядъ гр. Л. Н. Толстого на исторію, не догадываясь, что это названіе само по себѣ ничего еще не выражаетъ. Фатализмъ, точно также, какъ *пантеизмъ*, *идеализмъ*—суть общіе термины, подъ которые подходитъ всякая философія, что не мало удивляетъ тѣхъ, которые въ первый разъ знакомятся съ философскими системами. Вы хотите объяснить, какъ міръ произошелъ отъ божества, держится имъ и зависитъ отъ него, — это будетъ *пантеизмъ*. Вы хотите объяснить сущность явленій, смыслъ, для котораго вселенная составляетъ оболочку,—это будетъ *идеализмъ*. Вы, наконецъ, хотите понять причины, по которымъ исторія *необходимо* должна была совершаться такъ, а не иначе,—это будетъ *фатализмъ*.

И такъ, мы не находимъ чего либо совершенно новаго, или чего либо рѣзко уклоняющагося отъ истины въ основныхъ взглядахъ гр. Л. Н. Толстого; но всякій безпристрастный читатель долженъ, по нашему мнѣнію, признать, что эти взгляды развиты съ необыкновенной оригинальностью, съ настоящимъ философскимъ талантомъ, и изложены мастерскимъ языкомъ, соединяющимъ чрезвычайную простоту и ясность съ силою и выразительностію.

Послѣдняя половина эпилога вся посвящена гр. Л. Н. Толстымъ изложенію его философіи исторіи. Тутъ въ порядкѣ и связи изложены его мнѣнія; и мы были удивлены многими превосходными, чисто-классическими страницами этихъ разсужденій. Вопросъ *о свободѣ воли* тутъ поставленъ съ замѣчательною глубиною, которой мы не найдемъ и малой доли у Бокля, или Милля, или другихъ, нынѣ у насъ любимыхъ философовъ.

Приведемъ нѣкоторыя, наиболѣе выдающіяся мѣста.

„Если бы сознаніе свободы", говоритъ гр. Л. Н. Толстой, „не было *отдѣльнымъ и независимымъ отъ разума источникомъ самопознанія*, оно бы подчинялось разсужденію и опыту; но въ дѣйствительности такое подчиненіе никогда не бываетъ и немыслимо".

„Рядъ опытовъ и разсужденій показываетъ человѣку, что онъ, *какъ предметъ наблюденія*, подлежитъ извѣстнымъ законамъ, и человѣкъ подчиняется имъ и никогда не борется съ разъ узнаннымъ имъ закономъ тяготѣнія или непроницаемости. Но тотъ же рядъ опытовъ и разсужденій показываетъ ему, что полная свобода, которую онъ сознаетъ въ себѣ, невозможна, что всякое дѣйствіе его зависитъ отъ организаціи, отъ его характера и дѣйствующихъ на него мотивовъ; но человѣкъ никогда не подчиняется выводамъ этихъ опытовъ и разсужденій".

„Сколько бы разъ опытъ и разсужденіе ни показывали человѣку, что въ тѣхъ же условіяхъ, съ тѣмъ же характеромъ онъ сдѣлаетъ то же самое, что и прежде, онъ, въ тысячный разъ приступая въ тѣхъ же условіяхъ, съ тѣмъ же характеромъ къ дѣйствію, всегда кончавшемуся одинаково, несомнѣнно чувствуетъ себя столь же увѣреннымъ въ томъ, что онъ можетъ поступать какъ онъ захочетъ, какъ и до опыта. Всякій человѣкъ, дикій и мыслитель, какъ бы неотразимо ему ни доказывали разсужденіе и опытъ то, что невозможно представить себѣ два поступка въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ жизни, чувствуетъ, что безъ этого безсмысленнаго представленія (составляющаго сущность свободы), онъ не можетъ себѣ представить жизни. Онъ чувствуетъ, что какъ бы это ни было невозможно, это есть; ибо безъ этого представленія свободы онъ не только не понималъ бы жизни, но не могъ бы жить ни одного мгновенія".

„Если понятіе о свободѣ для разума представляется безсмысленнымъ противорѣчіемъ, какъ возможность совершить два поступка въ одинъ и тотъ же моментъ, то *это доказываетъ только то, что сознаніе свободы не подлежитъ разуму*". (Т. VI, стр. 267 и 268).

И такъ, свобода и вопросы о ней составляютъ область, не подлежащую обыкновенному познанію, обыкновеннымъ пріемамъ и выводамъ разсужденій и опытовъ. Обыкновенное знаніе есть ничто иное, какъ отыскиваніе необходимости и, слѣдовательно, отрицаніе свободы. Мы получаемъ, слѣдовательно, двѣ области мышленія: одна — вполнѣ подчинена разуму и неизбѣжно ведетъ къ фатализму; другая имѣетъ источники познанія, независимые отъ разума, и обнимаетъ вопросы о свободѣ.

„Только въ наше самоувѣренное время популяризаціи знаній", продолжаетъ гр. Л. Н. Толстой, „благодаря сильнѣйшему орудію невѣжества — распространенію книгопечатанія, вопросъ о свободѣ воли сведенъ на такую почву, на которой и не можетъ быть самаго вопроса. Въ наше время, большинство такъ называемыхъ передовыхъ людей, т. е. толпа невѣждъ приняла работы естествоиспытателей, занимающихся одной стороной вопроса, за разрѣшеніе всего вопроса".

„Души и свободы нѣтъ, потому что жизнь человѣка выражается мускульными движеніями, а мускульныя движенія обусловливаются нервной дѣятельностію; души и свободы нѣтъ, потому что мы въ неизвѣстный періодъ времени произошли отъ обезьянъ,—говорятъ, пишутъ и печатаютъ они, вовсе не подозрѣвая того, что, тысячелѣтія тому назадъ, всѣми религіями, всѣми мыслителями, не только признанъ, но никогда и не былъ отрицаемъ тотъ самый законъ необходимости, который съ такимъ стараніемъ они стремятся доказать теперь физіологіей и сравнительной зоологіей. Они не видятъ того, что роль естественныхъ наукъ въ этомъ вопросѣ состоитъ только въ томъ, чтобы служить орудіемъ для освѣщенія одной стороны его. Ибо то, что, съ точки зрѣнія наблюденія, разумъ и воля суть только отдѣленія (sécrétions) мозга, и то, что человѣкъ, слѣдуя общему закону, могъ развиться изъ низшихъ животныхъ въ неизвѣстный періодъ времени, уясняетъ только съ новой стороны, тысячелѣтія тому назадъ признанную всѣми религіями и философскими теоріями, истину о томъ, что съ точки зрѣнія разума человѣкъ подлежитъ законамъ необходимости, но ни на волосъ не подвигаетъ разрѣшеніе вопроса, имѣющаго другую, противоположную сторону, основанную на сознаніи свободы".

„Если люди произошли отъ обезьянъ въ неизвѣстный періодъ времени, то это столь же понятно, какъ и то, что люди произошли отъ горсти земли въ извѣстный періодъ времени (въ первомъ случаѣ X есть время, во второмъ происхожденіе), и вопросъ о томъ, какимъ образомъ соединяется сознаніе свободы человѣка съ закономъ необходимости, которому подлежитъ человѣкъ, не можетъ быть разрѣшенъ сравнительною физіологіей и зоологіей, ибо въ лягушкѣ, кроликѣ и обезьянѣ мы можемъ наблюдать только мускульно-нервную дѣятельность, а въ человѣкѣ — и мускульно-нервную дѣятельность и сознаніе".

„Естествоиспытатели и ихъ поклонники, думающіе разрѣшить вопросъ этотъ, подобны штукатурамъ, которыхъ бы пристанили заштукатурить одну сторону стѣны церкви и которые, пользуясь отсутствіемъ главнаго распорядителя работъ, въ порывѣ усердія замазывали бы своей штукатуркой и окна, и образа, и лѣса, и неутвержденныя еще стѣны, и радовались бы на то, что съ ихъ

птукатурной точки зрѣнія все выходитъ ровно и гладко" (т. VI, тр. 269 и 270).

Вотъ истинно-глубокомысленная, превосходно выраженная и до конца выдержанная постановка различія, существующаго между изслѣдованіями, для которыхъ верховнымъ закономъ можетъ быть только необходимость, и между совершенно иною областью мысли, — вопросами о свободѣ. Происхожденіе человѣка отъ обезьяны, столь сильно смущавшее многихъ, здѣсь поставлено на настоящее мѣсто, правильно и точно отнесено къ тѣмъ положеніямъ, которыя ни мало не касаются главной сущности дѣла.

И такъ, гр. Л. Н. Толстой отнюдь не фаталистъ въ строго-опредѣленномъ смыслѣ этого слова, и никакъ фаталистомъ быть не можетъ. Онъ отличаетъ исторію, какъ науку фаталистическую (подобно всѣмъ другимъ частнымъ наукамъ), отъ тѣхъ умозрѣній, которыя содержатъ глубочайшія начала наукъ и высшіе вопросы о свободѣ.

„Точно также", говоритъ онъ, „какъ предметъ всякой науки есть проявленіе неизвѣстной сущности, сама же эта сущность можетъ быть только предметомъ метафизики, — точно также проявленіе силы свободы людей въ пространствѣ, времени и зависимости отъ причинъ, составляетъ предметъ исторіи; *сама же свобода есть предметъ метафизики*" (т. VI, стр. 284).

Въ другомъ мѣстѣ, онъ указываетъ на то, что метафизическіе вопросы составляютъ главные центры наукъ нравственнаго міра. Въ самомъ простомъ видѣ онъ излагаетъ эти вопросы такъ:

„Человѣкъ есть твореніе всемогущаго, всеблагаго и всевѣдующаго Бога. Что же такое есть грѣхъ, понятіе о которомъ вытекаетъ изъ сознанія свободы человѣка? Вотъ вопросъ богословія".

„Дѣйствія людей подлежатъ общимъ, неизмѣннымъ законамъ, выражаемымъ статистикой. Въ чемъ же состоитъ отвѣтственность человѣка передъ обществомъ, понятіе о которой вытекаетъ изъ сознанія свободы? Вотъ вопросъ права".

„Поступки человѣка вытекаютъ изъ его прирожденнаго характера и мотивовъ дѣйствующихъ на него. Что такое есть совѣсть и сознаніе добра и зла поступковъ, вытекающее изъ сознанія свободы? Вотъ вопросъ этики".

„Человѣкъ, въ связи съ общей жизнью человѣчества, предста
вляется подчиненнымъ законамъ, опредѣляющимъ эту жизнь. Н
тотъ же человѣкъ, независимо отъ этой связи, представляет
свободнымъ. Какъ должна быть разсматриваема прошедшая жизн
народовъ и человѣчества,—какъ произведеніе свободной или не
свободной дѣятельности людей? Вотъ вопросъ исторіи" (т. VI
стр. 269).

И такъ, безъ понятія свободы нравственныя науки не имѣли бы никакого смысла. Вопросы, относящіяся къ свободѣ, составляютъ самую душу этихъ наукъ, несмотря на то, что и тутъ господствуетъ фатализмъ, который вообще свойственъ знанію. Подводя поступки людей подъ законы статистики, ихъ душевныя свойства подъ законы образованія характера, развитіе народовъ подъ общіе законы жизни человѣчества, — мы стремимся внести фатализмъ въ эти науки; но весь интересъ ихъ заключается не въ этомъ фатализмѣ, а въ томъ, что̀ содержится подъ нимъ, какъ подъ оболочкой. Чѣмъ рѣзче и глубже въ нихъ проводится фатализмъ, тѣмъ опредѣленнѣе и отчетливѣе выступаетъ передъ нами область свободы, тѣмъ громче звучитъ противорѣчіе и яснѣе слышенъ голосъ, возвѣщающій намъ нравственный смыслъ явленій.

Прекрасно слыша этотъ голосъ, хорошо понимая, что въ немъ одномъ заключается значеніе исторіи, авторъ однакоже посвятилъ весь конецъ своего труда задачѣ чисто формальной: его заинтересовалъ не дѣйствительный смыслъ исторіи, а только вопросъ о *примиреніи необходимости и свободы*, то есть о томъ, какимъ образомъ исторія возможна какъ наука въ тѣсномъ смыслѣ. Цѣлый рядъ остроумныхъ и тонкихъ разсужденій опредѣляетъ отношенія между необходимостію и свободою, и авторъ приходитъ къ заключенію, что въ исторіи, не отвергая дѣйствительной свободы, и не пытаясь проникнуть въ ея сущность, мы должны *отказаться отъ несуществующей* *) *свободы и признать ощущаемую нами зависимость*.

Этими словами оканчивается „Война и Миръ". Какое—

*) То есть такой, какую мы обыкновенно въ себѣ воображаемъ.

скажемъ прямо — нехудожественное заключеніе! Скучно и странно читать хотя превосходныя, но совершенно сухія разсужденія послѣ живыхъ лицъ и картинъ хроники. А что нехорошо въ художественномъ отношеніи, то непремѣнно будетъ нехорошо и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ случилось и здѣсь. Конечно, были бы не скучны такія разсужденія, которыя бы вполнѣ стояли на высотѣ хроники, вполнѣ исчерпывали ея предметъ. Но этого здѣсь нѣтъ. Читатель, слѣдя за философскими мыслями автора, все ждетъ, что авторъ приложитъ свои общія соображенія къ главному своему предмету, къ борьбѣ Россіи съ Европой. Но авторъ какъ будто вовсе забылъ о томъ, что составляетъ весь интересъ его произведенія.

Ошибка заключается не въ неправильности мысли, а въ ея неполнотѣ. Очевидно, всѣ разсужденія автора ни мало не показываютъ намъ, какой смыслъ имѣла борьба, изображенная въ хроникѣ, какія силы въ ней проявились. Такъ справедливо оказывается ученіе Канта и другихъ философовъ, что связь причинъ и слѣдствій, изысканіе *необходимаго* хода вещей,—въ чемъ состоятъ всѣ цѣли науки въ тѣсномъ смыслѣ,—не исчерпываетъ содержанія явленій, что причинность есть ничто иное, какъ форма нашего ума, которая въ качествѣ формы не можетъ захватить собою сущности. Между тѣмъ вопросъ о свободѣ воли, о нравственномъ смыслѣ явленій есть вопросъ о сущности.

Сущность дѣла передъ нами живо и ясно выступаетъ въ хроникѣ, и вовсе не затрогивается въ разсужденіяхъ автора объ исторіи. Еслибы художникъ закончилъ свою книгу философскими или какими угодно мыслями, изъ которыхъ намъ сталъ бы яснѣе смыслъ Бородинскаго сраженія, сила русскаго народа, тотъ идеалъ, который насъ тогда спасъ и живитъ насъ до сихъ поръ—мы были бы довольны. Но формулы обыкновеннаго знанія сами по себѣ холодны, безстрастны, безразличны; они не уловляютъ ни красоты, ни добра, ни правды, то есть того, что всего выше на свѣтѣ, въ чемъ заключается самый существенный интересъ нашей жизни. Для науки—самое отвратительное явленіе, какъ и

самое высокое, есть только слѣдствіе извѣстныхъ причинъ; но для живыхъ людей это не все равно. Для науки міръ превращается въ мертвую, однообразную игру причинъ и слѣдствій; но для живого человѣка міръ имѣетъ красоту, жизнь, составляетъ предметъ отчаянія или восторга, благоговѣнія или отвращенія,—и въ этомъ состоитъ для насъ существенная сторона дѣла. Умъ не находитъ въ мірѣ ничего, кромѣ какой-то безконечной и безсмысленной механики; но сердце указываетъ намъ другой смыслъ, который въ сущности одинъ только и важенъ.

И такъ, главной мысли „Войны и Мира" нельзя искать въ философскихъ формулахъ гр. Л. Н. Толстого, а нужно искать въ самой хроникѣ, гдѣ жизнь исторіи изображена съ такой изумительной полнотою, гдѣ для нашего сердца столько высокихъ откровеній. Тутъ очевидно, что вопросъ о нашей борьбѣ съ Европою есть совершенно особенный вопросъ; тутъ ясно свѣтится тотъ чисто-русскій идеалъ, который намъ дороже всего на свѣтѣ и въ которомъ, наконецъ, все дѣло.

Самъ авторъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходитъ къ отвлеченнымъ положеніямъ, очевидно, не вытекающимъ изъ его заключительныхъ разсужденій. Называя войну 1812 года *величайшею изъ всѣхъ извѣстныхъ войнъ* (т. VI, стр. 2), онъ замѣчаетъ, что она была въ то же время войною, „не подходящею ни подъ какія прежнія преданія войны" (стр. 4). Бородинское сраженіе онъ называетъ *однимъ изъ самыхъ поучительныхъ явленій исторіи* (стр. 1) именно потому, что оно представляетъ какое-то противорѣчіе обыкновенному ходу историческихъ явленій.

„Всѣ факты исторіи", говоритъ онъ, „подтверждаютъ справедливость того, что бо́льшіе или меньшіе успѣхи войска одного народа противъ войска другого народа суть причины или по крайней мѣрѣ существенные признаки увеличенія или уменьшенія силы народовъ. Войско одержало побѣду, и тотчасъ же увеличились права побѣдившаго народа въ ущербъ побѣжденному. Войско понесло пораженіе—и тотчасъ же по степени пораженія народъ лишается правъ, а при совершенномъ пораженіи своего войска—совершенно покоряется".

„*Такъ было* (по исторіи) *съ древнѣйшихъ временъ и до настоящаго времени. Всѣ войны Наполеона служатъ подтвержденіемъ этого правила.* По степени пораженія австрійскихъ войскъ, Австрія лишается своихъ правъ и увеличиваются права и силы Франціи. Побѣда Французовъ подъ Іеной и Ауерштетомъ уничтожаетъ самостоятельное существованіе Пруссіи".

„Но вдругъ, въ 1812 году, Французами одержана побѣда подъ Москвой. Москва взята, и вслѣдъ за этимъ, безъ новыхъ сраженій, не Россія перестала существовать, а перестала существовать 600-тысячная армія, потомъ—Наполеоновская Франція. *Натянуть факты на правила исторіи*, сказать, что поле сраженія въ Бородинѣ осталось за Русскими, что послѣ Москвы были сраженія, уничтожившія армію Наполеона, —*невозможно*" (т. V, стр. 12).

Выводъ, къ которому приходитъ авторъ и въ которомъ содержится *поучительность* Бородинскаго сраженія и *новый* результатъ, не подходящій подъ преданія исторіи, состоитъ въ слѣдующемъ:

„Періодъ кампаніи 1812 года отъ Бородинскаго сраженія до изгнанія Французовъ доказалъ, что выигранное сраженіе не только не есть причина завоеванія, но даже и не постоянный признакъ завоеванія;—доказалъ, что *сила, рѣшающая участь народовъ, лежитъ не въ завоевателяхъ, даже не въ арміяхъ и сраженіяхъ, а въ чемъ то другомъ*" (тамъ же, стр. 3).

И такъ, исторія не есть однообразная игра однихъ и тѣхъ же силъ, не есть безконечная вереница повторяющихся причинъ и слѣдствій; въ ней есть событія *особенныя*, представляющія *особенный* смыслъ, особенную поучительность, такъ какъ они обнаруживаютъ дѣйствіе силъ потолѣ неясныхъ или не существовавшихъ. Въ исторіи раскрывается и обнаруживается что-то закрытое и глубокое, является нѣчто новое, воплощается то, что́ еще никогда не было воплощено. Если такъ, то въ этомъ одномъ и состоитъ интересъ и поучительность исторіи.

Гр. Л. Н. Толстой въ своей великолѣпной эпопеѣ показалъ намъ, *что* обнаружилось въ нашей борьбѣ съ Наполеономъ. Въ первый разъ отъ начала исторіи ясно и грозно проявился русскій идеалъ, и передъ этимъ идеаломъ сломалась и померкла вся сила Наполеона и Наполеоновской Франціи. Вотъ примѣръ того смысла, который заключается

въ исторіи и составляетъ ея существенное содержаніе. Дѣл
вовсе не въ побѣдѣ, не въ томъ, что случилась новая ком
бинація единичныхъ силъ, вслѣдствіе которой рушилос
могущество, до тѣхъ поръ все покорявшее и побѣждавшее
сущность дѣла въ томъ, *что* скрывается подъ этою меха
ническою игрою причинъ и слѣдствій. Подъ нею скрывается
пробужденіе силы, еще не дѣйствовавшей въ мірѣ,—духа
простоты, добра и правды.

Простота есть высшее изящество, высшая красота че
ловѣка.

Добро и правда—суть высшія цѣли, для которыхъ дол
женъ жить и дѣйствовать человѣкъ.

Таковы лучшія черты идеала, хранящагося въ русском
народѣ. Этотъ духъ смиренія и доброты много принесъ и
приноситъ намъ всякаго вреда и всякихъ бѣдъ; но этот
же духъ побѣдилъ Наполеона, разрушилъ его армію и го
сударство.

V.

Мы старались разсмотрѣть „Войну и Миръ" съ главных
точекъ зрѣнія, съ которыхъ, какъ мы думаемъ, слѣдует
разсматривать это произведеніе. Мы старались быть крат
кими, и опускали множество замѣчаній, которыя напраши
вались подъ перо и которыя, можетъ быть, окажется нуж
нымъ высказать. Мы не говорили ни объ удивительном
языкѣ, ни о несравненной твердости и чистотѣ художе
ственныхъ пріемовъ автора, хотя во всѣхъ этихъ отноше
ніяхъ „Война и Миръ" есть произведеніе образцовое, так
что его долженъ прилежно изучать всякій русскій писател
по художественной словесности. Все это приходится отло
жить до другого времени, и мы поспѣшимъ къ заключен
нашей статьи, которая, какъ мы это предчувствуемъ,
безъ того покажется нашимъ рецензентамъ необыкновени
длинной и донельзя *туманной.*

Но прежде заключенія, сдѣлаемъ еще одно небольшо

ступленіе; оно, быть можетъ, будетъ кстати и не помѣ-
аетъ дѣлу; именно—подымемъ здѣсь камушекъ, брошен-
ый въ „Войну и Миръ“ изящною рукою (какъ говорятъ
ящные фельетонисты) г. Тургенева. Въ одно время съ
явленіемъ VI тома гр. Л. Н. Толстого появился первый
омъ новаго изданія сочиненій г. Тургенева, и въ этомъ
омѣ, въ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“, между многими
ковинками заключается одна весьма любопытная—взглядъ
. Тургенева на всю нашу современную изящную словес-
ость. Тутъ вы найдете отзывы обо всѣхъ нашихъ знаме-
итостяхъ, даже о самой новѣйшей, о г. Рѣшетниковѣ;
ть отзывъ и о „Войнѣ и Мирѣ“.

Какъ это случилось, т. е. какимъ образомъ г. Турге-
евъ, говоря о своей прошлой дѣятельности, успѣлъ не
ставить безъ краткой оцѣнки ни одного изъ своихъ пы-
ѣшнихъ собратовъ по поэзіи, — это понять не совсѣмъ
егко. Повидимому, дѣло простое; отзывы пришлись къ
лову, вызваны связью съ тѣмъ или другимъ предметомъ
ѣчи. Но если мы сообразимъ полноту этихъ отзывовъ,
хъ характеръ, оригинальность и вѣскость сужденій, въ
ихъ заключающихся, то мы невольно станемъ подозрѣвать
. Тургенева въ хитрости, и подумаетъ, что онъ только
рикидывается простодушно-разболтавшимся писателемъ,
ерому случайно попадаются на языкъ самыя разнообраз-
ыя имена.

Есть вещи, о которыхъ говорить вскользь, мимохо-
омъ — нельзя. Есть слова, вѣсъ которыхъ долженъ быть
звѣстенъ всякому, и которыхъ произносить нельзя при-
ицываясь, что мы не знаемъ этого вѣса. Такъ какъ
. Тургеневъ учился нѣмецкой философіи, такъ какъ въ
Воспоминаніяхъ“ онъ самъ много толкуетъ объ автори-
тахъ и объ отношеніяхъ къ нимъ, то мы позволимъ
ебѣ здѣсь маленькое отвлеченное разсужденіе на тему
оголя: *обращаться съ словомъ нужно честно*; другими
овами, это будетъ такой вопросъ: почему писатель дол-
енъ и какимъ образомъ онъ можетъ избѣгать всякаго
отребленія своимъ авторитетомъ?

Мы вовсе не принадлежимъ къ строгимъ моралистам которые готовы возложить на писателей тяжкую и едва выполнимую отвѣтственность. Многіе, какъ, напримѣр Гоголь, думаютъ, что писатель долженъ отвѣчать за вп чатлѣніе, производимое его словами. Слѣдовательно, о долженъ взвѣсить понятія и умственныя силы читателей говорить такъ, чтобы его слова были поняты въ ихъ и стоящемъ смыслѣ и не породили бы никакого заблуждені не возбудили бы никакихъ дурныхъ страстей. По мнѣні этихъ моралистовъ, писатель виноватъ во всякомъ своем поспѣшномъ, недодуманномъ, неумѣло сказанномъ словѣ.

Подобныя требованія мы находимъ слишкомъ высокими и потому примѣнимыми только въ рѣдкихъ случаяхъ Сказать писателю: ты долженъ быть умнѣе и дальновидн всѣхъ твоихъ читателей, — не значитъ ли это возложит на писателей долгъ, котораго они въ большинствѣ случаев выполнить не могутъ? Если даже многіе охотно принимаю на себя такія обязанности и воображаютъ себя свѣтилам и наставниками, то большею частію мы справедливо ви димъ въ этомъ одно ихъ излишнее самолюбіе.

И такъ, обязанности писателя, по нашему мнѣнію, проще и легче. Отъ него, строго говоря, требуется только одно— полная искренность. Требуется не то, чтобы онъ сам строго и точно взвѣшивалъ свои слова (этотъ даръ не всякому дается), а чтобы онъ намъ, читателямъ, давал полную возможность произвести это взвѣшиваніе. Требуетс не то, чтобы онъ самъ никогда не обманывался и не оши бался (кто за себя поручится?), а чтобы онъ насъ не обма нывалъ, насъ не вводилъ въ ошибку. А для этого нужн не только не лгать завѣдомо, не только не писать того чего не думаешь, но каждую свою мысль высказывать открыто и ясно, *не скрывая тѣхъ основаній и побужденій, по которымъ она возникла и сказана.* Когда мы знаемъ что человѣкъ говоритъ искренно, и видимъ, съ какою цѣлью онъ говоритъ, чего хочетъ, чѣмъ заинтересованъ — мы можемъ быть вполнѣ довольны добросовѣстностію та-

кого человѣка, и уже сами разберемъ, есть ли толкъ въ его словахъ или нѣтъ.

Поэтому мы считаемъ, что писатель погрѣшаетъ противъ своихъ обязанностей, если онъ говоритъ намеками, если онъ умышленно пользуется своимъ авторитетомъ и какъ будто невзначай роняетъ иныя вѣскія слова, надѣясь, что они произведутъ въ такой формѣ больше дѣйствія. Писатель, который, подобно злоязычной бабѣ, говоритъ объ одномъ, а думаетъ о другомъ, который въ мягкую и ласковую рѣчь вставляетъ шпильки для тѣхъ или другихъ слушателей, который льститъ подъ видомъ общихъ разсужденій, и жалитъ, изливаясь любовью къ литературѣ, — такой писатель преступаетъ самыя простыя и скромныя свои обязанности.

Совершенно мимоходомъ, занятый, повидимому, очень важными соображеніями, г. Тургеневъ назвалъ гр. Л. Н. Толстого писателемъ пристрастнымъ и невѣжественнымъ. Вотъ слова г. Тургенева: „Самый печальный примѣръ *отсутствія истинной свободы, проистекающаго изъ отсутствія истиннаго знанія*, представляетъ намъ послѣднее произведеніе гр. Л. Н. Толстого „Война и Миръ“, которое въ то же время, по силѣ творческаго, поэтическаго дара, стоитъ едва ли не во главѣ всего, что̀ явилось въ нашей литературѣ съ 1840 года“. (Соч. Тург. т. I, 1869 г. стр. С.).

И только! Г. Тургеневъ прикидывается наивнымъ и простодушнымъ, и дѣлаетъ видъ, что ему нуженъ былъ этотъ отзывъ только для примѣра, только ради небольшого поясненія его собственныхъ мыслей. Какъ будто о такихъ вещахъ можно говорить мимоходомъ! Какъ будто, признавши „Войну и Миръ“ выше всего, что явилось у насъ съ 1840 года, то-есть съ „Мертвыхъ душъ“, и слѣдовательно выше собственныхъ своихъ твореній, г. Тургеневъ имѣлъ право говорить о произведеніи гр. Л. Н. Толстого вскользь, мелькомъ, и, съ улыбкой на устахъ и взоромъ, устремленнымъ на созерцаніе высшихъ истинъ, произнести объ этомъ произведеніи сколь возможно тяжкій приговоръ!

Намъ и читателямъ теперь приходится разбирать и догадываться, какой смыслъ имѣетъ эта *шпилька*, такъ искусно вставленная въ изящныя „Воспоминанія" г. Тургенева. Что значитъ, напримѣръ, *отсутствіе истиннаго знанія* у гр. Л. Н. Толстого, заявляемое г. Тургеневымъ такъ положительно и безъ малѣйшихъ околичностей, какъ будто это дѣло самое ясное и неподлежащее никакому сомнѣнію? Это значитъ, во-первыхъ, вообще, что г. Тургеневъ считаетъ себя несравненно образованнѣе гр. Л. Н. Толстого, а во-вторыхъ, въ частности, что г. Тургеневъ вѣроятно недоволенъ невѣжественными, по его мнѣнію, взглядами гр. Л. Н. Толстого на исторію, на Наполеона, на войну 1812 года.

Предметъ любопытный, и еслибы г. Тургеневъ поступилъ согласно съ обязанностями всякаго писателя, большого и малаго, то-есть выразилъ бы ясно мысль, какую ему Богъ послалъ, то мы могли бы по мѣрѣ силъ и сами разсудить объ этомъ предметѣ. Теперь же ограничимся слѣдующими замѣчаніями.

Образованіе само по себѣ, безъ ума, безъ сердца, есть вздоръ. Можно долго учиться философіи, всю жизнь читать умнѣйшія книги, знать множество языковъ, и все-таки не только не сдѣлать ничего путнаго, а даже не быть умнымъ человѣкомъ. Все дѣло въ *истинномъ знаніи*, какъ выразился г. Тургеневъ весьма неудачно для себя и очень удачно для насъ. Мы ничего не знаемъ объ *образованіи* г. Л. Н. Толстого, кромѣ только того, что какъ писатель съ высокимъ настроеніемъ ума, онъ никогда, ни въ одной строчкѣ своихъ произведеній не вздумалъ ни похвалиться малѣйшей чертой своего образованія ни въ какомъ бы то ни было смыслѣ унизить дѣйствительно умныя вещи. Что же касается до *истиннаго знанія*, то чрезвычайное обиліе этого знанія у гр. Л. Н. Толстого есть дѣло, не подлежащее никакому сомнѣнію и для всякаго очевидное. Чего только не знаетъ этотъ человѣкъ! И притомъ, чего только не знаетъ онъ — не по книгамъ, а этимъ *истиннымъ знаніемъ*, котораго часто ни въ какихъ книгахъ не доищешься! Не только душа человѣческая истинная область поэта — ему знакома

лучше, чѣмъ всякимъ ученымъ психологамъ; безчисленныя сферы жизни и дѣятельности извѣстны ему такъ, какъ одной изъ нихъ не знаетъ иной человѣкъ, вращающійся въ ней цѣлую жизнь.

Сверхъ художественной геніальности, мы должны признать за гр. Л. Н. Толстымъ огромную способность знанія, сверхъ поэтическаго дара — философскій талантъ, сверхъ изумительнаго умѣнья понимать смыслъ того, что̀ пишется въ книгахъ и того, что̀ еще ни въ какихъ книгахъ не написано,—огромную начитанность по предмету нашихъ войнъ съ Наполеономъ.

Въ словахъ г. Тургенева о невѣжествѣ гр. Л. Н. Толстого намъ слышится всего яснѣе одно — страхъ передъ авторитетомъ западной науки, страхъ, весьма распространенный въ русскомъ обществѣ и въ русской литературѣ. Г. Тургеневъ вздумалъ насъ попугать своею образованностію и ссылкою на какое то *знаніе*, о которомъ, мы увѣрены, онъ самъ не имѣетъ яснаго понятія. Эти вѣчныя пуганья какою то неопредѣленною и неизвѣстно гдѣ существующею *западною наукою*, приличны только тому, кто самъ не знаетъ, что̀ ему думать и чего держаться. У кого же есть собственная мысль, того ничѣмъ не испугаешь.

Мы переходимъ такимъ образомъ ко второму упреку, заключающемуся въ шпилькѣ г. Тургенева; именно—г. Тургеневъ называетъ Толстого человѣкомъ *несвободнымъ*, конечно, разумѣя подъ этимъ то, что Толстой будто бы пристрастенъ къ своему народу и своей исторіи, что онъ подчиняется этимъ великимъ авторитетамъ. Но умственная свобода и умственное рабство вовсе не этимъ опредѣляется, вовсе не состоитъ въ зависимости отъ всякихъ авторитетовъ, а заключается въ томъ, чтобы и наше подчиненіе и наше возстаніе исходили *изъ насъ самихъ*, были яснымъ и сознательнымъ дѣломъ *нашего* ума и *нашего* сердца. Не подчиняться никакимъ авторитетамъ есть сущая глупость, ибо это значило бы ничего не уважать и ничего не любить. Есть, сказалъ одинъ умный человѣкъ, свобода разнаго рода: есть, напримѣръ, свобода отъ здраваго смысла, да

только какой же толкъ въ подобной свободѣ?" Истинно свободенъ не тотъ, кто не имѣетъ силы ни во что повѣрить, не имѣетъ ума, чтобы понять верховную важность извѣстныхъ началъ, а тотъ, кто вѣря и понимая, дѣйствуетъ при этомъ *своимъ* умомъ, *своею* душою, а не подъ чужимъ вліяніемъ, не подъ страхомъ общественнаго мнѣнія, не ради посторонннихъ дѣлу причинъ. Собственное убѣжденіе — вотъ истинная свобода.

Если мы взглянемъ съ этой точки зрѣнія, — то безъ сомнѣнія убѣдимся, что нѣтъ человѣка болѣе свободнаго, какъ Толстой, и что, если мы захотимъ найти примѣръ рабства, то самый разительный примѣръ представляетъ г. Тургеневъ, тотъ самый, который теперь поднялъ толки о свободѣ писателя. Кто въ самомъ дѣлѣ можетъ укорить гр. Л. Н. Толстого въ томъ, что онъ когда нибудь плылъ по вѣтру, что онъ подчинялся чужимъ мнѣніямъ, или минутнымъ настроеніямъ общества и литературы? Ни на одномъ произведеніи этого писателя не лежитъ отпечатка какого бы то ни было подчиненія. Вездѣ слышна упорная, *независимая* работа его собственнаго ума. Повторимъ то, что мы доказывали въ „Зарѣ" прошлаго года: ни одинъ изъ нашихъ писателей не представляетъ такого длиннаго и цѣльнаго, вполнѣ органическаго развитія, какъ гр. Л. Н. Толстой. Вспомните, что дѣлалось въ это время въ литературѣ, какія въ ней совершались воздушныя революціи, какими метеорами наполненъ былъ воздухъ, какими обманчивыми миражами заслоненъ былъ весь горизонтъ. Чего-чего только у насъ не было! Люди самые проницательные готовы были обмануться и признать важность и существенность того, что въ дѣйствительности было пѣной и брызгами. Гр. Л. Н. Толстой во все это время не поддался ни единому изъ многихъ вліяній. Глубокая, упорная внутренняя работа дѣлала его совершенно независимымъ отъ всякихъ вліяній минуты. Каждое его произведеніе свидѣтельствуетъ, что онъ писатель *свободный* въ лучшемъ, въ высочайшемъ смыслѣ этого слова,—то есть писатель самостоятельный, имѣющій *свои* мысли, *свои* задачи.

Возьмите же теперь, для контраста и пояснения, г. Тургенева, который самъ напросился на невыгодное для себя сравненіе. Чѣмъ только не былъ г. Тургеневъ, какимъ вліяніямъ онъ не подчинялся? Каждое минутное настроеніе нашихъ журналовъ и нашихъ литературныхъ кружковъ отражалось на немъ съ такою быстротою и силою, какой мы едва ли найдемъ другой примѣръ. Вотъ истинный *рабъ* минуты, человѣкъ, какъ будто не имѣющій ничего своего, а все заимствующій отъ другихъ. Къ нему больше чѣмъ къ кому нибудь идутъ слова, сказанныя вообще о поэтахъ:

Вы всѣ на колоколъ похожи,
Въ который можетъ зазвонить
На площади любой прохожій.

Самостоятельности, и слѣдовательно независимости, нѣтъ въ г. Тургеневѣ никакой; будучи эхомъ чужихъ взглядовъ и настроеній, г. Тургеневъ не сумѣлъ до сихъ поръ выработать себѣ точки зрѣнія, которая подымалась бы выше изображаемыхъ имъ явленій. Что изъ того, что во время разгара нигилизма онъ написалъ „Отцовъ и Дѣтей“, а во время разгара патріотизма — „Дымъ“? Если человѣкъ руководится желаніемъ — противорѣчить настроенію минуты, — онъ все-таки зависитъ отъ минуты, онъ говоритъ не свое, а то, что въ немъ вызывается этимъ противорѣчіемъ. Нѣкоторое время можно было думать, что у г. Тургенева есть какіе нибудь высшіе взгляды, изъ за которыхъ онъ осуждаетъ мимолетныя явленія нашего прогресса. Но теперь плачевная истина вполнѣ обнаружилась; оказалось, что г. Тургеневъ стоитъ даже ниже этихъ явленій: не зная, что́ ему дѣлать, гдѣ установить свою точку опоры, онъ рѣшился, наконецъ, объявить себя приверженцемъ *нигилизма*, т. е. самой послѣдней и, по нашему мнѣнію, самой уродливой формы нашего прогресса. И этотъ человѣкъ объявляетъ себя свободнымъ! И онъ имѣетъ смѣлость укорять другихъ въ рабствѣ, да еще кого — Л. Н. Толстого!

VI.

Предыдущее разбирательство оказалось вовсе не лишнимъ дѣломъ: оно прямо приводитъ насъ къ нѣкоторымъ общимъ замѣчаніямъ относительно нашей литературы, которыми мы и закончимъ нашу статью. Совершенно ясно, что съ 1868 года, то есть съ появленія „Войны и Мира", составъ того, что собственно называется русскою литературой, то есть составъ нашихъ художественныхъ писателей, получилъ иной видъ и иной смыслъ. Гр. Л. Н. Толстой занялъ первое мѣсто въ этомъ составѣ, мѣсто неизмѣримо высокое, поставившее его далеко выше уровня остальной литературы. Писатели, бывшіе прежде первостепенными, обратились теперь во второстепенныхъ, отошли на задній планъ. Если мы вглядимся въ это перемѣщеніе, совершившееся самымъ безобиднымъ образомъ, т. е. не въ силу чьего-нибудь пониженія, а вслѣдствіе огромной высоты, на которую взошелъ раскрывшій свои силы талантъ, то намъ невозможно будетъ не радоваться этому дѣлу отъ всего сердца. До сихъ поръ, кто были представители русской литературы, кто занималъ въ ней первое мѣсто, и для насъ и для иностранцевъ? Конечно, Тургеневъ, Островскій, Некрасовъ. Вотъ тѣ таланты, которые своею дѣятельностію, своимъ успѣхомъ, своимъ неотразимымъ обаяніемъ— господствовали надъ массою читателей. И что же? Ни одинъ изъ нихъ, по несчастію, не заслуживалъ полнаго сочувствія, ни одинъ не былъ человѣкомъ вполнѣ свободнымъ— такъ какъ ужъ пошла рѣчь о свободѣ,— ни одинъ не былъ чистъ отъ важныхъ недостатковъ. О колебаніяхъ Тургенева мы уже говорили; колебанія г. Островскаго не менѣе многочисленны, хотя менѣе были замѣчены и истолкованы читателямъ нашею критикою. Что же касается до г. Некрасова, то о немъ давно извѣстно, что онъ отдалъ свою музу въ крѣпостное рабство извѣстнымъ идеямъ и направленіямъ. Это самый талантливый изъ нашихъ стихотворцевъ, но вмѣстѣ наименѣе смѣлый, наиболѣе уродующій и приги-

бающій свои чувства въ угоду стремленіямъ, которымъ подчинялся.

Такимъ образомъ, наша литература представляла жалкое зрѣлище. Вслѣдствіе неправильности нашего умственнаго развитія, люди самые талантливые были испорчены; они или шли по ложной дорогѣ, покоряясь общему теченію, или сами не знали, что дѣлать, и метались изъ стороны въ сторону. Но явился, наконецъ, богатырь, который не поддался никакимъ нашимъ язвамъ и повѣтріямъ, который разметалъ, какъ щепки, всякіе тараны, отшибающіе у русскаго образованнаго человѣка ясный взглядъ и ясный умъ, всѣ тѣ авторитеты, подъ которыми мы гнемся и ежимся. Изъ тяжкой борьбы съ хаосомъ нашей жизни и нашего умственнаго міра (мы говорили объ этой борьбѣ въ прошломъ году) онъ вышелъ только могучѣе и здоровѣе, только развилъ и укрѣпилъ въ ней свои силы, и разомъ поднялъ нашу литературу на высоту, о которой она и не мечтала.

Какъ же не радоваться? Теперь мы будемъ даже снисходительнѣе къ нашимъ прежнимъ представителямъ литературы; мы не станемъ испытывать той печали и злобы, которыя бывало волновали насъ, когда мы видѣли, что руководство толпы принадлежитъ людямъ или упорно коснѣющимъ на ложномъ пути, или не знающимъ хорошенько, чего имъ держаться, и потому угождающимъ господствующему вѣтру. Богъ съ ними! Ихъ царство миновало!

Какъ же не радоваться? Послѣ долгихъ уклоненій отъ настоящей дороги, послѣ всякихъ заразъ, которыя русская литература выносила въ своемъ тѣлѣ со всѣми ихъ послѣдовательными симптомами, она, наконецъ, возвращается къ своему прежнему здоровью. Та могучая гармоническая сила, которая нѣкогда сказалась въ Пушкинѣ и съ тѣхъ поръ какъ будто обмелѣла, разбилась на мелкіе ручьи, затерялась въ трясинахъ и болотахъ, вдругъ снова во очію явилась намъ, вдругъ показалась намъ въ новыхъ формахъ, но съ тою же печатью несравненной прелести, здоровая, чистая, по своей простотѣ и внутреннему равновѣсію пре-

восходящая самыя высокія поэтическія силы другихъ народовъ. Какъ же не радоваться!

Если теперь иностранцы спросятъ у насъ о нашей литературѣ, то мы не скажемъ имъ въ отвѣтъ, что она подаетъ прекрасныя надежды, что она заключаетъ великолѣпные задатки, не станемъ пускаться въ оговорки и приводить разныя смягчающія обстоятельства, чтобы объяснить уродливость и односторонность современныхъ нашихъ литературныхъ авторитетовъ; мы прямо укажемъ на „Войну и Миръ“, какъ на зрѣлый плодъ нашего литературнаго движенія, какъ на произведеніе, передъ которымъ мы сами преклоняемся, которое для насъ дорого и важно не *за неимѣніемъ лучшаго*, а потому, что оно принадлежитъ къ самымъ великимъ, самымъ лучшимъ созданіямъ поэзіи, какія мы только знаемъ и можемъ вообразить. Западныя литературы въ настоящее время не представляютъ ничего равнаго, и даже ничего близко подходящаго, къ тому, чѣмъ мы теперь обладаемъ.

Если братья славяне попросятъ теперь у насъ книгъ, то мы не будемъ, *скрыпя сердце*, посылать имъ Тургенева, Островскаго, Некрасова; нѣтъ, мы пошлемъ имъ этихъ писателей спокойно и безбоязненно, потому что вмѣстѣ съ ними пошлемъ и „Войну и Миръ“. Свѣтъ, которымъ сіяетъ произведеніе гр. Л. Н. Толстого, такъ силенъ, что при немъ не страшны всѣ эти меньшія свѣтила, озаряющія нашу жизнь такимъ слабымъ и неровнымъ, а часто даже совершенно неправильнымъ свѣтомъ. Всѣ слабыя и больныя стороны нашей литературы теперь сами собою обличаются; у насъ есть мѣрка здоровой и могучей поэзіи, и въ сравненіи съ этимъ образцомъ получаютъ свое настоящее значеніе тѣ неполные и искаженные проблески поэзіи, съ которыми мы такъ долго возились, которымъ по неволѣ приписывали больше важности, чѣмъ они ея имѣютъ на самомъ дѣлѣ.

Но главное, конечно, не въ томъ, что́ мы скажемъ Европѣ, или что́ пошлемъ славянамъ; главное — въ насъ самихъ, въ томъ благотворномъ вліяніи, которое можетъ имѣть „Война и Миръ“ на духовное развитіе нашего общества,— этого больного общества, пораженнаго недугами, приводя-

щими иногда въ ужасъ и отчаяніе людей, преданныхъ своему народу. Въ изящной литературѣ, въ журналистикѣ, въ массѣ читающихъ и пишущихъ людей, — вездѣ господствуетъ такая слабость мысли, такое искаженіе инстинктовъ и понятій, такое обиліе предразсудковъ и заблужденій, — что невольно является страхъ за наше духовное развитіе, невольно приходитъ въ голову мысль, не поражены ли мы какою-нибудь неизлѣчимою болѣзнью, не суждено ли русскому уму и сердцу заглохнуть и вымереть подъ язвами, разъѣдающими нашъ духовный строй. Вотъ то существенное дѣло, въ которомъ „Война и Миръ“ можетъ принести намъ помощь и отраду. Эта книга есть прочное пріобрѣтеніе нашей культуры, столь же прочное и непоколебимое, какъ, напримѣръ, сочиненія Пушкина. Пока жива и здорова наша поэзія, до тѣхъ поръ нѣтъ причины сомнѣваться въ глубокомъ здоровьи русскаго народа, и можно принимать за миражъ всѣ болѣзненныя явленія, совершающіяся, такъ-сказать, на окраинахъ нашего духовнаго царства. „Война и Миръ“ скоро станетъ настольною книгою каждаго образованнаго русскаго, классическимъ чтеніемъ нашихъ дѣтей, предметомъ размышленія и поученія для юношей. Съ появленіемъ великаго произведенія гр. Л. Н. Толстого наша поэзія опять займетъ подобающее ей мѣсто, сдѣлается правильнымъ и важнымъ элементомъ воспитанія, какъ въ тѣсномъ смыслѣ — воспитанія подрастающаго поколѣнія, такъ и въ обширномъ смыслѣ — воспитанія всего общества. И все крѣпче и крѣпче, все сознательнѣе и сознательнѣе мы будемъ питать приверженность къ прекрасному идеалу, проникающему собою книгу гр. Л. Н. Толстого, къ идеалу *простоты, добра и правды.*

1870. 10 янв.

Н. Страховъ.

* * *

*) Предъ нашими взорами развивается величественная картина, начало послѣдняго акта той трагедіи, которая родилась съ ужасами французской революціи и кончилась, послѣ пожара Москвы и страшныхъ бѣдствій на русской землѣ одинокой смертью главнаго ея героя на пустынныхъ утесахъ острова Св. Елены и порабощеніемъ французскаго народа новыми тиранами.

И рядомъ течетъ тоже самая тихая жизнь отдѣльныхъ личностей въ лонѣ семьи и въ условныхъ общественныхъ отношеніяхъ, которую мы видимъ еще и теперь передъ собою, жизнь того же человѣка, съ его желаніями и нуждами, радостью и горемъ, любовью и ненавистью. Но мы видимъ здѣсь этого человѣка въ великую эпоху міроваго переворота, въ борьбѣ за жизнь свою и своихъ, и за свободу любимаго отечества. Какой великій моментъ для того, чтобы освѣтить всѣ стороны человѣческой души, чтобы раскрыть всю тайную ея силу, дремлющую обыкновенно въ тѣни покойнаго *dolce far niente* обыденной жизни.

Такой великій моментъ въ жизни народа, какъ наша отечественная война, глубоко отпечатлѣвается въ созданіи народномъ, и оживляющее, ободряющее и расшевеливающее вліяніе это замѣтно еще долго послѣ того, когда уже давно простыли непосредственные кровавые слѣды; и историкъ съ любовью долженъ останавливаться на нихъ, какъ на важныхъ точкахъ, мѣстахъ перелома прямой линіи обыкновенной торной дороги и началѣ новаго направленія.

Глядя на жизнь народовъ съ узкой точки зрѣнія, кажется, будто міромъ управляетъ личный произволъ; но если бросить обширный взглядъ на всю массу явленій, которыя составляютъ проявленіе жизни народовъ, состоящихъ изъ милліоновъ отдѣльныхъ личностей, соединенныхъ въ одно органическое цѣлое, то мы увидимъ, что исторіей управляетъ не какой нибудь абсолютный произволъ Людовика XIV, или какой нибудь куртизанки Помпадуръ, и не ея горничная или любовникъ, какъ нѣкоторые не въ штуку утверж-

*) Е. Лѣскинъ. Отрывокъ изъ книги: „Разборъ и извлеченіе изъ романа „Война и Миръ“. Москва 1870 г.

дали; но жизнью цѣлаго народа управляетъ высшая сила, предвѣчный, неизмѣнный законъ. Давно уже писались ученыя историческія сочиненія, и не въ недавнее время пришли къ такимъ глубокимъ соображеніямъ. И мы находимъ, что авторъ нашъ также стоитъ на этой ступени; онъ понялъ, усвоилъ и наглядно представилъ на живомъ примѣрѣ это великое ученіе.

Движеніе человѣчества, разсуждаетъ авторъ, вытекая изъ безчисленнаго количества людскихъ произволовъ, совершается безпрерывно. Только допустивъ безконечно малую единицу для наблюденія—дифференціалъ исторіи, т. е. однородныя влеченія людей, и достигнувъ искусства интегрировать (брать суммы этихъ безконечныхъ), мы можемъ надѣяться на постиженіе законовъ исторіи!....Такъ. Но развѣ изъ этого вытекаетъ то, что для пониманія этого теченія должно раздроблять его на безконечно малыя величины и вводить дифференціалы въ такую область, гдѣ дѣло не измѣрено еще вѣрно, хотя просто наложеніемъ аршина?

„Для человѣческаго ума непонятна абсолютная непрерывность движенія.“ Человѣку становятся понятны законы какого-бы то ни было движенія только тогда, когда онъ разсматриваетъ произвольно-взятыя единицы этого движенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этого-то произвольнаго дѣленія безпрерывнаго движенія на прерывныя единицы проистекаетъ большая часть человѣческихъ заблужденій... Дѣйствительно, для того чтобы понять человѣку формы какого нибудь движенія, ему необходимо раздроблять движеніе на извѣстные моменты. Вообще для того, чтобы понять какое-либо явленіе, механизмъ или органъ, первая задача изслѣдователя будетъ состоять въ расчлененіи: только свойство частей разъяснитъ свойство цѣлаго.

Если-бы историческое движеніе представляло такую простую форму какъ математическая линія, то, раздробляя часть этой линіи на безконечно малыя величины, мы могли-бы приблизиться къ истинѣ. Но историческое движеніе никакъ нельзя сравнивать съ математической линіей, потому что гдѣ же бы на ней пришлось помѣстить все без-

конечное количество рядомъ текущихъ, разнообразнѣйшихъ явленій? Скорѣе шло-бы здѣсь сравненіе съ толстѣйшей линіей нарисованной мѣломъ на доскѣ: если вы станете раздроблять эту линію на безконечно малыя величины, то вы получите безконечное число точекъ, разсѣянныхъ безъ всякой правильности; но бросьте общій взглядъ на всю эту линію in toto, и вы легко замѣтите ея направленіе.

„Извѣстенъ, говоритъ авторъ, такъ называемый софизмъ древнихъ, состоящій въ томъ, что Ахиллесъ никогда не догонитъ впереди идущую черепаху, несмотря на то, что Ахиллесъ идетъ въ десять разъ скорѣе черепахи: какъ только Ахиллесъ пройдетъ пространство, отдѣляющее его отъ черепахи, черепаха пройдетъ впереди его одну десятую этого пространства; Ахиллесъ пройдетъ эту десятую, черепаха пройдетъ одну сотую и т. д. до безконечности“. Отчего эта задача, казалась не разрѣшимою? Оттого ли, что еще не были открыты дифференціалы, на что, какъ будто намекаетъ авторъ? Нѣтъ. Неразрѣшимой она казалась потому, что изъ задачи хитро упущенъ былъ одинъ важный фактъ каждаго движенія: время. Если только у софиста, предложившаго такую головоломную штуку, спросить: во сколько же времени Ахиллесъ пройдетъ одну десятую, а черепаха одну сотую пространства? то задача сразу объяснится. Единственнымъ доказательствомъ того, что Ахиллесъ догонитъ черепаху, будетъ доказательство наглядное и очевидное, точно такое же, какое употребляется въ основныхъ и простѣйшихъ задачахъ геометріи, какъ, напримѣръ, при наложеніи другъ на друга угловъ или треугольниковъ для доказательства ихъ равенства и неравенства. Начертите линію, обозначьте на ней положеніе Ахиллеса и положеніе черепахи, и отмѣтьте на этой линіи ту часть пространства, какую пройдетъ каждый изъ нихъ *въ единицу времени*, и задача окажется весьма легкою. Мы раздробляемъ линію на конечныя величины, беремъ какую-нибудь крупную единицу времени и задача разрѣшится безъ всякихъ дифференціаловъ, которые могутъ только запутать весьма простое дѣло. Точно также и въ исторіи. При излишнемъ

дробленіи мы имѣли бы безконечное число романовъ, которые, вмѣстѣ взятые, должны были бы называться исторіей. „Для человѣческаго ума недоступна совокупность причинъ явленій...“ Поэтому-то именно задача историка будетъ состоять въ томъ, чтобы отличить типическія, общія свойства явленій, составляющія причины другихъ явленій, чтобы найти неизмѣнные вѣчные законы отношеній между хаосомъ разнообразныхъ явленій, и уже при ихъ посредствѣ понимать отдѣльное явленіе.

Но почему до сихъ поръ преувеличивалось историками значеніе относительно произвольныхъ дѣйствій какого-нибудь лица и значеніе какихъ-нибудь отдѣльныхъ фактовъ? Очевидно, значеніе фактовъ и дѣйствій различно; всѣ они, хотя и вытекаютъ изъ общаго, непрерывнаго теченія дѣла, но мы все-таки съ ясностью можемъ указать на тотъ или другой фактъ, какъ на особенно важный, и дѣйствія какого-нибудь Наполеона во всякомъ случаѣ важнѣе знать, чѣмъ дѣла одного какого-нибудь солдата. Способъ писать исторію, какъ онъ существовалъ прежде и еще существуетъ до сихъ поръ, ложенъ не потому, что описывали особенно подробно дѣйствія одного какого-нибудь высокопоставленнаго лица и забывали про жизнь какого-нибудь рядового; но вся ошибка состояла въ томъ, что историки изъ-за описанія отдѣльныхъ, особенно выдающихся личностей, ихъ мнѣній и соображеній, анекдотовъ, которые про нихъ въ ходу, и изъ-за описанія придворной обстановки, совершенно забывали о жизни цѣлаго народа, которая единственно можетъ составлять предметъ исторіи; ошибка состояла въ томъ, что мемуаристы придерживались того же ложнаго, близорукаго міросозерцанія, которое руководило писавшими простому русскому народу разныя афиши, Растопчинымъ и Наполеономъ.

Различные люди и событія имѣютъ различную важность. Такіе люди, какъ князь Андрей, Пьеръ, Ростовъ Николай, Денисовъ, Борисъ Друбецкой и т. д., исторіку могутъ служить только примѣрами, типами, надъ которыми онъ изучаетъ составныя части того важнаго дѣятеля историче-

скихъ событій, котораго мы называемъ массою, публикой, народомъ, различными сословіями, мужиками, солдатами, помѣщиками, придворными и т. д. Но личности, подобные Александру Первому, Наполеону, Кутузову, Сперанскому и т. п., историкъ изучаетъ не какъ произвольно выбранные имъ примѣры, но какъ личностей рѣзко выдающихся изъ массы, какъ сокъ, выжатый изъ своего времени, какъ важныхъ дѣятелей историческихъ событій, достойныхъ во всякомъ случаѣ особеннаго вниманія.

Одна изъ главныхъ ролей въ великой драмѣ, разыгравшейся на сценѣ Европы въ началѣ нынѣшняго столѣтія, очевидно, выпала на долю Наполеона. И неужто великость этой роли есть только кажущаяся, и Buonaparte, корсиканскій проходимецъ, есть такая же пѣшка, какъ и всякій рядовой въ его великой арміи? Легко кажется, что авторъ такого мнѣнія!

Неужели-же Наполеона потому только и считаютъ великимъ полководцемъ и геніальнымъ человѣкомъ, чтобы легче было скрыть стыдъ отъ пораженія, нанесеннаго имъ, и покореній, имъ совершенныхъ? Имѣемъ ли мы право назвать его ничтожнымъ человѣчкомъ, вовсе не съ особенными умственными способностями, которому только случай подарилъ первую роль въ игрѣ, продолжавшейся столько лѣтъ? Какъ будто это тотъ же главный выигрышъ въ лотереѣ, падающій на какого-нибудь счастливца! Такъ можетъ показаться при чтеніи романа графа Толстого; но это только такъ кажется: авторъ, который не допускаетъ произвола въ исторіи, точно также не можетъ допустить такого слѣпого и глупаго случая. Стараясь выставить ничтожность произвольныхъ дѣйствій Наполеона въ сравненіи съ тѣми силами, которыми движутся массы, составляющія народъ, авторъ не выставляетъ ясно оборотную сторону дѣла: не вдается въ разборъ того, напримѣръ, отчего именно на долю этого человѣка выпала роль стоять во главѣ разнузданныхъ стремленій, остатковъ подгнившей въ своемъ корнѣ цивилизаціи прошлаго столѣтія; отчего милліоны людей съ любовью и привязанностью предались во власть

именно этого человѣка, который не принесъ съ собою на свѣтъ никакихъ человѣческихъ и божественныхъ правъ для того, чтобы заставить преклониться передъ собою всю Европу? Нѣтъ, нельзя у Наполеона отнять чести называться великимъ, геніальнымъ — разбойникомъ, грабителемъ! Наполеонъ подъ-часъ можетъ казаться чрезвычайно мелочнымъ, даже смѣшнымъ и глупымъ (напримѣръ, послѣ битвы при Аустерлицѣ, Бородино, пожаръ Москвы, афиши къ народу и т. п.). Въ особенности въ Наполеонѣ можетъ поражать крайнее непониманіе чужого образа жизни, мышленія и чувствованія (мечты его облагодѣтельствовать Русскихъ). Если даже многія понятія Наполеона плоски, если мы считаемъ la gloire, главный двигатель его личныхъ побужденій, однимъ изъ самыхъ низкихъ, пошлыхъ идеаловъ, то это только значитъ, что его геніальный умъ глядѣлъ черезъ узкую щель, которую оставилъ для него навалившійся хламъ французской революціи. Если же, наконецъ, у Наполеона совсѣмъ не было сердца, то непростительно забывать его грандіозную утопію Республики-Монархіи, увлекавшей многихъ его знаменитыхъ современниковъ.

Отчего-же изъ всѣхъ нашихъ полководцевъ, единственнымъ, котораго можно было противупоставить Наполеону, оказался тотъ одноглазый, дряхлый старикъ, который спалъ на военныхъ совѣтахъ, съ кажущимся самодурствомъ не хотѣлъ и слушать чужихъ совѣтовъ и мнѣній, и у котораго постоянно навертывались слезы на глазахъ? Онъ лучшій потому, что онъ человѣкъ дѣла, а не отвлеченной мысли, какъ Пфуль, потому что онъ отказывается отъ личныхъ интересовъ и разъ навсегда гарантируетъ свое положеніе, не дѣйствуя подобно Бенигсену; онъ лучшій потому, что въ немъ кипѣло русское сердце, которое могло вполнѣ предаться патріотическому дѣлу войны, и полное вѣры, любви къ отечеству и надежды на правое дѣло пріобрѣло полное довѣріе православнаго русскаго войска, а уму полководца подарило талантъ предугадывать событія.

Кутузовъ замѣчателенъ не только какъ главнокомандующій нашими арміями въ отечественную войну, но онъ за-

мѣчателенъ такъ же, какъ типъ стараго генерала. Больш всего бросается въ глаза его самодурство, которое въ та кой рѣдкой формѣ можетъ еще встрѣтиться только у насъ а иностранные языки не имѣютъ для него даже подходя щаго названія. Но это самодурство, составляющее въ на шемъ семейномъ быту отвратительную черту, результатом которой бываетъ только несчастіе и умственное отупѣні окружающихъ, здѣсь, въ военномъ дѣлѣ, это самодурств нашло себѣ благодѣтельное приложеніе, необходимо подчи няя всѣ отдѣльныя личности одной неограниченной вла сти. И какъ бы авторъ „Войны и Мира" ни увѣрялъ, чт воля полководца ничто въ сравненіи съ желаніями и стре мленіями массы, если даже иной разъ толпу и не удержиш отъ того или другого поступка, не заставишь дѣлать того чего она не захочетъ, то все-таки однимъ изъ главнѣй шихъ дѣятелей есть повелѣніе главнокомандующаго, и без прекословное повиновеніе есть одно изъ необходимыхъ условій удачи въ предпріятіяхъ; такъ, напримѣръ, отчего Ту шинъ былъ особенно способенъ къ военному дѣлу? Отчего просто, что онъ, не разсуждая, былъ точенъ въ исполне ніи приказаній начальства, не мечтая о личныхъ выгодахъ и имѣя въ виду одно благо общаго дѣла.

Кромѣ упомянутыхъ качествъ Кутузовъ, надъ своими со товарищами имѣетъ преимущество ума, или, лучше ска зать, онъ выше ихъ по результатамъ умственной работы своей многоопытной жизни, сложившимся въ видѣ глубокихъ убѣжденій, хотя и темныхъ и не освѣщенныхъ. Эти его убѣжденія, если логически ихъ вывести, состоятъ приблизительно въ слѣдующемъ: предугадать всѣ мелкія случайности войны впередъ—нѣтъ никакой возможности; должно выжидать, что будетъ, и потомъ быстро сообразить (отсюда его девизъ: терпѣніе и время); весь успѣхъ въ военномъ дѣлѣ зависитъ отъ смышленности отдѣльныхъ предводителей полковъ и расторопности солдата, которая въ свою очередь зависитъ отъ ихъ физическаго состоянія, по отношенію къ продовольствію, отдыху и расположенію духа (отсюда довѣрчивость Кутузова); главнокомандующій есть

формально связующій элементъ, но элементъ со своею неограниченною властью весьма важный: поэтому завистливость Кутузова къ своей власти, которою въ такой мѣрѣ обладалъ въ Россіи одинъ только Суворовъ, не противорѣчитъ любви къ отечеству.

Несмотря на то, что Кутузовъ презиралъ всякіе разсчеты, старавшіеся предугадать, что будетъ, онъ одинъ, лежа на походной кровати, въ состояніи старческой безсонницы, предвидѣлъ гибель Французовъ въ покинутой жителями Москвѣ, говоря, что потеря Москвы не есть потеря Россіи. Онъ одинъ сумѣлъ вѣрно оцѣнить результаты Аустерлицкой и Бородинской битвъ, говоря, что первая есть пораженіе, а вторая — полная побѣда; и, наконецъ, онъ одинъ впалъ въ немилость Государя, утверждая, наперекоръ всѣмъ, что дальнѣйшая война за границей вредна и безполезна.

„Теперь, говоритъ графъ Толстой, понять значеніе со„бытія, если только не прилагать къ дѣятельности массъ „цѣлей, которыя были въ головѣ десятка людей, легко, „такъ какъ все событіе съ его послѣдствіями лежитъ передъ нами“.

„По какимъ образомъ тогда этотъ старый человѣкъ, одинъ „въ противность мнѣнія всѣхъ, могъ угадать такъ вѣрно „значеніе народнаго смысла событія, что ни разу во всю „свою дѣятельность не измѣнилъ ему“?

„Источникъ этой необычайной силы прозрѣнія въ смыслъ „совершающихся явленій лежалъ въ томъ народномъ чув„ствѣ, которое онъ носилъ въ себѣ во всей чистотѣ и „силѣ его“.

„Только признаніе въ немъ этого чувства заставило народъ такими странными путями, изъ въ немилости находящагося старика, выбрать его, противъ воли царя, въ представители народной войны. И только это чувство поставило его на ту высшую человѣческую высоту, съ которой онъ, главнокомандующій, направлялъ всѣ свои силы не на то, чтобы убивать и истреблять людей, а на то, чтобы спасать и жалѣть ихъ.“

Между тѣмъ въ 12 и 13 годахъ Кутузова обвиняли въ томъ, что онъ будто бы не далъ Русскимъ совершить полной побѣды надъ Французами.

„Такова, говоритъ Л. Н. Толстой, судьба не великихъ людей, не grand homme, которыхъ не признаетъ русскій умъ, а судьба тѣхъ рѣдкихъ, всегда одинокихъ людей, которые, постигая волю Провидѣнія, подчиняютъ ей свою личную волю. Ненависть и презрѣніе толпы наказываютъ этихъ людей за прозрѣніе высшихъ законовъ.

„Для русскихъ историковъ—странно и страшно сказать—Наполеонъ, это ничтожнѣйшее орудіе исторіи, никогда и нигдѣ, даже въ изгнаніи, не выказавшій человѣческаго достоинства. Наполеонъ есть предметъ восхищенія и восторга, онъ grand. Кутузовъ же, тотъ человѣкъ, который является необычайный въ исторіи примѣръ самоотверженія и сознанія въ настоящемъ будущаго значенія событія, Кутузовъ представляется имъ чѣмъ-то неопредѣленнымъ и жалкимъ, и, говоря о Кутузовѣ и 12 годѣ, имъ всегда какъ будто немножко стыдно“.

„Простая, скромная, и потому истинно величественная фигура эта, не могла улечься въ ту лживую форму европейскаго героя, мимо управляющаго людьми, которую придумала исторія“.

„Для лакея не можетъ быть великаго человѣка, потому что у лакея свое понятіе о величіи“.

Бросимъ теперь взглядъ на главнаго дѣятеля историческихъ событій, изложенныхъ въ романѣ графа Толстого—на народъ. Народъ, plebs, толпа, обыкновенно представляется намъ грубою массою, движущеюся лишь въ силу толчка свыше.—По мановенію Петра, Россія сразу стала изъ азіатской страны, замкнутой въ самой себѣ, европейскимъ государствомъ. Но, понятно, что если бы не чувствовалось цивилизующее начало Западной Европы еще до временъ Петровыхъ, если бы не стали приходить къ намъ иностранцы и вмѣстѣ съ ними новыя идеи, знанія и искусства; если бы къ этому времени не началось уже возрастаніе силы Русскаго государства, то никакое повелѣніе

Петра брить бороды и т. п. не подѣйствовало бы, и даже самая идея о преобразованіи не возникла бы въ Петрѣ.

Развитіе нашего отечества представляетъ рѣзкое различіе съ развитіемъ, напримѣръ, Англіи, гдѣ все лучшее вышло снизу изъ среды самодѣятельнаго народа. Къ намъ же, наоборотъ, многое хорошее приходитъ чрезъ посредство правителей, которые у насъ суть преимущественно представители цивилизаціи.

Но ни форма правленія, ни личность правителя и т. д., не представляютъ единственныхъ факторовъ въ ходѣ историческихъ событій, прогресса и регресса цивилизаціи. Возможность ихъ вліянія въ этомъ случаѣ также не стоитъ внѣ высшаго общаго для всѣхъ народовъ закона движенія впередъ или прогресса.

Наполеонъ не въ состояніи былъ бы вызвать свой народъ идти въ неизвѣстную страну, еслибы не существовало уже въ подчиненныхъ ему массахъ готовности и стремленія къ такому походу. Французская революція, которая имѣетъ значеніе не для одной Франціи, возникла вслѣдствіе нравственнаго разложенія тогдашняго общественнаго строя. Она быстро втоптала въ грязь идеалы лучшихъ людей того времени и осквернила ихъ естественное, благородное стремленіе къ свободѣ и независимости; она разнуздала всѣ грубыя страсти въ массахъ, нашедшихъ, наконецъ, для себя кумиръ въ кровавыхъ завоеваніяхъ; и народы готовы были идти на жизнь и смерть за этотъ, оставшійся у нихъ единственный, идеалъ. Имъ рѣшительно было все равно, служить ли рабски преданно Наполеону или кому другому, такъ какъ самая надежда на свободу была подавлена въ основаніи.

И вотъ двинулась необозримая масса народовъ на Россію, то же нашествіе Татаръ, только Татаръ цивилизованныхъ. Но опьяненные славою своего вождя, эти массы разбиваются, встрѣтивъ неподдѣльную любовь къ отечеству простого русскаго народа. Отчего на полѣ страшнаго Бородинскаго побоища не раздался пресловутый крикъ: „мы отрѣзаны!“, какъ это было при Аустерлицѣ? Развѣ здѣсь

не было въ войскѣ ни одного труса? Нѣтъ. Были и тут храбрые и трусы; жутко было всякому подъ свистомъ пул и картечи, но здѣсь каждый зналъ, за что собственно про ливаетъ онъ свою кровь: зналъ, что защищаетъ свою род ную страну и все что въ ней для него дорого отъ вражеского набѣга, не то что при Аустерлицѣ, куда на рѣзни были выведены наши храбрецы по политическимъ соображеніямъ, которыхъ они не понимали. Въ этой несчастной кампаніи одна битва была блестяще выиграна, а другая постыдно проиграна.

Такъ-то и все въ исторіи. Тамъ, гдѣ указы и распоряженія не вытекаютъ изъ потребности времени и народа, тамъ они или вѣчно останутся на бумагѣ, или же принесутъ вредъ, мѣшая самодѣятельному прогрессу,—будь это даже самыя лучшія начертанія; но если они не вытекаютъ изъ начинающейся потребности, то преждевременное ихъ введеніе не послужитъ ни къ какой пользѣ. Такимъ образомъ высокая, священная дѣятельность правительства должна состоять въ томъ, чтобы предугадать требованія времени, и только тогда эта дѣятельность будетъ имѣть постоянное благодѣтельное вліяніе на историческій ходъ развитія страны.

Причины, которыя приготовили въ Россіи такую особенную, неожиданную вспышку, какую Наполеонъ не испытывалъ во всѣхъ своихъ прочихъ завоевательныхъ походахъ, чрезвычайно разнообразны и многочисленны, какъ и причины всякаго историческаго событія. Но между прочимъ, должно замѣтить, что намѣреніе Наполеона завоевать Россію имѣло совершенно особенное значеніе. Наполеонъ покорялъ западныя государства съ чисто политической цѣлью: онъ хотѣлъ поставить Европу подъ скипетръ одного верховнаго властелина, быть которымъ спѣсиво желалъ онъ самъ. Русское же государство, les steppes et les barbares, домогался онъ пріобрѣсти для того, чтобы внести въ него свою собственную цивилизацію. И можно быть вполнѣ увѣрену, что каждый солдатъ Наполеона былъ убѣжденъ, что онъ несетъ къ варварамъ цивилизующій эле-

мент. Извѣстно, что Наполеонъ везъ при себѣ въ Россію и орудія для обработки полей, и сѣмена для засѣиванія степей, и, кромѣ того, безъ сомнѣнія, разныя просвѣщающія идеи на придачу. Многіе изъ нашихъ тайно или явно сочувствовали этой цѣли Наполеона, преклоняясь предъ его геніемъ; сюда принадлежали многіе придворные и почти половина жителей Петербурга, чуждые интересамъ народа. Народъ же видѣлъ въ Наполеонѣ, если не Антихриста, то по крайней мѣрѣ новаго Батыя; онъ чутьемъ слышалъ, что хотятъ отнять у него все, что ему до сихъ поръ было мило и дорого, и навязать силою, чуждые ему и его сердцу, образъ мыслей и нравы. Для Нѣмцевъ, напримѣръ, Наполеонъ не былъ такъ страшенъ, и на войну они смотрѣли, какъ на чисто политическую штуку, до которой, пожалуй, имъ собственно и дѣла нѣтъ. Въ Вѣнѣ, гдѣ врагъ былъ ласково встрѣченъ народомъ, никакъ уже не могло случиться того, что совершилъ Русскій народъ, покинувшій все и самъ же помогавшій разрушать оставленное, чтобы даже самое имущество не попало въ руки ненавистнаго врага. Здѣсь дѣйствовалъ опять-таки дикій страхъ передъ набѣгающей вражьей силой, которой народъ инстинктивно трусилъ, чувствуя, что при случаѣ и самъ распорядился бы съ врагомъ точно такимъ же образомъ. Страхъ и ненависть овладѣли всѣми и отъ простого класса перешли и къ тому, который самъ говорилъ по французски.

Что касается до пожара Москвы, то, по справедливому замѣчанію Гр. Л. Н. Толстого, она сгорѣла не по распоряженію умиленно-патріотическаго чувства какого-нибудь Растопчина, не по волѣ народа, который и не думалъ попусту жертвовать своимъ имуществомъ для того, чтобы выкурить Француза изъ его берлоги, она сгорѣла сама собою, какъ всякая постройка, покинутая своими хозяевами въ такомъ мѣстѣ, гдѣ пьяные курятъ трубки, и среди бѣла дня разводятся костры; гдѣ царствуетъ распущенность и „мародерство“ не подчиняющагося обычной дисциплинѣ войска.

Грабежъ французскихъ войскъ въ Москвѣ имѣлъ другой

характеръ, нежели въ тѣхъ странахъ, гдѣ война велась по всѣмъ правиламъ искусства, какъ дуэль, и гдѣ Наполеонъ самъ завѣдывалъ всѣмъ—и войной и грабительствомъ. Французскія войска, вступившія въ Москву, нашли городъ въ такихъ условіяхъ, при которыхъ всякая солдатчина сочла бы себя глупою, если-бы не брала того, что̀ лежитъ у ней подъ носомъ. Nelegenheit, говоритъ нѣмецкая пословица, macht Diebe. Москва должна была быть разграблена французскими войсками потому, что изъ нея выѣхали всѣ жители,—все равно какъ упавшее съ возу яблоко должно быть поднято мальчишкой и съѣдено имъ тайкомъ. Солдаты, и при обыкновенныхъ обстоятельствахъ не упускающіе случая что-нибудь стибрить, не могли не грабить въ томъ городѣ, гдѣ сами жители грабили другъ друга. Народъ окончательно деморализировалъ въ Россіи французскія войска подобно тому, какъ Азія съ ея изнѣженными нравами деморализовала не только полчища Александра Македонскаго, но и его самого. Конечно, это было не трудно, потому что вся мораль Французовъ держалась на весьма зыбкихъ основахъ, на военной дисциплинѣ и чести быть солдатомъ великаго полководца. Великій-же полководецъ самъ находился въ то время подъ совершенно особенными условіями, передъ которыми долженъ былъ стать въ тупикъ. Въ его распоряженіи стояла уже не та могучая армія, съ которою онъ завоевалъ всю Европу, но толпа мародеровъ. Любовь къ своему императору, жажда славы и отличія, бывшія прежде поводьями, которыми Наполеонъ привыкъ править, теперь порвались, и все разнуздалось, всѣ отношенія такъ перепутались, что даже и болѣе геніальный человѣкъ, чѣмъ Наполеонъ, не былъ-бы въ состояніи распутать ихъ. Человѣкъ только тогда становится выше обстоятельствъ, когда онъ понимаетъ ихъ. Наполеонъ не понималъ русскаго народа, слѣдовательно не могъ управлять имъ; онъ не предвидѣлъ возможности своей погибели въ Россіи и поэтому погибъ.

Французскіе полки бѣжали въ самомъ страшномъ безпорядкѣ и распущенности, потому что ихъ уже не связыва-

ли прежнія идеи славы, и ограничивались они личными желаніями обогатиться чужимъ добромъ и сохранить его. Они пошли по пути, ими самими-же разрушенному, потому что уже не слушались повелѣній того, въ комъ олицетворялись идеи нѣкогда управлявшія ими, а Наполеонъ, не понимая происходившаго, и не могъ дать ему направленія.

Лишь только Французы начали отступать отъ Москвы, великой арміи уже не стало: она нравственно погибла, нравственно цѣльное существо ея распалось на отдѣльныхъ людей, изъ которыхъ каждый думалъ лишь о себѣ, о томъ только, чтобы какъ нибудь поскорѣе убраться на родину и спасти себя отъ вѣрной погибели. Поэтому Французы естественно должны были пойти по кратчайшему пути. Русскіе партизаны стали тѣснить ихъ со всѣхъ сторонъ, сжимая ихъ въ кучу; и, по мѣрѣ того, какъ падалъ духъ у Французовъ, онъ сталъ подниматься въ Русскихъ людяхъ. Поэтому неудивительно, что Русскіе дробятся для того, чтобы добить Французовъ, а Французы сдаются цѣлыми толпами, да и какъ не сдаться, когда матеріальное и нравственное состояніе великой арміи дошло до крайнихъ предѣловъ упадка.

Началась партизанская война, т. е. война самого народа противъ вторгнувшагося врага. И, конечно, способъ веденія этой борьбы не былъ изобрѣтенъ или учиненъ правительствомъ. Мужики и казаки истребляли Французовъ вездѣ, гдѣ они только попадались, и истребляли совершенно безсознательно, подобно тому, какъ собаки загрызаютъ забѣглую бѣшеную собаку. Правительству сначала показался постыднымъ такой способъ дѣйствія; оно хотѣло добить врага по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, находя это, вѣроятно, болѣе благороднымъ. Но, безъ сомнѣнія, нельзя ни въ какомъ случаѣ требовать слишкомъ много жалости къ врагу отъ народа имъ обиженнаго, оскорбленнаго и ограбленнаго.

И, мы полагаемъ, что будетъ кстати привести здѣсь слова Кутузова, обращенныя къ войску: „А и то сказать,

кто-же ихъ (французовъ) къ намъ звалъ? По дѣломъ имъ, м... и... в. г....!“

„И благо не тому народу, говоритъ графъ Толстой, который какъ Французы въ 1813 году, отсалютовавъ по всѣмъ правиламъ искусства и перевернувъ шпагу эфесомъ, граціозно и учтиво передаетъ ее великодушному побѣдителю, а благо тому народу, который въ минуту испытанія, не спрашивая о томъ, какъ по правиламъ поступали другіе въ подобныхъ случаяхъ, съ простотою и легкостью поднимаетъ первую попавшуюся дубину и гвоздитъ ею до тѣхъ поръ, пока въ душѣ его чувство оскорбленія и мести не замѣняется презрѣніемъ и жалостью.“

Мирная жизнь отдѣльнаго человѣка, текущая рядомъ съ міровыми событіями, не входитъ въ составъ исторіи, если брать ее въ отдѣльномъ ея проявленіи. Только изъ совокупности жизни отдѣльныхъ личностей составляется то цѣлое, которое историкъ называетъ жизнью народа.

Жизнь народа представляется въ постоянномъ движеніи, то на пути къ прогрессу, въ движеніи къ усовершенствованію, ко всему лучшему, къ осуществленію идеаловъ общежитія, то на пути къ регрессу и упадку. А прогрессъ или регрессъ народа зависитъ отъ движенія въ жизни отдѣльной личности, отъ извѣстнаго направленія желаній, стремленій и дѣйствій тѣхъ частей, которыя своею совокупностію составляютъ то цѣлое, въ которомъ и изъ котораго онѣ развиваются.

Но какъ-бы люди ни казались разнообразны, какъ-бы различна ни была среда, въ которой они живутъ, есть что-то общее во всѣхъ: это общее—одинъ и тотъ-же законъ для всѣхъ. И такъ и рисуетъ намъ ихъ авторъ, какъ они были, есть и будутъ, вездѣ, подъ всякими условіями жизни, будь то подъ тропиками или у полюсовъ, въ Россіи или гдѣбы то ни было, повсюду съ тѣми-же любовью и невинностью, съ тѣми-же желаніями и стремленіями, съ заботами и весельемъ, съ горемъ и радостію. Но, несмотря на все то, люди, выведенные на сцену гр. Л. Н. Толстымъ,—это опредѣленные люди, въ опредѣленныхъ условіяхъ жизни, вре-

ени и страны, это не какіе нибудь герои, представители борцы отвлеченныхъ идей, нѣтъ; это простые смертные. Потому-то такъ и любо читателю слѣдить за всѣми движеніями ихъ жизни; это старые знакомые, тѣ же почти люди, какихъ мы ежедневно видимъ у себя. Это правда, что съ того времени, какъ сгорѣла Москва, много утекло воды и многое было, прошло и быльемъ поросло; тогдашнихъ стариковъ теперь уже нѣтъ въ живыхъ, а тотъ, кто былъ тогда молодъ и пережилъ страшное время, тотъ уже принадлежитъ теперь къ старымъ старикамъ. Но исторія народа на всѣхъ своихъ потомкахъ всегда оставляетъ свою неизгладимую печать. И въ романѣ графа Толстого передъ нами воскресаютъ наши отцы и дѣды, въ которыхъ представляется намъ собственный образъ.

Разберемъ сначала нѣкоторыхъ второстепенныхъ лицъ романа, и начнемъ съ салона Анны Павловны Шереръ.

Мы входимъ въ этотъ, вѣроятно, очень пышный салонъ, безъ всякой церемоніальной интродукціи со стороны автора относительно внѣшней обстановки и т. п. Мы входимъ совершенно свободно, какъ люди привыкшіе вертѣться въ подобныхъ кружкахъ. Насъ очень любезно встрѣчаетъ хозяйка, Анна Павловна Шереръ, говоря впередъ заготовленную фразу политическаго содержанія, подводитъ насъ къ никому ненужной теткѣ въ чепцѣ съ длинными бантами, и тотчасъ-же заводится съ нами une conversation politique, très spirituelle et piquante. Салонъ Анны Павловны есть, очевидно, подражаніе салоновъ du Faubourg St. Germain до-революціоннаго времени Франціи, которые, уничтожившись на своей родинѣ, жили еще въ слабомъ подражаніи въ разныхъ придворныхъ сферахъ другихъ государствъ.

Разговоръ у Анны Павловны по преимуществу политическій, хотя собственно весь интересъ всѣхъ этихъ гоффрейлинъ и гофкамергеровъ, которые у нея собираются, и всегда и вездѣ похожи другъ на друга, политика служитъ для нихъ только темою для остроумныхъ разговоровъ и соображеній относительно своего насущнаго дѣла, состоящаго въ

томъ, чтобы заводить и плести интригу, — не нарушая, впрочемъ, приличія. Быть политической энтузіасткой сдѣлалось условіемъ общественнаго положенія Анны Павловны; она была энтузіасткой по привычкѣ, „и ея сдержанная улыбка, игравшая постоянно на лицѣ, хотя и не шла къ ея отжившимъ чертамъ, выражала, какъ у избалованныхъ дѣтей, сознаніе своего милаго недостатка, отъ котораго она не хочетъ, не можетъ и не находитъ нужнымъ исправиться.“ Когда-же рѣчь заходила о такомъ предметѣ, о которомъ ни она ни кто нибудь другой не могутъ вообще судить, какъ, напримѣръ, о томъ, что угодно или нравится Императрицѣ, Анна Павловна скромно опускала глаза.

Здѣсь un homme de grand mérite, которымъ Анна Павловна угощаетъ своихъ гостей, разсказываетъ политическій анекдотъ по приглашенію хозяйки: „Contez nous ça vicomte“ (фраза какъ-то отзывающаяся Людвикомъ XV, что радостно сознается Анною Павловной); здѣсь заплетаются интриги, выпытываются придворно-политическія тайны, а хозяйка съ тактомъ знаетъ, какъ разсадить и размѣстить гостей такимъ образомъ, чтобы никто изъ нихъ не наступалъ другъ другу на мозоли, сама хитро заплетаетъ, гдѣ нужно, и разводитъ, гдѣ необходимо; чтобы, однимъ словомъ, все выходило чинно, гладко, а главное остроумно.

Такіе люди, съ такими интересами, конечно, не могутъ принимать прямаго участія въ жизни народа. И если бы даже они захотѣли участвовать въ интересахъ народа, то не могли-бы этого сдѣлать, потому что глядятъ на жизнь народную съ своей особой точки зрѣнія. А между тѣмъ въ эти поръ люди почти исключительно изъ этихъ кружковъ писали исторію, брались судить объ историческихъ событіяхъ, думали описывать жизнь народовъ.

У Анны Павловны мы встрѣчаемъ уже нѣкоторыхъ лицъ, которыя занимаютъ видное мѣсто въ романѣ графа Л. Н. Толстого. И прежде всего слѣдуетъ остановиться на личности стараго князя Василія, составляющаго одну изъ основъ общества гоффрейлины. Это типъ, типъ нашихъ

состарѣвшихся въ большомъ свѣтѣ и значительныхъ при дворѣ людей. Онъ говорилъ на изысканномъ французскомъ языкѣ, съ тихою, покровительственною интонаціей.

— Avant tout dites moi, comment vous allez, cher ami, говоритъ онъ вамъ такимъ тономъ, въ которомъ изъ-за приличія и участія просвѣчиваетъ равнодушіе и даже насмѣшка. Князь Василій отличается свободными, фамильярными и граціозными движеніями; онъ говоритъ съ улыбкой превосходства, лѣниво, какъ актеръ, повторяющій роль піесы, и когда онъ спрашиваетъ васъ, съ цѣлью выпытать что-нибудь, то рѣчь его становится особенно небрежной; въ такія минуты, что бы вы ни отвѣтили ему, спокойствіе его не покинетъ. Но въ случаѣ крайняго убѣжденія голосъ его начинаетъ внушительно басить, что исключаетъ возможность перебить его. Неудавшіеся сыновья нѣсколько омрачаютъ жизнь князя: у него ихъ двое, одинъ, Ипполитъ, спокойный дуракъ, а другой, Анатоль, безпокойный мотъ, и оба стоютъ ему много денегъ, вмѣстѣ съ ихъ сестрою, блестящею Эленъ, которая ждетъ жениха. Говоря съ своими дѣтьми, отецъ накидываетъ на себя видъ небрежной нѣжности, свойственной только родителямъ, ласкавшимъ своихъ дѣтей съ колыбели. Когда-же князь Василій говоритъ о своихъ дѣтяхъ, то онъ болѣе, чѣмъ когда-либо, неестественно и воодушевленно улыбается, при чемъ особенно рѣзко высказывается въ сложившихся около его рта морщинахъ что-то неожиданно грубое и непріятное.

Князь Василій—вліятельное лицо. Но такъ какъ обладаніе вліяніемъ въ свѣтѣ само по себѣ уже составляетъ капиталъ, который нужно беречь, потому что если употреблять свое вліяніе для пользы другихъ, просить за каждаго, кто нуждается, то скоро нельзя было-бы просить за себя самого, и только то соображеніе, что вы не отстанете отъ него съ своею мольбою, можетъ заставить князя Василія употребить для васъ свое вліяніе. „Старайтесь служить и быть достойнымъ!“ скажетъ онъ вамъ потомъ. Богатый, старый графъ Безухій при смерти. И князь Василій ѣдетъ къ нему; онъ, усталый и измученный дѣлами, ѣдетъ для

того, чтобы, какъ близкій родственникъ, свято исполнить послѣднюю волю умирающаго.—„Вотъ видите-ли, моя милая княжна и кузина, Катерина Семеновна, говоритъ тутъ князь Василій о дѣлѣ высшей важности, и щеки его нервически подергиваются то на ту, то на другую сторону, придавая его лицу непріятное выраженіе, и глаза его смотрятъ нагло-шутливо, то испуганно оглядываются: въ такія минуты какъ теперъ обо всемъ надо подумать. Надо подумать о будущемъ, о васъ..... Я васъ всѣхъ люблю, какъ своихъ дѣтей, ты это знаешь. Наконецъ, надо подумать и о моемъ семействѣ,-- ты знаешь, Катишъ, что вы три сестры, да еще моя жена, мы одни прямые наслѣдники графа. Знаю, знаю, какъ тебѣ тяжело говорить и думать о такихъ вещахъ. И мнѣ не легче: но, мой другъ“ и т. д., и т. д.... „Наша обязанность, моя милая, исправить его ошибку, облегчить его послѣднія минуты тѣмъ, чтобы не допустить его сдѣлать этой несправедливости, не дать умереть въ мысляхъ, что онъ сдѣлалъ несчастными тѣхъ людей“.... И такимъ образомъ князь Василій подговариваетъ княжну, живущую въ домѣ Безухова, утащить его завѣщаніе, для того ли, чтобы дать его уничтожить старому графу или чтобы.... Это неизвѣстно. Дѣло не удалось, и неудача сломила вѣчный тонъ усталаго приличія, и старый грѣховодникъ становится блѣденъ, трясется, закрываетъ глаза рукою и никогда прежде незамѣчаемая искренность появляется въ его голосѣ, когда онъ говоритъ: „Ахъ, мой другъ, сколько мы грѣшимъ, сколько мы обманываемъ, и все для чего? Мнѣ шестой десятокъ, мой другъ..... Вѣдь, мнѣ.... Все кончится смертью. Смерть ужасна!“

Хоть и правда, что дѣло не удалось, такъ, вѣдь, приличіе все-таки сохранено, и князь Василій тотчасъ-же принимается обдѣлывать Пьера, единственнаго наслѣдника богатаго графа Безухова. И не то чтобы князь Василій былъ какой нибудь злодѣй, нѣтъ, всѣ его планы и интриги строились сами по себѣ, по старой привычкѣ свѣтскаго человѣка, весь интересъ жизни котораго состоялъ въ этомъ. Инстинктъ подсказалъ ему, что Пьеръ можетъ быть ему

полезенъ, и вотъ онъ сближается съ нимъ, льститъ ему безъ принужденія и становится фамильяренъ. Онъ беретъ Пьера подъ свое особое покровительство, помѣщаетъ у себя въ домѣ и не выпускаетъ изъ рукъ; человѣкъ, заваленный дѣлами, дѣлаетъ все это изъ чистаго состраданія, потому что не можетъ бросить неопытнаго и безпомощнаго юношу на произволъ судьбы и плутовъ. Но казалось, что планъ, явившійся какъ-бы самъ собою въ головѣ князя Василія, изъ-за застѣнчивости Пьера не подвигался къ исполненію: Пьера, съ одной стороны, привлекала къ Эленъ прелесть ея тѣлесъ, но, съ другой стороны, отталкивала ея глупость и холодность.

„Tout, ça est bel et bon, mais il faut que ça finisse! сказалъ себѣ однажды утромъ князь Василій. Молодость легкомысленна... Послѣ завтра Лёнины именины, я позову кое-кого, и ежели онъ не пойметъ, что онъ долженъ сдѣлать, то уже это будетъ мое дѣло. Да мое дѣло. Я отецъ!“ И, дѣйствительно, на именинахъ дочери князь даетъ чувствовать и Пьеру и всѣмъ, что участь Пьера и Эленъ сегодня должна быть рѣшена. Онъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа, и за ужиномъ, подсаживаясь то къ одному, то къ другому изъ гостей, каждому говоритъ небрежное и пріятное слово, исключая Пьера и Эленъ, которыхъ онъ, какъ будто, не замѣчаетъ.

„Надо непзбѣжно перешагнуть, но не могу, я не могу, думалъ Пьеръ, и заговорилъ опять о посторонпемъ, о Сергѣѣ Кузьмичѣ, спрашивая, въ чемъ состоялъ этотъ анекдотъ, такъ какъ онъ его не разслышалъ. Эленъ съ улыбкой отвѣчала, что она тоже не знаетъ.

Когда князь Василій вошелъ въ гостиную, княгиня тихо говорила съ пожилой дамой о Пьерѣ. Конечно, c'est un parti très brillant, mais le bonheur, ma chère....

Les marriages se font dans les cieux, отвѣчала пожилая дама. Князь Василій, какъ-бы не слушая дамъ, прошелъ въ дальній уголъ и сѣлъ на диванъ. Онъ закрылъ глаза и какъ будто дремалъ. Голова его было упала, и онъ очнулся.

Aline, сказалъ онъ женѣ, allez voir ce qu' ils font.

Княгиня подошла къ двери, прошлась мимо нея съ значительнымъ, равнодушнымъ видомъ и заглянула въ гостиную. Пьеръ и Элень также сидѣли и разговаривали.

— „Все то же“. отвѣчала она мужу. Князь Василій нахмурился, сморщилъ ротъ на сторону, щеки его запрыгали съ свойственнымъ ему непріятнымъ, грубымъ выраженіемъ; онъ встряхнувшись, всталъ, закинулъ назадъ голову и рѣшительными шагами, мимо дамъ прошелъ въ маленькую гостиную. Онъ скорыми шагами, радостно, подошелъ къ Пьеру. Лицо князя было такъ необыкновенно торжественно, что Пьеръ испуганно всталъ, увидѣвъ его.

— Слава Богу! сказалъ онъ. Жена мнѣ все сказала! Онъ обнялъ одной рукой Пьера, другой—дочь. „Другъ мой! Леля! Я очень, очень радъ!“ Голосъ его задрожалъ. „Я любилъ твоего отца.... и она будетъ тебѣ хорошая жена.... Богъ да благословитъ васъ!...“ Онъ обнялъ дочь, потомъ опять Пьера и поцѣловалъ его дурно пахучимъ ртомъ. Слезы дѣйствительно омочили его щеки. „Княгиня, иди-же сюда, прокричалъ онъ“.

Стоитъ только остановиться на одномъ изъ лицъ, которыми угощаетъ Анна Павловна гостей своего салона, чтобы изучить ихъ всѣхъ. Всѣ эти люди, у которыхъ обыкновенно просятъ о мѣстахъ, о протекціи; большинство изъ нихъ неособенно выдаются своими личными способностями, имѣютъ одни и тѣ же желанія, одни стремленія, одинъ способъ удовлетворять имъ, одинъ взглядъ на жизнь и отъ всѣхъ отъ нихъ одинаково пахнетъ душистымъ мыломъ и одеколономъ. Однообразіе ихъ, безъ сомнѣнія, особенно рѣзко бросается въ глаза тому, кто стоитъ отъ нихъ весьма далеко.

Такъ, напримѣръ, Билибинъ, человѣкъ очень оригинальный. Это молодой человѣкъ, много обѣщающій на дипломатическомъ поприщѣ. „Онъ былъ не изъ того большого количества дипломатовъ, которые обязаны имѣть только отрицательныя достоинства, не дѣлать извѣстныхъ вещей и говорить по-французски для того, чтобы быть очень хорошимъ дипломатомъ; онъ былъ одинъ изъ тѣхъ дипломатовъ,

которые любятъ и умѣютъ работать, и, несмотря на свою лѣнь, онъ иногда проводилъ ночи за письменнымъ столомъ. Онъ работалъ одинаково хорошо, въ чемъ бы ни состояла сущность работы. Его интересовалъ не вопросъ „зачѣмъ?“ а вопросъ „какъ!“ Въ чемъ состояло дипломатическое дѣло, ему было все равно, но составить искусно, мѣтко и изящно циркуляръ, меморандумъ или донесеніе въ—этомъ онъ находилъ большое удовольствіе. Заслуги Билибина цѣнились, кромѣ письменныхъ работъ, еще и по его искусству обращаться и говорить въ высшихъ сферахъ.

Билибинъ любилъ разговоръ, также какъ онъ любилъ работу, только тогда, когда разговоръ могъ быть изящно-остроуменъ. Въ обществѣ онъ постоянно выжидалъ случая сказать что нибудь замѣчательное, и вступалъ въ разговоръ не иначе, какъ при этихъ условіяхъ. Разговоръ Билибина постоянно пересыпался оригинально-остроумными, законченными фразами, имѣющими общій интересъ. Эти фразы изготовлялись во внутренней лабораторіи Билибина, такъ будто нарочно, портативнаго свойства, для того, чтобы ничтожные свѣтскіе люди удобно могли запомнить ихъ и переносить изъ гостиныхъ въ гостиныя. И дѣйствительно, les mots de Bilibine se comportaient dans les salons de Vienne и часто имѣли вліяніе на такъ называемыя важныя дѣла“. Характеръ и способности Билибина ярче всего выясняются въ разговорѣ съ княземъ Андреемъ Болконскимъ. Теперь же обратимся къ семейству князей Болконскихъ, въ которомъ мы увидимъ и одну изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей романа графа Л. Н. Толстого. Это семейство состоитъ изъ стараго князя Николая Андреевича, знатнаго вельможи временъ Императрицы Екатерины, его сына князя Андрея и жены послѣдняго, и кромѣ того дочери стараго князя,—княжны Марьи. Начнемъ съ старика. Послѣдній, выслannый изъ Петербурга при Императорѣ Павлѣ, все время жилъ въ своемъ помѣстьѣ—Лысыхъ Горахъ, хотя съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра и получилъ позволеніе ѣздить въ столицу. Князь Николай Андреевичъ въ романѣ графа Толстого является самымъ вѣрнымъ типомъ

старой, отжившей эпохи. Весь его умственный горизонтъ сложился подъ вліяніемъ французскихъ философовъ — энциклопедистовъ XVIII-го столѣтія, которые, какъ извѣстно, служили въ концѣ прошлаго вѣка предметомъ удивленія и почитанія всей Европы. Судя по взглядамъ стараго князя, насколько это выражено въ романѣ, Вольтеръ своими сочиненіями произвелъ на него самое сильное вліяніе. Да оно такъ и слѣдуетъ. Знаменитый Фернейскій философъ слылъ патріархомъ мудрецовъ, дивиться которымъ считалъ своею обязанностію весь образованный міръ. Уваженіе, которое питали къ нему даже коронованныя особы, извѣстно всѣмъ и каждому. Фридрихъ Великій употреблялъ всѣ усилія, чтобы пригласить Вольтера въ Берлинъ, и считалъ себя вполнѣ осчастливленнымъ, когда успѣлъ въ своемъ желаніи. Правда, впослѣдствіи отношенія Фридриха къ Вольтеру окончились самою скандальною исторіею, но это не помѣшало Прусскому королю и послѣ этой исторіи домогаться дружбы Вольтера и цѣловать руки этого міроваго оракула.

У насъ, въ Россіи, слава Вольтера доходила до тѣхъ-же громадныхъ размѣровъ, какъ и на западѣ; Екатерина Великая вела съ нимъ дружескую переписку, и наши тогдашніе литераторы закрывали себя его авторитетомъ, какъ бронею. Извѣстно, что Сумароковъ всю лучшую сторону своихъ трагедій видѣлъ въ томъ, что онѣ слѣдуютъ правиламъ Вольтера.

Извѣстно, что Вольтеръ, какъ философъ, принадлежалъ къ школѣ деистовъ; математика у него служитъ основнымъ началомъ всѣхъ знаній. Онъ самъ популяризировалъ теорію Ньютона, и эти математическія начала его ученія, конечно, не остались чуждыми для его послѣдователей. Мы уже сказали, что старый князь былъ Вольтерьянецъ. „Онъ говорилъ (слова графа Толстого), что есть только два источника людскихъ пороковъ: праздность и суевѣріе, и что есть только двѣ добродѣтеля: дѣятельность и умъ". Въ этихъ взглядахъ стараго князя нельзя не видѣть вліянія Вольтера: извѣстно, что вся дѣятельность послѣдняго

какъ онъ самъ выражался, имѣла цѣлью искорененіе суевѣрій, главной причины человѣческихъ несчастій.—Старый князь до самой смерти любилъ заниматься вычисленіями изъ высшей математики и самъ руководилъ воспитаніемъ своей дочери; до двадцатилѣтняго возраста онъ давалъ ей уроки изъ алгебры и геометріи. Придворная жизнь, конечно, не могла остаться безъ послѣдствій на характеръ князя Болконскаго. Она пріучила его къ порядку и форменности, часто доходившихъ даже до педантизма. Онъ никогда не позволялъ себѣ выразить всѣ свои чувства, и горячая любовь къ дочери все-таки заключалась подъ внѣшнею ледяною корою. Вотъ нѣсколько словъ, которыми графъ Толстой умѣлъ такъ мѣтко обрисовать типъ стараго Екатерининскаго вельможи.

„Такъ какъ главное условіе для дѣятельности есть порядокъ, то и порядокъ въ его образѣ жизни былъ доведенъ до послѣдней степени точности. Его выходы къ столу совершались при однихъ и тѣхъ-же неизмѣнныхъ условіяхъ, и не только въ одинъ и тотъ-же часъ, но и минуту. Съ людьми, окружавшими его, отъ дочери до слугъ, князь былъ рѣзокъ и неизмѣнно-требователенъ, и потому не бывъ жестокимъ, онъ возбуждалъ къ себѣ страхъ и почтительность, какихъ не легко могъ-бы добиться самый жестокій человѣкъ. Несмотря на то, что онъ былъ въ отставкѣ и не имѣлъ теперь никакого значенія въ государственныхъ дѣлахъ, каждый начальникъ той губерніи, гдѣ было имѣніе князя, считалъ своимъ долгомъ являться къ нему и точно такъ же, какъ архитекторъ, садовникъ, или княжна Марья, дожидались назначеннаго часа выхода князя въ высокой офиціантской. И каждый въ этой офиціантской испытывалъ тоже чувство почтительности и даже страха въ то время, какъ отворялась громадно-высокая дверь кабинета и показывалась въ напудренномъ парикѣ невысокая фигура старика, съ маленькими, сухими ручками и сѣрыми висячими бровями, иногда, какъ онъ насупливался, застилавшими блескъ умныхъ и точно молодыхъ блестящихъ глазъ.

Эта суровость и сухость старика производила на всѣхъ окружающихъ его такое тяжелое вліяніе, что даже сама княжна Марья, единственная и любимая дочь князя Болконскаго, крестилась и шептала молитву, входя въ его кабинетъ. Какъ вольтерьянецъ, князь Николай Андреевичъ отличался равнодушіемъ въ религіозномъ отношеніи. Это была общая и слабая черта всѣхъ образованныхъ людей второй половины XVIII-го в. Мораль считалась единственныхъ началомъ религіи; догматы были ничто и даже служили предметомъ нападковъ. — Понятно, что такое воззрѣніе исходило и исходитъ изъ самыхъ ложныхъ источниковъ. Напротивъ, религія есть выраженіе стремленія человѣка сознать свои отношенія къ высшему существу — къ Богу. Слѣдовательно, главная формула ея есть догматъ. Что же касается до нравственныхъ началъ, то, по замѣчанію Бокля, онѣ не прогрессируются, не растутъ вмѣстѣ съ развитіемъ человѣчества, но въ своей коренной основѣ остаются неизмѣнными. Понятно послѣ этого, что деистъ, въ родѣ Вольтера, отрицавшій догматы, былъ склоненъ къ религіозному индеферентизму, и предпочиталъ христіанство только по той причинѣ, что въ немъ полнѣе и ярче отразились нравственныя начала. Догматы-же, какъ христіанскіе, такъ и прочихъ религій, казались для него одинаково нелѣпыми и ненавистными, что̀ лучше всего доказываетъ любимая фраза Вольтера: „чѣмъ меньше догматовъ, тѣмъ меньше споровъ, чѣмъ меньше споровъ, тѣмъ меньше несчастій“: moins de gogumes, moins de disputes; moins des disputes, moins de malheurs.—Эту же черту мы замѣчаемъ и въ князѣ Николаѣ Андреевичѣ. Когда онъ получилъ на имя дочери письмо отъ одной ея подруги, и книгу, вѣроятно масонскаго направленія, онъ не сталъ размышлять, будетъ ли эта книга полезна княжнѣ, или напротивъ вредна, но тотчасъ-же передалъ ей съ словами; „Вотъ еще какой-то *ключъ таинствъ*, тебѣ твоя Элоиза посылаетъ. Религіозная. *А я ни въ чью вѣру не вмѣшиваюсь*... Просмотрѣлъ. Возьми. Ну ступай, ступай!“ — Относительно этой религіозной книги Жюли Карагина, подруга княжны

Марьи, писала послѣдней: „прочитайте мистическую книгу, которую я вамъ посылаю; она имѣетъ у насъ огромный успѣхъ. Хотя въ ней есть вещи, которыя трудно понять слабому уму человѣческому, но это превосходная книга: чтеніе ея успокоиваетъ и возвышаетъ душу". Кромѣ того, Жюли увѣдомляла княжну, что князь Василій думаетъ просить ея руки для своего сына Анатоля.

Авторъ романа „Война и Миръ" сознательно коснулся книги *Ключъ таинства*. Дѣйствительно, съ половины царствованія Императрицы Екатерины въ нашемъ обществѣ на ряду съ ученіями французскихъ деистовъ развивается и мистическое ученіе масоновъ. Графъ Толстой въ своемъ романѣ даетъ большее мѣсто описанію масонства, развивая типъ своего героя Пьера Безухова; но жаль только, что при всемъ живомъ изображеніи, онъ мало вникнулъ въ духъ этого мистическаго ученія и больше занялся его внѣшнею стороною. Въ своей основѣ взглядъ графа Толстого на масонство вѣренъ; мы готовы согласиться съ нимъ, что главный недостатокъ этого ученія заключается въ чрезмѣрномъ значеніи обрядности, въ излишнемъ символизмѣ и теоретичности. Но самый духъ масонства, если отнять всѣ эти затемняющія его стороны, представится намъ далеко не въ томъ, если можно такъ сказать, комичномъ видѣ, въ какомъ изобразилъ его графъ Толстой. Лучшее и болѣе всего выражающее мѣсто въ романѣ относительно масоновъ это сцена Пьера съ Іосифомъ Алексѣевичемъ Багдѣевымъ. Впрочемъ, мы поговоримъ еще относительно этого вопроса.

Но мы не можемъ не замѣтить, что, стараясь изобразить въ своемъ романѣ полную картину жизни общества начала нынѣшняго столѣтія, и о его умственномъ направленіи, графъ Толстой упустилъ ту черту, которая, быть можетъ, служила одною изъ самыхъ характерическихъ сторонъ этого общества. Во время, описываемое авторомъ романа „Война и Миръ", типичнымъ началомъ какъ литературы, такъ, конечно и, жизни служило *романтическое направленіе*. Оно дало себя чувствовать уже и въ послѣднее

время царствованія Императрицы Екатерины. Что же касается до царствованія Александра I-го, то послѣднее было ознаменовано дѣятельностію Карамзина, главнаго проводника этого направленія въ наше общество. Между тѣмъ въ романѣ графа Толстого мы ничего подобнаго не видимъ.—Желалъ-ли авторъ указать на это направленіе тогдашняго общества, или нѣтъ, — для насъ рѣшительно неизвѣстно. По крайней мѣрѣ, въ дѣйствующихъ лицахъ мы не замѣчаемъ и слѣдовъ этого. Даже лучшая женская личность романа, на которой по ея чуткой натурѣ и по судьбѣ необходимо должно бы было отразиться это направленіе, является болѣе чувственною, нежели на сколько-бы слѣдовало.—Но воротимся къ старому князю. Мы уже говорили, что по своей выдержанности и обработкѣ онъ является однимъ изъ лучшихъ типовъ романа „Война и Миръ". Когда пріѣзжаетъ въ Лысыя горы молодой князь Андрей съ женою, старикъ впервые „сдѣлалъ исключеніе въ своемъ образѣ жизни въ честь пріѣзда сына: онъ велѣлъ впустить его въ свою половину во время одѣванья передъ обѣдомъ". Въ разговорѣ съ сыномъ старый князь сказалъ нѣсколько мѣткихъ и вполнѣ характеризующихъ его словъ. Когда князь Андрей спросилъ отца о здоровьѣ, старикъ отвѣчалъ: „Нездоровы бываютъ, братъ, только дураки да развратники, а ты меня знаешь, съ утра до вечера *занятъ*, *воздерженъ*, ну и *здоровъ*. „Слава Богу", сказалъ князь Андрей. „Богъ тутъ не причемъ", замѣтилъ старикъ. Онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи покощунствовать.

Принадлежа вполнѣ и нераздѣльно къ старой Екатерининской эпохѣ, князь Николай Андреевичъ отдавалъ ей всѣ свои симпатіи. Настоящее вызывало изъ его устъ одну ироническую улыбку или презрительныя насмѣшливыя слова. Да и въ самомъ дѣлѣ, могло-ли это настоящее имѣть въ глазахъ его какую нибудь цѣну, когда уже не существовали величественныя лица Румянцева или Суворова, поддерживавшихъ славу и могущество Россіи. Князь Николай Андреевичъ былъ человѣкъ стараго вѣка, и не скрывалъ этого. Напротивъ, онъ даже кичился тѣмъ, что слу-

жилъ при дворѣ Императрицы Екатерины, что былъ дѣятелемъ ея блестящаго царствованія. Въ разговорахъ съ сыномъ онъ распрашиваетъ послѣдняго о текущихъ дѣлахъ точно такимъ же насмѣшливымъ тономъ, съ какимъ мы стали бы распрашивать ребенка о его забавахъ. Во время разсказа князя Андрея о планахъ предстоящаго похода противъ Наполеона, старикъ не выказалъ никакого вниманія и часто перебивалъ сына, начиная вдругъ напѣвать старческимъ голосомъ: Malbrong s'en va-t-en guerre. Dieu sait quand reviendra. Старику Болконскому казалось страшнымъ и смѣшнымъ, что цѣлые союзы государствъ не могутъ усмирить Бонапарта. Когда сынъ замѣтилъ ему, что вѣдь и Суворовъ попался въ ловушку, которую подставилъ ему Моро, князь Николай Андреевичъ съ горячностью сталъ доказывать, что этого никогда не было, и что Суворовъ навѣрное взялъ-бы въ плѣнъ Моро, если бы ему не помѣшалъ *хофсъ-кригсъ-вурстъ-шнапсъ-ратъ*. Старикъ очень любилъ повторять насмѣшливое выраженіе Суворова о придворномъ военномъ совѣтѣ, и поэтому не упустилъ это словцо и въ настоящемъ случаѣ. „Въ чемъ заключается вся слава Буонапарта? горячился все болѣе и болѣе князь. Въ томъ только, что онъ билъ Нѣмцевъ. Да, вѣдь, Нѣмцевъ-то всякій битъ умѣетъ". Впрочемъ, въ этомъ разговорѣ съ сыномъ онъ выказалъ такое знаніе современныхъ политическихъ событій, какого нельзя было ожидать отъ него. Да, онъ слѣдилъ за быстрыми успѣхами Бонапарта. этого gonjat d'entrepreur, какъ онъ называлъ его, слѣдилъ вообще за всѣмъ политическимъ міромъ, но видѣлъ только одни ошибки и неспособность. Ему смѣшнымъ казалось то, что Кутузовъ дѣлается главнокомандующимъ. Старческій умъ князя не могъ переварить того обстоятельства, что Россія можетъ обойтиться съ помощію и новыхъ людей.

Совершенно другою личностью представляется молодой князь Андрей. Въ немъ авторъ, какъ видно, желалъ изобразить одинъ изъ лучшихъ типовъ молодого поколѣнія. Это одинъ изъ героевъ своего времени, какими представляются въ нашей литературѣ Онѣгинъ, Печоринъ, Рудинъ

и т. д. и т. д. Графъ Л. Н. Толстой въ своемъ романѣ знакомитъ насъ съ княземъ Андреемъ въ ту пору его возраста, когда уже бурное опьяненіе жизнію начало проходить въ его головѣ, когда онъ глубже и практичнѣе сталъ понимать все окружающее. Онъ цѣлою головою выше людей, съ которыми имѣетъ дѣло, и поэтому понятно, отчего онъ находится большею частью въ мрачномъ настроеніи духа. Его не веселятъ вечера у баронессы Шереръ, потому что онъ давно уже извѣдалъ пустоту высшаго общества. Единственный человѣкъ, къ которому князь Андрей питаетъ дружбу, это Пьеръ. Онъ, несмотря на многія глупыя и нелѣпыя выходки послѣдняго, понялъ въ немъ человѣка съ доброю и свѣтлою натурою. И князь Андрей не ошибся, какъ мы увидимъ впослѣдствіи. Молодой князь разочарованъ въ жизни, потому что ему не приходится встрѣтить людей, его понимающихъ, людей, которые-бы могли его оцѣнить, потому что онъ стоитъ особнякомъ въ окружающемъ его обществѣ. Быть можетъ, это зародышъ будущихъ Онѣгиныхъ и Печоринныхъ. Но у послѣднихъ разочарованіе развилось до пошлости, до маніи, чего еще мы не находили въ князѣ. Онѣгинъ, разъ извѣдавъ пустоту жизни, безполезность свою въ ней участія, окончательно входитъ внутрь себя, замыкается и не дѣлаетъ попытокъ снова взойти въ общую жизнь, приложить свои силы къ какому нибудь полезному дѣлу. Князь Андрей, можно выразиться, кипитъ жаждою дѣятельности. Онъ съ радостію готовъ пожертвовать всѣмъ собою чему нибудь истинно хорошему и полезному. Въ немъ нѣтъ ни капли увлеченія. Онъ берется за все выдающееся, обсуждаетъ его самымъ трезвымъ образомъ и отступается если не видитъ въ немъ того, что желалъ бы. Онъ слишкомъ разборчивъ въ своей дѣятельности, и поэтому ему поневолѣ приходится слишкомъ часто разочаровываться. — Такіе люди рѣдки. Большая часть уживается съ дѣйствительностію, смиритъ себя, жертвуя своими лучшими качествами и погружается въ колею обыденной жизни. Но не такъ легко это бываетъ съ людьми, одаренными большею силою воли и болѣе мо-

гучимъ духомъ. Такіе люди не преклоняются: они однако идутъ между прочими низшими собратіями. Князь Андрей принадлежитъ къ такимъ людямъ. Онъ даже не входитъ внутрь себя, подобно Онѣгину, но старается идти въ-ряду съ другими, не жертвуя, между прочимъ, своими лучшими симпатіями и убѣжденіями. Онъ добръ и снисходителенъ, или, по крайней мѣрѣ, старается быть таковымъ въ обхожденіи съ другими людьми.—Онъ женатъ. Мы уже видѣли маленькую княгиню на вечерѣ у баронессы Шереръ, гдѣ она съ большимъ интересомъ входила въ пустые разговоры и великосвѣтскія сплетни. Понятно, что не такую-бы жену нужно было имѣть князю Андрею. Дѣйствительно въ душѣ онъ не чувствуетъ къ ней ни тѣни уваженія, онъ скучаетъ съ ней, его, можетъ быть, бѣсятъ ея упреки въ нелюбви, но онъ старается быть внимательнымъ къ ней, хотя часто и не выдерживаетъ. Онъ послѣдователенъ и постоянъ въ своихъ взглядахъ. Каждая новая неудача, каждый новый опытъ въ жизни дополняетъ только тѣ крѣпкія убѣжденія, ту неподкупную философію, которая уже давно сложилась въ его головѣ.

Въ началѣ романа мы видимъ его собирающимся на войну. Онъ рѣшается на это безъ всякаго увлеченія. — Онъ хочетъ испробовать только, не найдетъ ли онъ въ этомъ дѣлѣ хорошаго примѣненія своихъ способностей. Старый князь одобряетъ его желаніе и даетъ ему письмо къ Кутузову.

Послѣдній принялъ его съ удовольствіемъ и написалъ къ старому князю очень лестное письмо такого содержанія: „Вашъ сынъ надежду подаетъ быть офицеромъ изъ ряду выходящимъ по своимъ занятіямъ, твердости и исполнительности. Я считаю себя счастливымъ, имѣя подъ рукой такого подчиненнаго.“ Но походъ однако не пришелся по душѣ князя Андрея: онъ понялъ, что русскія войска играютъ здѣсь самую пассивную роль, и что Австрія умѣетъ хорошо соблюдать свою выгоду. Особенно утвердили его въ этомъ убѣжденіи поѣздка въ Брюнъ и свиданіе съ Билибинымъ. Послѣдній очень основательно замѣтилъ князю

Андрею, что Австрійскому двору нѣтъ никакого дѣла до побѣдъ русскихъ войскъ. „Привезите вы намъ хорошенькое извѣстіе о побѣдѣ Эрцгерцога Карла или Фердинанда—un archiduc vaut l'autre, какъ вамъ извѣстно,—хоть надъ ротой пожарной команды Бонапарта, это другое дѣло, мы прогремимъ въ пушки. А то это, какъ нарочно, можетъ только дразнить насъ. Эрцгерцогъ Карлъ ничего не дѣлаетъ, эрцгерцогъ Фердинандъ покрывается позоромъ. Вѣну вы бросаете, не защищаете больше, comme si vous nous disiez: съ нами Богъ, а Богъ съ вами съ вашей столицей. Одинъ генералъ, котораго мы всѣ любили, Шмитъ, вы его подводите подъ пулю и поздравляете насъ съ побѣдой!.. Согласитесь, что раздразнительнѣе того извѣстія, которое вы привозите нельзя придумать. C'est comme un fait exprés, comme un fait exprés“... Въ этихъ справедливыхъ словахъ Билибинъ выразилъ все направленіе Австрійской политики. Въ самомъ дѣлѣ, что-же веселаго Австріи въ той побѣдѣ, которую одержали русскія войска надъ отрядомъ Французской арміи, въ побѣдѣ, которая нисколько не улучшила положеніе Австріи. Послѣдняя вступала въ союзъ съ Россіею единственно съ цѣлію огарантировать себя отъ завоеваній Бонапарта. До союзницы—Россіи ей ровно не было никакого дѣла: напротивъ, она старалась воспользоваться для себя ея-же силами.

Холодный пріемъ Австрійскаго Императора еще болѣе убѣдили князя Андрея въ справедливости словъ Билибина. Императоръ не столько радовался побѣдѣ, сколько былъ огорченъ смертію генерала Шмита.

Во время отступленія Русской арміи, князь Андрей былъ въ аріергардѣ, которымъ начальствовалъ Багратіонъ. Батальныя сцены нарисованы графомъ Толстымъ такою мастерскою кистью, что трудно передать. Здѣсь передано общее настроеніе какъ офицеровъ, такъ и солдатъ съ такою изумительною вѣрностію, что самое дѣло какъ будто ведется передъ нашими глазами. Характеристика Багратіона великолѣпна. Этотъ генералъ, подобно Кутузову, не отдаетъ никакихъ приказаній, но показываетъ видъ, „что

все, что дѣлалось по необходимости, случайности и волѣ частныхъ начальниковъ, что все это дѣлалось хоть не по его приказанію, но согласно съ его намѣреніями. Благодаря такту, который выказывалъ князь Багратіонъ, князь Андрей замѣчалъ, что несмотря на ту случайность событій и независимость ихъ отъ воли начальника, присутствіе его сдѣлало чрезвычайно много. Начальники, съ разстроенными лицами подъѣзжавшіе къ князю Багратіону, становились спокойны, солдаты и офицеры весело привѣтствовали его и становились оживленнѣе въ его присутствіи и видимо щеголяли предъ нимъ своею храбростью". Переѣзжая отъ одного мѣста сраженія къ другому, Багратіонъ внимательно слѣдилъ за движеніями войска, за направленіемъ батарей, и казался вполнѣ довольнымъ: „хорошо", повторялъ онъ.

Но вотъ, наконецъ, приходитъ и знаменитое Аустерлицкое сраженіе. Союзная армія лично управлялась Императорами Русскимъ и Австрійскимъ. Сраженіе осталось очень памятно князю Андрею: оно произвело на него самое сильное и тяжелое впечатлѣніе. Нужно замѣтить, что онъ присутствовалъ на военномъ совѣтѣ, происходившемъ наканунѣ битвы. Кутузовъ все время дремалъ и соснулъ порядкомъ въ то время, пока разсуждали прочіе генералы. Кутузовъ понималъ всю безцѣнность и нелѣпость военныхъ совѣтовъ наканунѣ сраженія, и поэтому не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Князю Андрею казалось, что старый главнокомандующій не желаетъ или не можетъ принять дѣятельное участіе въ войнѣ, и это равнодушіе мучило Болконскаго. Но впослѣдствіи понялъ, что Кутузовъ былъ вполнѣ правъ и что онъ знаетъ свое дѣло лучше, чѣмъ кто-либо другой. Во время сраженія князь Андрей былъ раненъ и попалъ въ плѣнъ Французамъ. Прежде, чѣмъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ его характера, мы вернемся на нѣсколько времени къ старому князю. — Мы замѣтили, что Жюли въ своемъ письмѣ говорила княжнѣ Марьѣ, что князь Василій желалъ бы женить на ней своего сына Анатоля. И дѣйствительно въ скоромъ времени

пріѣхалъ въ Лысыя Горы князь Василій съ женихомъ, и въ свиданіи въ разговорѣ съ послѣдними ярче всего опредѣлился характеръ стараго князя. Онъ зналъ цѣль пріѣзда гостей и мысль, рѣшится-ли онъ когда-либо разстаться съ дочерью, мучила его. Онъ старался оправдать въ своей головѣ свое нежеланіе выдать замужъ княжну Марью: „И къ чему ей выходить, думалъ онъ, навѣрно быть несчастной. Вотъ Лиза за Андреемъ (лучше мужа теперь, кажется, трудно найти), а развѣ она довольна своей судьбой? И кто её возьметъ изъ любви? Дурна, неловка. Возьмутъ за связи, за богатство. И развѣ не живутъ въ дѣвкахъ? Еще счастливѣе!“ Но онъ не хотѣлъ показать свои эгоистическія желанія и рѣшился въ умѣ своемъ отдать свою дочь только въ томъ случаѣ, если женихъ окажется достойнымъ ея. Выйдя къ гостямъ, онъ прежде всего обратилъ вниманіе не на нихъ, какъ слѣдовало-бы ожидать, но на княжну Марью. Она уже успѣла перемѣнить свое платье и прическу, и эта-то перемѣна костюма самымъ жалкимъ образомъ подѣйствовала на старика. Ему показалось, что дочь желаетъ поскорѣе выдти за мужъ, бросить его, и хотя онъ не показалъ сначала и вида неудовольствія, но однако не сумѣлъ удержаться до конца, и въ серединѣ разговора съ княземъ Василіемъ, крикнулъ на дочь: „Это ты для гостей такъ убралась, а? Хороша, очень хороша. Ты при гостяхъ причесана по новому, а я при гостяхъ тебѣ говорю, что впередъ не смѣй переодѣваться безъ моего спроса“. Маленькая княгиня хотѣла было смягчить тѣмъ князя, сказавъ, что во всемъ виновата она, но тотъ не обратилъ на ея слова почти никакого вниманія. „Вамъ полная воля-съ, сказалъ онъ, расшаркиваясь передъ невѣсткой, а ей уродовать себя нечего, — и такъ дурна“. И онъ опять сѣлъ на мѣсто, не обращая болѣе вниманія на до слезъ доведенную дочь.“ — Князь Николай Андреевичъ такъ любилъ свою княжну Марью и до такой степени не желалъ выдать её замужъ, что думалъ, что всякій догадывается въ этомъ, и поэтому сказалъ князю Василью, вызвавъ его въ кабинетъ: „*Что-жъ ты думаешь, что я ее держу, не мо-*

ну разстаться? Вообразятъ себѣ! Мнѣ хоть завтра! Только скажу тебѣ, что я своего зятя хочу знать лучше. Ты знаешь мои правила: все открыто! Я завтра при тебѣ спрошу, хочетъ она, тогда пусть онъ поживетъ. Пускай поживетъ, я посмотрю, князь фыркнулъ, пускай выходитъ — мнѣ все равно, закричалъ онъ пронзительнымъ голосомъ". Когда на другой день княжна взошла къ нему, онъ спросилъ ее согласна-ли она выдти за Анатоля, и, замѣтивъ, что она готова дать удовлетворительный отвѣтъ, пришелъ въ бѣшенство: „И прекрасно, закричалъ онъ. Онъ тебя возьметъ съ приданымъ, да кстати захватитъ M-lle Bourienne. Та будетъ женой, а ты..." Онъ не договорилъ, замѣтилъ впечатлѣніе, произведенное на дочь его словами, и добавилъ ей, что она черезъ часъ должна сказать рѣшительное *да* или *нѣтъ*. Но, однако, опасеніямъ страстно—любящаго отца не суждено было исполниться. Вышедши изъ кабинета стараго князя, княжна Марья увидѣла, что Анатоль обнимаетъ M-lle Bourienne и недосказанные намеки отца теперь выяснились ей во всей силѣ. Черезъ часъ она явилась въ гостиную и объявила, что ее желаніе не раздѣлять свою жизнь съ жизнью отца. Понятно, какимъ образомъ этотъ отвѣтъ долженъ былъ подѣйствовать на стараго князя.

Правда, онъ уже старался показать видъ, что не доволенъ рѣшеніемъ, но дочери по всему было замѣтно противное: „Вздоръ, вздоръ, вздоръ! нахмурившись закричалъ онъ, взялъ дочь за руку, пригнулъ къ себѣ, и не поцѣловалъ, но только пригнувъ свой лобъ къ ея лбу, дотронулся до нея и такъ сжалъ руку, которую онъ держалъ, что она поморщилась и вскрикнула".

Теперь обратимся снова къ князю Андрею. Послѣдовавшія событія въ его частной жизни, рожденіе сына, смерть маленькой княгини и такъ далѣе произвели на него весьма сильное дѣйствіе. Умственно онъ созрѣвалъ, развивался и все болѣе и болѣе укладывался въ свою собственную рамку. Въ разговорѣ съ Пьеромъ (2-й т., 136 и пр. стр.) онъ высказывается вполнѣ и даетъ обильный матеріалъ для своей характеристики. Пьеръ разсказываетъ князю о своей

жизни и дуэли съ Долоховымъ и замѣчаетъ, что онъ очень радъ, что не убилъ Долохова. „Отчего-же? возражаетъ Болконскій, убить злую собаку даже очень хорошо“, и когда Пьеръ выражаетъ, что это было-бы несправедливо, какъ зло, князь Андрей говоритъ своему другу слѣдующія слова:

— А кто тебѣ сказалъ, что такое зло для другого человѣка?

— Зло? зло? сказалъ Пьеръ, мы всѣ знаемъ, что такое зло для себя.

— Да, мы знаемъ, но то зло, которое я знаю для себя, я не могу сдѣлать другому человѣку, все болѣе и болѣе оживляясь говорилъ князь Андрей, видимо стараясь высказать Пьеру свой новый взглядъ на вещи. Я знаю въ жизни только два дѣйствительныя несчастія: угрызеніе совѣсти и болѣзнь. И счастіе есть только отсутствіе этихъ золъ. *Жить для себя, избѣгая только этихъ двухъ золъ: вотъ вся моя мудрость теперь.* Онъ разочаровался въ людяхъ. Жить для другихъ сдѣлалось для него нелѣпымъ, потому что эти другіе никогда не останутся благодарны за доброе дѣло, никогда не оцѣнятъ его, и даже скорѣе помѣшаютъ. „Я жилъ для славы, говоритъ князь Андрей. Вѣдь, что слава? та же любовь къ другимъ, желаніе сдѣлать для нихъ что нибудь, желаніе ихъ похвалы. Такъ я жилъ для другихъ *и не почти, а совсѣмъ погубилъ свою жизнь.* И съ тѣхъ поръ сталъ покойнѣе, какъ живу для одного себя“.— Мы выпишемъ еще нѣсколько характеристическихъ мѣстъ, которыми такъ богатъ романъ графа Толстого, для того, чтобы яснѣе опредѣлить характеръ князя Андрея.—Разговаривая съ Пьеромъ касательно преобразованій, которыя послѣдній хотѣлъ ввести въ положеніи своихъ крестьянъ, князь Андрей высказалъ слѣдующее: „Ну давай спорить. Ты говоришь школы, поученія и т. д., то есть ты хочешь вывести его, говорилъ онъ, указывая на мужика, снявшаго шапку, проходившаго мимо ихъ, изъ его животнаго состоянія и дать ему нравственныхъ потребностей, а мнѣ кажется, что *единственное возможное счастіе—есть счастіе*

животное, ты его-то хочешь лишить его. Я завидую ему, а ты хочешь сдѣлать его мною, но не давъ ему моихъ средствъ. Другое ты говоришь: облегчить его работу. А по моему, трудъ физическій для него есть такая же необходимость, такое же условіе его существованія, какъ для меня и для тебя трудъ умственный. Ты не можешь не думать. Я ложусь спать въ 3-мъ часу, мнѣ приходятъ мысли, и я не могу заснуть, ворочаюсь, не сплю до утра оттого, что я думаю, и не могу не думать, какъ онъ не можетъ не пахать, не косить; иначе онъ пойдетъ въ кабакъ, или сдѣлается боленъ. Какъ я не перенесу его страшнаго физическаго труда, я умру черезъ недѣлю, такъ онъ не перенесетъ моей физической праздности, онъ растолстѣетъ и умретъ. Третье,—что, бишь, еще ты сказалъ? князь Андрей загнулъ третій палецъ. Ахъ, да, больницы, лекарства. У него ударъ, онъ умираетъ, а ты пустилъ ему кровь, вылечилъ. Онъ калѣкою будетъ ходить 10 лѣтъ, всѣмъ въ тягость. Гораздо покойнѣе ему умереть. Другіе родятся, и такъ ихъ много. Ежели бы ты жалѣлъ, что у тебя лишній работникъ пропалъ,—какъ я смотрю на него, а то ты изъ любви же къ нему его хочешь лечить. А ему этого не нужно. Да и потомъ, что за воображеніе, что медицина кого нибудь когда нибудь вылечила! Убивать такъ! сказалъ онъ, злобно нахмурившись и отвернувшись отъ Пьера". Въ другомъ мѣстѣ князь Андрей объясняетъ то же самое еще ярче. „Ну вотъ, говоритъ онъ Пьеру, ты хочешь освободить крестьянъ. Это очень хорошо; но не для тебя (ты, я думаю, никого не засѣкалъ и не посылалъ въ Сибирь), и еще меньше для крестьянъ. Ежели ихъ бьютъ, сѣкутъ, посылаютъ въ Сибирь, то, я думаю, имъ отъ этого нисколько не хуже. Въ Сибири онъ ведетъ ту же свою скотскую жизнь, а рубцы на тѣлѣ заживутъ, и онъ также счастливъ, какъ и былъ прежде. А нужно это для тѣхъ людей, которые гибнутъ нравственно, наживаютъ себѣ раскаяніе и грубѣютъ отъ того, что у нихъ есть возможность казнить право и неправо. Вотъ кого мнѣ жалко, и для кого бы я желалъ освободить крестьянъ. Ты, можетъ

быть, не видалъ, а я видѣлъ, какъ хорошіе люди, воспитанные въ этихъ преданіяхъ неограниченной власти, съ годами, когда они дѣлаются раздражительнѣе, дѣлаются жестоки, грубы, знаютъ это, не могутъ удержаться и все дѣлаются несчастнѣе и несчастнѣе. — Князь Андрей говорилъ это съ такимъ увлеченіемъ, что Пьеръ невольно подумалъ о томъ, что мысли эти были наведены Андрею его отцемъ. Онъ ничего не отвѣчалъ ему“. Эти фразы, какъ нельзя лучше характеризуютъ личность князя Андрея. На первый разъ онѣ могутъ показаться холодными, черствыми и эгоистичными. Но на самомъ дѣлѣ онѣ вышли изъ больной, надорванной души. „Я завидую мужику“, говоритъ Андрей Болконскій. Но чему же именно онъ завидуетъ? Тому, что мужикъ ведетъ болѣе *скотскую жизнь*, тому, что лишенія, страхъ, скудныя средства и постоянный трудъ мѣшаютъ ему жить духовно, *мыслить*. Руссо, въ своемъ трактатѣ „о вліяніи наукъ и искусствъ на улучшеніе нравовъ человѣчества, сказалъ, что главное качество человѣка, которымъ онъ отличается отъ животныхъ, и которое есть причина всѣхъ его бѣдствій, — это способность усовершенствоваться; князь Андрей въ этомъ случаѣ вполнѣ сходится съ Руссо. Какъ женевскій философъ, такъ и князь Андрей, видятъ возможное счастіе человѣка—въ грубомъ животномъ состояніи. Но оба они смотрятъ на этотъ фактъ различно. Руссо говоритъ, что все несчастіе заключается въ томъ, что одинъ классъ эксплуатируется другимъ. Менѣе умные и менѣе богатые подчиняются болѣе умнымъ и болѣе богатымъ. Счастливы послѣдніе и несчастны первые. У князя же Андрея дѣло выходитъ на оборотъ: счастливы тѣ, которые не размышляютъ, не живутъ на счетъ рефлекса, которые порабощены, а несчастливы тѣ, которые пользуются властью, которые обдумываютъ свои поступки, способны къ раскаянію и т. д. Этотъ взглядъ князь Андрей вывелъ опытомъ своей собственной жизни. Контрастъ между духовнымъ и внѣшнимъ міромъ, невозможность исполнить на дѣлѣ тѣ стремленія, которыя находятся въ глубинѣ души, наконецъ, невозможность вслѣдствіе этого ужиться, прими-

риться съ жизнію, вотъ что мучительно и раздражительно подѣйствовало на Болконскаго и привело его къ такимъ тяжелымъ взглядамъ. Онъ чувствовалъ, что онъ несчастнѣе мужика, потому что послѣдній не знаетъ тѣхъ нравственныхъ мученій, на которые способенъ онъ. Крестьянинъ способенъ удовлетвориться: для этого ему нужно только уничтоженіе физическихъ нуждъ. Князь же Андрей удовлетвориться не могъ, потому что его стремленія не могли осуществиться въ дѣйствительности. Вотъ почему онъ не могъ согласиться съ Пьеромъ въ пользѣ улучшенія крестьянскаго быта; по взглядамъ Болконскаго это было посягновеніе на счастіе, которымъ обладаетъ крестьянинъ, и ничего болѣе. Понятны послѣ этого и слѣдующія слова князя Андрея: „*Жить для себя*, избѣгая двухъ золъ, угрызенія совѣсти и болѣзни: вотъ вся моя мудрость".

Это болѣзненное настроеніе развивалось въ князѣ Андреѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Онъ былъ слишкомъ уменъ и слишкомъ идеалистъ, чтобы довольствоваться тѣмъ, что составляло предметъ заботы и стараній прочихъ людей тогдашняго общества. Поэтому разочарованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ идеализація все сильнѣе овладѣвала имъ. Не находя прелести во внѣшней жизни, которую онъ считалъ одною *ложью*, онъ углубился въ себя и лелѣялъ тѣ идеалы, которые бродили въ его душѣ. Жизнь ему прискучила; онъ казался отжившимъ, несмотря на то, что ему было не болѣе 30 лѣтъ. Одинъ разъ, впрочемъ, едва не ожилъ. Его было воскресила любовь къ Наташѣ; изъ за нея онъ даже рѣшился поссориться съ отцомъ, котораго онъ страстно любилъ, но и здѣсь все таки не сбылись его свѣтлыя мечты. Меланхолія овладѣла имъ снова и въ самой сильной степени.

Но мы подождемъ еще заканчивать наши слова о князѣ Андреѣ: говоря объ отцѣ и сынѣ, мы еще ничего не сказали о дочери, которая тоже заслуживаетъ нашего вниманія. Княжна составляетъ совершенную противоположность описаннымъ лицамъ. Постараемся взглянуть на нее посерьезнѣе и опредѣлить ея характеръ.

Княжна очень дурна собой. Единственнымъ украшеніемъ ея лица служатъ прекрасные глаза. Княжна знаетъ, что она не красива; объ этомъ почти каждую минуту твердитъ ей отецъ. Поэтому она не надѣется, чтобы кто нибудь полюбилъ ее, не надѣется достигнуть семейнаго счастія, хотя и желала бы его отъ всей души. Дѣтство свое она провела въ деревнѣ посреди няпюшекъ, прислушиваясь къ разсказамъ божіихъ людей, которыми она любила окружать себя. Это произвело большое вліяніе на развитіе ея характера. Она пристрастилась къ чтенію духовныхъ книгъ, и согрѣла свою душу истинами Евангелія. Она знала, что отецъ страстно любитъ ее, хотя и скрываетъ свои чувства подъ внѣшнею холодностью и платила ему за любовь тѣмъ же. Впрочемъ, кого она не любила? Любовь была главнымъ условіемъ ея существованія, и она готова была жертвовать всѣмъ для другихъ. Это сестра милосердія. Она не могла помнить обиды и оскорбленія. Несмотря на то, что она подъ часъ тяготилась характеромъ своего отца и желала самостоятельной счастливой жизни, она была на столько добра, что прощала всякому, кто мѣшалъ ей въ этомъ стремленіи. Вспомнимъ пріѣздъ князя Василія и Анатоля. Послѣдній очень понравился княжнѣ. Она не поняла, что онъ дурной человѣкъ въ высшей степени. „Какой онъ *добрый*, должно-быть, думала она. Быть *добрымъ* казалось ей есть лучшее качество человѣка. Она мечтала о томъ счастіи какое будетъ испытывать сдѣлавшись его женою, любя его; но вдругъ эти мечты ея разрушаются: она застаетъ Анатоля, обнимающимъ M-lle Bourienne—и ни капли злобы не западаетъ въ ея душу. Напротивъ, она уже думаетъ о томъ счастіи, которое она устроитъ M-lle Bourienne, уступивъ послѣдней своего жениха. „Онъ не богатъ, думаетъ она, я попрошу отца дать ей состояніе“.

Князь Андрей любитъ твою сестру, но, конечно, не можетъ сочувствовать ей. Ему кажутся смѣшными ея религіозное настроеніе, ея доброта и ея самопожертвованіе. Когда онъ разговорился съ Пьеромъ о милосердіи, о состраданіи и добродѣтели, то сказалъ Безухову: „Говори объ этомъ съ

моей сестрой. Она лучше знаетъ это". Княжна Марья также страстно любила князя Андрея. Она жалѣла его, не видя въ немъ такой религіозности, которою обладала сама. Когда умерла маленькая княгиня, она постановила своею обязанностью жить для Николушки, сына князя Андрея. Мы не можемъ не вспомнить ея сценъ съ умирающимъ отцомъ. На послѣдняго самымъ убійственнымъ образомъ подѣйствовала война 1812 года. Старый князь Николай Андреевичъ не вѣрилъ, чтобы молодое поколѣніе могло отстоять свою родину. Однимъ изъ послѣднихъ словъ его были: „Погибла Россія, погубили!" Передъ смертью онъ выразилъ всю свою нѣжную любовь къ дочери: „дружокъ мой!" шепталъ онъ ей. Княжнѣ Марьѣ пришло на умъ въ началѣ болѣзни стараго князя, что, можетъ быть, она сдѣлается счастливѣе послѣ смерти отца, будучи свободною, и теперь воспоминаніе объ этой мысли мучило ее. Раскаяніе грызло ее до самыхъ ужасныхъ предѣловъ. „Зачѣмъ мнѣ мое счастіе, когда уже нѣтъ болѣе *его*" (т. е. отца), думала она. Вообще княжна Марья поражаетъ насъ своею, даже болѣзненною чувствительностью.

Наступаетъ 1812 годъ, и открывается знаменитая отечественная война. Передъ началомъ военныхъ дѣйствій Императоръ Александръ посылаетъ Балашова съ письмомъ къ Наполеону для переговоровъ. А. С. Норовъ въ своей брошюркѣ, написанной по поводу романа графа Толстого замѣчаетъ, что разговоръ Балашова съ Наполеономъ смѣшонъ: послѣдній напоминаетъ собою Мольеровскаго „bourgeois gentilhomme". Но такого именно разговора мы и должны были ожидать. Наполеонъ, всегда сопутствуемый своей счастливой звѣздой, избалованный фортуной, былъ вполнѣ убѣжденъ, что онъ назначенъ Провидѣніемъ для великихъ цѣлей. Вслѣдствіе этого онъ сдѣлался увѣренъ въ своей безошибочности и правотѣ. Онъ думалъ, что все, что онъ ни дѣлаетъ, что все, что онъ ни говоритъ—вполнѣ совершенно. Этимъ можно объяснить многія чисто нелѣпыя его выходки. Для него существовало только собственное *я*. Поэтому сухость и презрительность выражалась во всемъ

его обхожденіи съ прочими людьми. Солдаты, по его мнѣнію, были только шахматныя фигуры: нельзя не вспомнить о весьма характерическомъ анекдотѣ, который разсказываютъ про него. Говорятъ, когда послѣ несчастнаго русскаго похода адъютантъ доносилъ ему о жалкомъ положеніи солдатъ, Наполеонъ перебилъ его слѣдующими словами: „Солдаты..... и, полноте!.. поговоримте лучше о лошадяхъ“.... По нашему мнѣнію, сцена между Наполеономъ и Балашовымъ вѣрна, характеристична и принадлежитъ къ лучшимъ мѣстамъ романа. Наполеонъ здѣсь говоритъ очень много дикаго, вполнѣ убѣжденный, что все это въ высшей степени прекрасно.

Князь Андрей участвовалъ въ войнѣ 1812 года. Онъ былъ подъ Смоленскомъ, отсюда написалъ отцу, чтобы тотъ скорѣе выѣзжалъ съ княжною Марьею и Николушкою, потому что непріятель скоро явится въ Лысыхъ Горахъ. Старый князь ни за что не соглашался выѣзжать, набралъ ополченцевъ и самъ хотѣлъ выступить противъ непріятеля. Однако опасности до того взволновали его, что съ нимъ сдѣлался ударъ, отъ котораго онъ и умеръ. „Погибла Россія, погубили!“ были одними изъ послѣднихъ его словъ. Извѣстіе о смерти отца глубоко подѣйствовало на князя Андрея. Онъ хорошо понималъ, что скорое движеніе непріятеля къ Лысымъ Горамъ, медленность въ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ, наконецъ, повсюду распространившійся страхъ къ Французамъ—свели отца въ могилу. Вслѣдствіе этого его ненависть къ непріятелю достигла до самыхъ ужасныхъ размѣровъ. Вотъ что онъ говорилъ Пьеру наканунѣ Бородинскаго сраженія. „Одно, что-бы я сдѣлалъ, если-бы имѣлъ власть,—я не бралъ-бы плѣнныхъ. Что такое плѣнные? Это рыцарство. Французы разорили мой домъ и идутъ разорить Москву, оскорбили и оскорбляютъ меня всякую секунду. Они враги мои, они преступники всѣ по моимъ понятіямъ. И также думаетъ Тимохинъ (одинъ офицеръ того полка, въ которомъ находился князь Андрей) и вся армія. Надо ихъ казнить. Ежели они враги мои, то не могутъ быть друзьями, какъ-бы тамъ они ни разговари-

вали въ Тильзитѣ"... „Не брать плѣнныхъ, продолжалъ князь Андрей. Это одно измѣнило-бы всю войну и сдѣлало-бы ее менѣе жестокой. А то мы играли въ войну,- вотъ что скверно, мы великодушничаемъ и т. п. Это великодушничанье и чувствительность — въ родѣ великодушія и чувствительности барыни, съ которою дѣлается дурнота, когда она видитъ убиваемаго теленка: она такъ добра, что не можетъ видѣть кровь, но она съ аппетитомъ кушаетъ этого теленка подъ соусомъ. Намъ толкуютъ о правахъ войны, о рыцарствѣ, о парламентерствѣ, щадить несчастныхъ и т. д. Все вздоръ, я видѣлъ въ 1805 году рыцарство, парламентерство: насъ надули, мы надули. *Грабятъ чужіе дома, пускаютъ фальшивыя ассигнаціи, да хуже всего убиваютъ моихъ дѣтей, моего отца, и говорятъ о правилахъ войны и великодушіи къ врагамъ.* Не брать плѣнныхъ, а убивать и на смерть! *Кто дошелъ до этого, такъ какъ я, тѣми же страданіями...*" Князь Андрей... внезапно остановился въ своей рѣчи отъ судороги, схватившей его за горло.—Дѣйствительно онъ уже все потерялъ въ жизни. Отецъ нѣжно имъ любимый умеръ, и причину его смерти князь Андрей видѣлъ въ войнѣ. Легко объяснить послѣ этого его ненависть къ Французамъ, которые отняли у него послѣднее, что связывало его съ жизнію. „Ахъ, душа моя, говорилъ онъ Пьеру, послѣднее время мнѣ стало тяжело жить.

Я вижу, что сталъ понимать слишкомъ много. А негодится человѣку вкушать отъ древа познанія добра и зла... Ну да не надолго! прибавилъ онъ".

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе памятнаго всѣмъ русскимъ Бородинскаго сраженія. Сцены, какъ предшествующія (пріѣздъ въ лагерь къ Императору Наполеону M-rs de Beausset и Fabrier, объѣздъ Наполеона кругомъ линіи, его разговоръ съ Раппомъ), такъ и самаго сраженія, написаны мастерскою кистью, указывающею на громадный талантъ автора. Вообще батальныя сцены составляютъ едва-ли не самыя художественныя картины романа. Личность старика Кутузова, этого умнаго, чисто—русскаго главнокомандую-

щаго, обрисована здѣсь во всей своей силѣ. Особенно ярко выражены также и ощущенія, испытываемыя Наполеономъ во время Бородинскаго боя. Вообще говоря, это описаніе принадлежитъ къ одному изъ самыхъ художественныхъ мѣстъ въ русской литературѣ.

Во время сраженія князь Андрей находился съ своимъ полкомъ въ резервахъ подъ страшными выстрѣлами непріятеля. Онъ старался побѣдить въ себѣ чувство страха за жизнь, разхаживая по полю и считая свои шаги. Въ двухъ шагахъ отъ него шлепнулась граната. „Неужели это смерть, думалъ князь Андрей, совершенно новымъ завистливымъ взглядомъ глядя на траву, на полынь и на струйку дыма, вьющагося отъ вертящагося чернаго мячика. Я не могу, я не хочу умирать, я люблю жизнь, люблю эту траву, землю, воздухъ... Въ одно и то-же время послышался взрывъ, свистъ осколковъ, какъ-бы разбитой рамы, душный запахъ пороха, и князь Андрей рванулся въ сторону и, поднявъ кверху руку, упалъ на грудь“.—Онъ былъ раненъ и смертельно. Его желанія смерти, которыя онъ высказывалъ наканунѣ, исполнились. Его, раненаго, перевезли въ Москву. Когда-же непріятель приблизился къ Москвѣ, жители, несмотря на увѣренія Растопчина, поняли опасность и рѣшились оставить городъ. Наташа Ростова упросила своихъ родителей дать нѣсколько обозовъ подъ раненыхъ и въ числѣ послѣднихъ былъ и князь Андрей. Наташа узнала про это, она вспомнила свою прежнюю любовь къ нему, вспомнила, какъ она виновата, и раскаяніе самымъ мучительнымъ огнемъ наполняло ея душу. Ночью на постояломъ дворѣ, когда всѣ родные заснули, она рѣшилась во что-бы-то ни стало увидѣться съ нимъ. Сцена свиданія великолѣпна. Характеръ князя Андрея во время его болѣзни развился до окончательности съ своей исходной коренной точки. Надобно замѣтить, что раненый онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ отнимали ногу у Анатоля Курагина, того самаго, который едва не соблазнилъ Наташу, и послѣдній рыдалъ въ то время, какъ дѣлали операцію. Князю Андрею сдѣлалось жалко своего

врага,—начался первый актъ примиренія. Вотъ его собственныя мысли, которыя объяснятъ дѣло лучше всѣхъ нашихъ словъ: „Да любовь, но не та любовь, которая любитъ за что нибудь, или почему нибудь, но та любовь, которую я испыталъ въ первый разъ, когда, умирая, я увидалъ своего врага и все-таки полюбилъ его. Я испыталъ то чувство любви, которая есть самая сущность души и для которой не нужно предмета. Я и теперь испытываю это блаженное чувство. Любить ближнихъ, любить враговъ своихъ. Все любить—любить Бога во всѣхъ проявленіяхъ. Любить человѣка дорогого можно человѣческой любовью; но только врага можно любить любовью божеской. И отъ этого-то я испыталъ такую радость, когда я почувствовалъ, что люблю того человѣка. Что съ нимъ? Живъ-ли онъ". За тѣмъ онъ началъ вспоминать о Наташѣ и во время этихъ мечтаній, Наташа *дѣйствительно* явилась около него и упала передъ нимъ на колѣна. Она ночью тихо пробралась въ комнату раненаго, чтобы только увидѣть князя Андрея. Послѣдній протянулъ ей руку. Наташа стала цѣловать ее. „Простите меня въ томъ, что я противъ васъ сдѣлала", говорила она. „Я люблю тебя теперь больше, чѣмъ прежде", отвѣчалъ Болконскій. Любовь наполняла теперь все существованіе князя Андрея. Онъ любилъ Наташу теперь болѣе, чѣмъ прежде потому, что эта любовь была свободнѣе, *божественнѣе*, потому что онъ имѣлъ причины не любить ее. Прежніе интересы и страсти стихли въ его душѣ. Онъ думалъ теперь только объ одномъ вѣчномъ, неизмѣняемомъ.

Теперь обратимся къ другому герою романа Пьеру Безухову. Онъ былъ незаконный сынъ одного знатнаго Екатерининскаго вельможи. Дѣтство свое и первую молодость Пьеръ провелъ съ гувернерами за границей, тамъ получилъ французское воспитаніе и пріѣхалъ въ Россію незадолго до смерти своего отца. Французское воспитаніе дало ему нѣкоторыя поверхностныя знанія, нѣкоторыя свѣдѣнія относительно вопросовъ минуты, но не могло развить его и дать полную опредѣленность его характеру. Пьеръ

по своему темпераменту былъ сангвинико-флегматикъ. Онъ не имѣлъ никакого знанія жизни и дѣйствительно велъ себя очень странно во всей первой половинѣ романа. Но столкнувшись съ жизнью, въ которой онъ игралъ въ началѣ самую пассивную роль,—Пьеръ понялъ свою несостоятельность и сталъ пытаться найти цѣль для своего существованія. Мы познакомились съ нимъ на вечерѣ у баронессы Шереръ. Мы видѣли, что онъ приводилъ въ отчаяніе хозяйку своими политическими возрѣніями, мы видѣли также, какъ слабъ онъ былъ и не твердъ въ этихъ возрѣніяхъ; онъ совершенно запутался, и его выручилъ уже князь Андрей. Чрезвычайно страннымъ можетъ показаться онъ также въ сценахъ при смерти отца, когда онъ совершенно нежданно-негадано получаетъ громадное наслѣдство. Все это время Пьеръ не выказываетъ никакихъ признаковъ личнаго существованія. Онъ позволяетъ каждому проводить себя за носъ, можетъ быть, понимаетъ, что другіе стараются воспользоваться его равнодушіемъ, но не выказываетъ никакихъ претензій. Читатели вѣроятно помнятъ его странную женитьбу на Эленъ, происшедшую единственно вслѣдствіе самыхъ наглыхъ интригъ князя Василья. Послѣдній, даже не спрашивая Пьера, благословилъ свою дочь и уже послѣ Безуховъ самымъ машинальнымъ образомъ сказалъ прекрасной Эленѣ—je vous aime,—въ чемъ онъ впослѣдствіи жестоко раскаялся.—Его жена оказалась бездушною прекрасною камеліей, и скоро завела цѣлый полкъ обожателей. Пьеръ сначала и на это смотрѣлъ сквозь пальцы: онъ зналъ положительно, что его жена глупа и развратна, но это его слишкомъ мало безпокоило. Только однажды, оскорбленный въ Англійскомъ клубѣ на обѣдѣ въ честь Багратіона любовникомъ своей жены Долоховымъ, онъ вызвалъ послѣдняго на дуэль. Но этотъ вызовъ былъ сдѣланъ только въ страшномъ порывѣ гнѣва и уже на другой день Пьеръ чувствовалъ всю пошлость и глупость предназначенной дуэли. „Развѣ обязанъ беречь мою честь совершенно посторонній мнѣ человѣкъ?“ думалъ онъ. Безуховъ никогда не бралъ въ руки пистолета и совершенно неожиданно ра-

нилъ Долохова. Эта сцена такъ поразила его, что онъ, забывшись, пошелъ по снѣгу, самъ не понимая куда. Много разъ послѣ онъ высказывалъ, что онъ считаетъ себя счастливымъ въ томъ, что ему не пришлось убить своего противника.—Элень, узнавъ о дуэли, начала укорять своего мужа. Она въ порывѣ досады даже высказала ему, что онъ не стоитъ мизинца Долохова. Пьеръ предложилъ ей развестись. Элень насмѣшливо отвѣчала, что она совершенно согласна и очень рада этому, если только мужъ дастъ ей извѣстныя и приличныя средства къ жизни. Пьеръ не выдержалъ, закричалъ на жену, едва не бросилъ въ нее мраморною доскою и выгналъ изъ своего кабинета. Дѣло кончилось тѣмъ, что онъ далъ ей довѣренность на управленіе болѣе половины его имѣній и уѣхалъ въ Петербургъ. Но тутъ мы должны остановиться и поговорить о Пьерѣ нѣсколько подробнѣе. На дорогѣ въ Петербургъ на одной станціи онъ встрѣтился съ масономъ Осипомъ Алексѣевичемъ Баздѣевымъ, и сцена между ними принадлежитъ къ лучшимъ мѣстамъ романа. Масонъ разговорился съ Пьеромъ, сказалъ ему, что онъ знаетъ несчастныя приключенія послѣдняго и предлагаетъ ему братскую руку отъ имени всего общества свободныхъ каменьщиковъ. Пьеръ замѣтилъ ему, что онъ, т. е. Пьеръ не вѣритъ въ Бога, что было очень естественно при томъ легкомъ, свѣтскомъ воспитаніи, которое онъ получилъ, и что, поэтому, онъ чувствуетъ себя не способнымъ принять предложеніе масона. Однако послѣдній успѣлъ доказать своими доводами Пьеру, что онъ заблуждается, и далъ ему записку къ графу Виллярскому, черезъ котораго Пьеръ долженъ былъ быть посвященъ въ братство.

Мы уже говорили, нѣсколько страницъ тому назадъ, что масонство играло большую роль въ обществѣ того времени, которое описываетъ графъ Толстой. Это мистическое ученіе развилось у насъ еще въ половинѣ царствованія Императрицы Екатерины и патріархомъ его можно назвать Новикова. Мы говорили также, разбирая характеръ стараго князя Николая Андреевича Болконскаго, что въ царствова-

ніе Екатерины процвѣтало также ученіе французскихъ энциклопедистовъ XVIII-го вѣка. Какимъ-же образомъ могли ужиться въ одну и ту же эпоху два, столь противоположныя, на первый взглядъ, ученія? Для разрѣшенія этого вопроса мы должны разсмотрѣть сущность масонства, тѣмъ болѣе, что оно не вполнѣ вѣрно изображено въ романѣ графа Толстого. Будучи свидѣтелями крайнихъ заблужденій общества, мистики пытались обновить нравственную природу человѣка. Они думали удалить грѣховность, изгнать дьявола и пріобщить человѣка къ высшему свѣту. Они мечтали возобновить храмъ Соломона, но храмъ не вещественный, а духовный, основанный въ сердцѣ на чистотѣ и добродѣтели. Вся школьная мудрость, всѣ свѣдѣнія философовъ и ученыхъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ знаніемъ, которое получаетъ человѣкъ съ помощью благодати. Но этой благодати, этого всеобъемлющаго успокоительнаго знанія можно достигнуть только путемъ негрѣховности и добрыхъ дѣлъ. „Высшая мудрость и истина есть какъ-бы чистѣйшая влага, которую мы хотимъ воспринять въ себя, говоритъ Пьеру Осипъ Алексѣевичъ. Могу—ли я въ нечистый сосудъ воспринять эту чистую влагу и судить о чистотѣ ея? Только внутреннимъ очищеніемъ самого себя я могу довести до извѣстной чистоты воспринимаемую влагу...“ Высшая мудрость основана не на одномъ разумѣ, но на тѣхъ свѣтскихъ наукахъ, физикѣ, исторіи, химіи и т. д., на которыхъ распадается знаніе умственное. Высшая мудрость одна. Высшая мудрость имѣетъ одну науку—науку всего, науку, объясняющую все мірозданіе и занимаемое въ немъ мѣсто человѣка. Для того, чтобы вмѣстить въ себя эту науку, необходимо очистить и обновить своего внутренняго человѣка, и потому прежде, чѣмъ знать, нужно вѣрить и совершенствоваться. И для воспитанія этихъ цѣлей въ душѣ нашей вложенъ свѣтъ Божій, называемый совѣстью.“— Жизнь Іисуса Христа должна служить примѣромъ для всѣхъ и каждаго, и поэтому книга Оомы Кемпійскаго пользовалась большимъ уваженіемъ между масонами.

Стремясь къ изгнанію изъ своей души темнаго царства,

мистикъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой чувствовалъ разъединеніе, двойственность своей природы. Рачительнымъ доказательствомъ тому можетъ служить личность Джона Боніана. Вся жизнь его была продолжительнымъ мученіемъ, ибо онъ ясно ощущалъ борьбу, которая происходила въ его душѣ. Эта борьба двухъ началъ принимала въ его фантазіи почти вещественную форму, и страшные припадки мистицизма часто доводили несчастнаго до галлюцинацій *). Масонское братство, стремясь къ развитію человѣческой натуры въ ея первобытной чистотѣ и невинности, мало обращало вниманія на религію и принимало въ свои члены людей всѣхъ вѣроисповѣданій. Оно требовало религіозной терпимости и ставило христіанство въ образецъ только потому, что въ немъ полнѣе отразились нравственныя начала. Несмотря на различіе между масонствомъ и философіею деистовъ XVIII вѣка, оба эти ученія сходятся въ одной цѣли—нравственности. Деистъ отрицалъ догматы, потому что видѣлъ въ нихъ причину всѣхъ несчастій, но проповѣдывалъ нравственность, какъ основу всякаго государственнаго устройства; точно такимъ-же образомъ и мистики, не обращая вниманія на догматическія стороны религіи, придавали большое значеніе морали. Сходство обѣихъ партій обусловливается тѣмъ, что, какъ деисты порою приближались къ мистицизму, такъ и мистики иногда усвоивали начала деизма. Наши масоны издаютъ статью въ духѣ и ученіи Беля, а французскій деистъ Дидеро (Diderot) разсматриваетъ міръ, какъ художественное созданіе, и выводитъ изъ совершенія его красотъ необходимость существованія Бога. „Одно крыло бабочки, говоритъ онъ, указываетъ на мудрость Верховнаго Существа болѣе, нежели всѣ математическія разсужденія. (Извѣстно, что деисты строили всѣ свои философскія разсужденія на математикѣ). Такимъ образомъ Дидеро приближаетъ свои деистическія воззрѣнія къ мистицизму. Послѣ этого окажется понятнымъ сходство обоихъ ученій, несмотря на ихъ видимое различіе, и слѣдовательно

*) *Маколей*: Джонъ Боніанъ. Статья эта помѣщена въ полномъ собр. соч. въ русскомъ переводѣ, т. XIV.

возможность ихъ общаго единовременнаго существованія. Въ свое время, главнымъ образомъ во время царствованія Императрицы Екатерины члены масонскаго братства принесли громадную пользу народному образованію. Мы уже говорили, что главнымъ послѣдователемъ этого направленія въ Россіи былъ Новиковъ. Онъ снялъ типографію Московскаго Университета на откупъ, и быстро началъ дѣло изданія книгъ. Новикову въ русской литературѣ принадлежитъ та честь, что онъ въ своей литературной дѣятельности указалъ на „бѣдность и рабство, которыя повсюду встрѣчаются въ образѣ крестьянъ“. По свидѣтельству Шварца, онъ напечаталъ въ Университетской типографіи въ три года болѣе книгъ, нежели сколько было напечатано въ прежніе 24 года существованія Университета *).

Вмѣстѣ съ Шварцемъ, профессоромъ Московскаго Университета, тоже масономъ, онъ основалъ дружеское общество съ самыми гуманными цѣлями. Дружеское общество, при своемъ открытіи заявило, что оно будетъ заботиться о печатаніи различнаго рода книгъ, особливо учебныхъ и о доставленіи ихъ въ училища. „Такъ какъ оныхъ подарено уже разными семинаріями и прочими училищами почти на 3,000 рублей; да и впредь уповательно, въ состояніи будетъ общество чинить подобную помощь духовнымъ училищамъ“. Филантропическая дѣятельность Дружескаго общества не пропадала даромъ. Многіе дѣлали значительныя пожертвованія, и когда въ одномъ изъ засѣданій общества Новиковъ произнесъ рѣчь о жалкой участи бѣдныхъ, по причинѣ голода, Походяшинъ отдалъ въ полное распоряженіе Общества все свое состояніе,—болѣе милліона рублей.

Таковы были плодотворные результаты массонскаго братства въ царствованіе Императрицы Екатерины. Извѣстна та печальная катастрофа, которая постигла Новикова и его товарищей. Но мы все-же должны помнить съ благодарностью о ихъ полезной дѣятельности. Къ этому-то обществу масоновъ причислился и Пьеръ Безуховъ. Ему от-

*) Очеркъ Аѳанасьева: Николай Ивановичъ Новиковъ, въ Библіогр. запискахъ 1858 года, № 6.

крыли цѣль братства, сказали добродѣтели, которыя долженъ долѣять въ себѣ каждый и которыя суть единственныя средства къ пріобрѣтенію таинства. Безуховъ горячо принялся за самообновленіе. Онъ облегчилъ положеніе своихъ крестьянъ, щедро сыпалъ благодѣянія, упражняясь въ *милосердіи*. Но отвлеченной мудрости, которую давало массонство, для Пьера было недостаточно. Главное, въ чемъ онъ нуждался, было знаніе жизни, а этого братство не было въ состояніи ему дать. Ему приходилось поступать не по влеченію собственныхъ желаній, а по правиламъ чрезвычайно туманнымъ и трудно прилагаемымъ. Онъ принужденъ былъ снова сойтись съ своей женою вслѣдствіе убѣжденій Осипа Алексѣевича. Въ своихъ братьяхъ по ордену онъ также находилъ мало сочувствія: его обвиняли въ склонности къ иллюминатству, въ гордости, которую онъ будто-бы выказывалъ, обращая главное вниманіе на исправленіе прочихъ людей. „Очисть себя", — говорилъ ему Осипъ Алексѣевичъ. Записки, которыя велъ Пьеръ, чрезвычайно смѣшны и поражаютъ насъ своими странностями.

Ростовы отправились въ Ярославль и взяли вмѣстѣ съ собою раненаго князя Андрея. Княжна Марья, узнавъ, что братъ ея находится у Ростовыхъ, рѣшилась отправиться туда-же. Она застала его на половину принадлежащимъ смерти. И дѣйствительно жизнь съ своими интересами не имѣла никакого значенія для князя Андрея. Наташа поняла, что то, *что съ нимъ случилось дня два тому назадъ*, было опасиѣе всѣхъ ранъ и болѣзней. Въ самомъ дѣлѣ послѣдніе два дня онъ совершенно отрѣшился отъ всего, относящагося до жизни, какая-то холодность и равнодушіе овладѣли имъ. „Въ словахъ, въ тонѣ его, говоритъ графъ Толстой, въ особенности во взглядѣ этомъ, — холодномъ, почти враждебномъ взглядѣ — чувствовалась страшная для живого человѣка отчужденность отъ всего мірского. Онъ видимо съ трудомъ понималъ все живое; но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалось, что онъ не понималъ живого потому, что онъ понималъ что-то другое, такое, чего не понимали и не могли понимать живые и что поглощало

его всего". Когда княжна Марья заплакала о томъ, что Николушка остается безъ отца, князю Андрею показалось страннымъ такое пустое, какъ ему казалось, горе. Ему пришло на умъ Евангельское изрѣченіе: „Птицы небесныя не сѣютъ, не жнутъ, но Отецъ вашъ питаетъ ихъ". Но онъ не рѣшился сказать этого: „они поймутъ это по своему, они не поймутъ! Этого они не могутъ понимать, что всѣ эти чувства, которыми они дорожатъ—всѣ наши, всѣ эти мысли,—которыя кажутся намъ такъ важны, что они *не нужны*. Мы не можемъ понимать другъ друга!" Онъ не рѣшился высказать этого даже княжнѣ Марьѣ, той самой, надъ религіозными чувствами которой онъ смѣялся, и равнодушіе къ жизни, которое казалось ему прежде столь страннымъ. Онъ видѣлъ, что для того, чтобы понимать то, что онъ понимаетъ, надобно не принадлежать къ живущимъ, надобно выбросить изъ души все, что выработано жизнію. А онъ выбросилъ это все *жизненное*. Душа его теперь была полна однихъ только вѣчныхъ интересовъ. И съ какимъ удивительнымъ талантомъ, съ какою поражающею глубиною изобразилъ намъ авторъ „Войны и Мира" эту закапчивающую точку человѣческаго бытія. Картина поражаетъ насъ своею психическою вѣрностью. Графъ Толстой почти осязательно представилъ предъ нашими глазами страшную борьбу жизни и смерти и побѣду послѣдней. По своей глубинѣ и художественности это мѣсто есть едвали не лучшее во всемъ романѣ. „Онъ испыталъ, говоритъ авторъ „Войны и Мира", сознаніе отчужденности отъ всего земного и радостной и страшной легкости бытія. Онъ, не торопясь и не тревожась, ожидалъ того, что предстояло ему. То грозное, вѣчное, невѣдомое и далекое, присутствіе котораго онъ не переставалъ ощущать впродолженіи всей своей жизни, теперь для него было близкое и, по той страшной легкости бытія, которую онъ испытывалъ,—почти понятное и ощущаемое". „Онъ думалъ только о жизни и смерти. И больше о смерти. Онъ чувствовалъ себя ближе къ ней. „Любовь, что такое любовь? думалъ онъ. Любовь мѣшаетъ смерти. Любовь есть жизнь. Все, все,

что я понимаю, я понимаю только потому, что я люблю. Все связано одною ею. Любовь есть Богъ, и умереть—значитъ мнѣ, частицѣ любви, вернуться къ общему и вѣчному источнику". Вотъ мысли, которые постоянно занимали умирающаго князя Андрея, но чего-то не доставало въ нихъ, говоритъ графъ Толстой, что-то было односторонне-личное, умственное, — не было очевидности. Но когда смерть уже окончательно завоевала себѣ побѣду, когда, во снѣ, князь Андрей понялъ это осязательнымъ образомъ, прежній недостатокъ очевидности уничтожился, и все представилось ему въ самомъ ясномъ видѣ. — Онъ видѣлъ во снѣ, что онъ умеръ и въ то же самое мгновеніе проснулся. „Да, это была смерть. Я умеръ—я проснулся. Да смерть-пробужденіе"....

Да, дѣйствительно для князя Андрея смерть была пробужденіемъ. Въ ней только онъ нашелъ разрѣшеніе вопросовъ, которые мучили его во время жизни, разрѣшеніе того контраста, который заключался между стремленіями его души и дѣйствительностью. Умирая, онъ достигъ того, чего желалъ вѣчно.

Наконецъ, начинается 1812 годъ, который произвелъ на Пьера самое громадное вліяніе и способствовалъ его нравственному возрожденію. Извѣстно, какіе толки произвелъ походъ Наполеона. Мы помнимъ также, что еще и прежде, въ самомъ началѣ романа, баронесса Шереръ называла Бонапарте антихристомъ. Теперь-же очень многіе и между прочимъ образованные люди видѣли въ Наполеонѣ то существо, къ которому относится апокалипсическое число 666. Пьеръ, конечно, расположенный къ мистицизму, какъ масонъ, былъ того же самого мнѣнія. Его занималъ вопросъ, кому выпадетъ доля укротить этого апокалипсическаго звѣря. Извѣстно, что первые буквы французскаго алфавита означаютъ единицы, а послѣдніе — десятки, и Пьеръ по этому методу опредѣлилъ, послѣ самыхъ трудныхъ попытокъ, что усмирителемъ Наполеона будетъ L' Russe Besouchoff. Это открытіе взволновало Пьера, и онъ рѣшился остаться въ Москвѣ, куда долженъ былъ прійти Наполеонъ, и исполнить

свое назначеніе.—Между тѣмъ въ тотъ домъ, гдѣ жилъ Пьер явился французскій капитанъ Рамбаль и рѣшился остано виться въ немъ. Здѣсь одинъ сумасшедшій выстрѣлилъ в Рамбаля, но не попалъ, а Пьеръ вырвалъ изъ рукъ его пи столетъ, и этого происшествія было достаточно, чтобы ме жду Рамбалемъ и Пьеромъ завязалась тѣсная дружба. Фран цузскій капитанъ, опьяненный принесеннымъ виномъ, вы сказалъ Безухову, что онъ ему такъ обязанъ, что готов пожертвовать за него жизнію.—Отъ него Пьеръ узналъ, чт Наполеонъ взойдетъ въ Москву завтра, т.-е. на другой день и Пьеръ рѣшился утромъ же встрѣтить его. Характер француза Рамбаля мастерски описанъ графомъ Толстымъ. Въ немъ мы видимъ все, что только привыкли разумѣт подъ типомъ француза: легкомысліе, увлеченіе и любезность Говоря о Наполеонѣ, Рамбаль не находилъ словъ, чтобы достойно восхвалить своего Императора. Онъ приписывал ему всѣ лучшія качества. „Я самъ, говорилъ онъ Пьеру, былъ врагъ Наполеона. Но онъ побѣдилъ меня.“—На дру гой день Безуховъ отправился встрѣчать Наполеона, съ цѣлью убить его.—Москва уже была наполнена Француза ми. Нѣкоторые дома горѣли. Безуховъ спасъ здѣсь одного ребенка, но за то самъ попался въ плѣнъ, защищая одну армянку отъ Французскаго солдата. Пьера привели къ Да ву, который сдѣлалъ ему допросъ. За тѣмъ повели съ про чими плѣнными къ разстрѣливанью. Безуховъ, ничего не понимая, дожидался своей участи, но однако былъ пощаженъ.

Пребываніе въ плѣну было для него однимъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ жизни. Здѣсь особенное вліяніе произвелъ на него солдатъ Каратаевъ. Послѣдній былъ изъ тѣхъ личностей, которыя умѣютъ съ терпѣніемъ переносить всѣ невзгоды въ жизни.—Пьеръ скоро привязался къ Ка ратаеву. Это знакомство заставило его усомниться въ ма сонствѣ. Въ Каратаевѣ онъ встрѣтилъ такую личность, которая не на основаніи какихъ либо масонскихъ разсужде ній, а единственно въ силу своей теплой вѣры представля лась отраднымъ явленіемъ. Больной, перенося самыя тяж-

кія лишенія, онъ никогда не показывалъ и виду недовольства. И это спокойствіе, эта надежда заставляли всякаго относиться къ нему съ уваженіемъ.

Въ послѣдствіи, когда отрядъ партизановъ освободилъ Русскихъ плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ былъ и Пьеръ, послѣдній въ разговорѣ съ княжною Марьею и Наташею вспоминалъ Каратаева и говорилъ о немъ съ увлеченіемъ. Вообще пребываніе въ плѣну было для Пьера моментомъ нравственнаго обновленья. Онъ здѣсь впервые познакомился съ жизнію и увѣрился въ существованіи Бога гораздо глубже, нежели въ обществѣ съ масонами. Онъ былъ теперь холостъ, ибо Элленъ умерла въ началѣ похода Наполеона. Онъ еще прежде любилъ Наташу, а теперь не было никакихъ препятствій къ браку, онъ предложилъ ей свою руку. Наташа согласилась. Она замѣтила, что странности Пьера, которыми онъ прежде отличался, прошли, и поэтому съ увѣренностью вышла за него. Ей нравилась добрая, любящая душа Пьера и еще прежде она открывала ему многое, что волновало ее. Личность Наташи есть одна изъ лучшихъ женскихъ типовъ романа, и поэтому мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ и о ней.

Наташа Ростова вмѣстѣ съ княжною Марьею является одною изъ главныхъ героинь романа. Эти двѣ женщины представляютъ совершенный контрастъ между собою. Насколько княжна отрѣшена отъ жизни, настолько Наташа чувственна. Она не въ состояніи отдаться всецѣло какому либо одному впечатлѣнію и поэтому не можетъ обладать постоянствомъ въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что графъ Л. Н. Толстой, изображая намъ цѣлую картину общественный жизни начала XIX вѣка, упустилъ одно важное начало, которое было характеристическою чертою общества этой эпохи,—именно романтизмъ. Мы уже говорили также, что это время было ознаменовано дѣятельностію Карамзина; и наши дамы и юноши упитывались „Бѣдной Лизой“ послѣдняго. Романсы, теперь уже отжившіе и опошленные, какъ, напр., „Стонетъ сизенькій голубчикъ“ Дмитріева, или „Среди долины ров-

ныя“ Мерзлякова, тогда распѣвались повсюду. Немного позже явилась пѣсня Пушкина, черезъ чуръ сантиментальна для насъ, но извлекавшая слезы у нашихъ отцовъ — это „Подъ вечеръ осенью ненастный...“ Это направленіе вовсе не было принадлежностью одной поэзіи, — оно отзывалось также и въ общественной жизни; между тѣмъ въ романѣ „Война и Миръ“ мы не замѣчаемъ и слѣдовъ этого направленія.—Главная героиня, Наташа, одарена слишкомъ чувственною натурою для того, чтобы ограничиться платоническою любовью, столь свойственною романтизму. — Впрочемъ, Наташа явилась такою вслѣдствіе цѣлаго ряда толчковъ, данныхъ ей въ воспитаніи. Уже маленькой дѣвочкой она привыкла разсуждать о любви и почти ребенкомъ была влюблена въ Бориса Друбецкого. Ея родители нисколько не возмущались этимъ, а напротивъ поощряли, сами того не замѣчая, ея недѣтскія наклонности. Въ самомъ началѣ романа она дастъ слово въ вѣрности и постоянствѣ своихъ чувствъ Борису, когда послѣдній отправляется въ военную службу, въ виду предстоящей Австрійской кампаніи противъ Французовъ. За тѣмъ, когда ея братъ возвращается домой, она объявляетъ ему, что Борисъ безслѣдно изчезъ въ ея душѣ, и она влюблена теперь въ танцмейстера. Понятно, что такое слишкомъ раннее развитіе ея фантазіи должно было подѣйствовать на нее самымъ дурнымъ образомъ, что впрочемъ скоро и оказалось впослѣдствіи. Она больше всего думала о своей красотѣ, ея главное желаніе было—понравиться. Ей слишкомъ рано пришлось выслушивать объясненія въ любви, и это очень льстило ея самолюбію. — Вспомнимъ ея отношенія къ князю Андрею, которыя, впрочемъ, исправили ее и способствовали ея возрожденію. — Князь Андрей влюбился въ нее и предложилъ ей свою руку. Наташа согласилась, но по разнымъ обстоятельствамъ свадьба была отсрочена на цѣлый годъ.—Наташа не сумѣла удержать свои чувства впродолженіи года: она влюбилась въ Анатоля и едва не убѣжала съ нимъ. Послѣ, когда судьба снова соединила ее съ княземъ Болконскимъ, уже раненымъ, — Наташа поняла всю пошлость своего поступка,

но уже было поздно. Князь Андрей умеръ.—Но эти отношенія къ Болконскому и смерть послѣдняго потрясли ее до глубины и дали ей нравственное очищеніе. Въ концѣ романа она выходитъ за Пьера и дѣлается хорошею женою.

По глубинѣ взгляда, по обширности задачи и по художественному исполненію произведеніе графа Толстого представляетъ замѣчательнѣйшее явленіе современной русской литературы. „Война и Миръ“ — не романъ: это цѣлая эпопея,—и, надо отдать справедливость, графу Л. Н. Толстому удалось дать лучшее и благороднѣйшее изображеніе русской жизни въ одну изъ замѣчательнѣйшихъ ея эпохъ.

Е. Лѣскинъ.

* * *

*) Графъ Толстой глубоко убѣжденъ, что не только въ Россіи, но и повсюду—въ Европѣ, Азіи, Америкѣ, люди, какъ неразумные звѣри, не знаютъ, зачѣмъ они живутъ и въ чемъ заключается человѣческое счастіе, къ которому каждый инстинктивно стремится. Ну, для чего вы живете, читатель? Прочитайте „Войну и Миръ“, вникните въ глубь философіи графа Толстого, и вы почувствуете себя въ положеніи человѣка, котораго изъ полусвѣтлой комнаты заперли въ чуланъ. Если вы знали прежде мало, то, по прочтеніи романа графа Толстого, вы ощутите въ головѣ такую смутность понятій, что у васъ опустятся руки и послѣдняя почва исчезнетъ изъ подъ вашихъ ногъ.

Въ поученіи человѣчества графъ Толстой рисуетъ двѣ параллели: исторію индивидуальнаго развитія постепенно прозрѣвающаго человѣка, нашедшаго, наконецъ, откровеніе и правду жизни, и моментъ коллективнаго движенія человѣчества, руководимаго перстомъ Провидѣнія. Первую параллель изображаетъ графъ Пьеръ Безухій, вторую—наполеоновскія войны и отечественная война 12-го года. Крупное событіе выбрано не безъ цѣли: если будетъ доказано, ду-

*) Статья Н. В. Шелгунова, подъ заглавіемъ: „Философія Застоя.“ „Дѣло.“ 1870 г., № 1.

маетъ авторъ, что люди—безсмысленные муравьи въ грандіозныхъ положеніяхъ, подобныхъ бранной эпохѣ Наполеона, то ужъ, конечно, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ они не заслуживаютъ сравненія даже съ тлей.

Въ романѣ многое множество разныхъ дѣйствующихъ лицъ: мужчинъ и женщинъ, сѣдовласыхъ екатерининскихъ старцевъ и ребятъ въ пеленкахъ, князей, графовъ, мужиковъ, генералиссимусовъ и тонкихъ дипломатовъ, генераловъ и солдатъ; на сценѣ являются даже три императора; но всѣ эти вводныя лица служатъ лишь дополнительнымъ доказательствомъ неопровержимой вѣрности идеи, олицетворяемой въ графѣ Безухомъ и наполеоновскомъ движеніи. Вотъ почему, не вдаваясь въ подробности, которыя безполезно растянули бы нашу статью, мы остановимъ читателя только на главной идеѣ романа.

Романъ графа Толстого начинается изображеніемъ пустоты великосвѣтскихъ нравовъ, съ которыми онъ знакомитъ читателя, вводя его въ салонъ Анны Павловны Шереръ. фрейлины и приближенной императрицы Маріи Ооодоровны. Въ этомъ же салонѣ авторъ показываетъ и своего героя. Пьеръ Безухій, толстый, неуклюжій господинъ, выше обыкновеннаго роста, широкій, съ огромными красными руками, не умѣющій ни войти въ салонъ и еще меньше изъ него выйти, т. е. передъ выходомъ сказать что-либо особенно пріятное. Кромѣ того, герой очень разсѣянъ. Такъ, вставъ, чтобы уйти, онъ вмѣсто своей шляпы захватилъ треугольную шляпу съ генеральскимъ плюмажемъ и держалъ ее, дергая султанъ, до тѣхъ поръ, пока генералъ не попросилъ возвратить ее. Но вся его разсѣянность и неумѣнье войти въ салонъ и говорить,—что онъ доказалъ особенно своимъ горячимъ заступничествомъ за Наполеона и нападеніемъ на Бурбоновъ,—выкупалась выраженіемъ добродушія, простоты и скромности.

Пьеръ, побочный сынъ графа Безухаго, съ десятилѣтняго возраста былъ посланъ съ гувернеромъ-аббатомъ за границу, гдѣ онъ пробылъ до двѣнадцатилѣтняго возраста. Когда онъ вернулся въ Москву, графъ отпустилъ аббата и сказалъ

молодому человѣку: „теперь поѣзжай въ Петербургъ, осмотрись и выбирай. Я на все согласенъ; вотъ тебѣ письмо къ князю Василью и вотъ тебѣ деньги". И вотъ Пьеръ пріѣхалъ въ Петербургъ и не знаетъ, куда ему помѣстить свое большое и толстое тѣло. Идти въ военные, но это значитъ воевать противъ Наполеона, т. е. помогать Англіи и Австріи противъ величайшаго человѣка въ мірѣ. Не порѣшивъ насчетъ выбора пути, Пьеръ пристроился къ компаніи пьяныхъ кутилъ, которыми заправлялъ князь Курагинъ. Что это была за жизнь, читатель можетъ видѣть изъ продѣлки Долохова, который, пьяный, державъ пари, что, сѣвъ на окно третьяго этажа и спустивъ ноги на улицу, выпьетъ залпомъ бутылку рома. Всѣ были въ восторгѣ, а Пьеръ воодушевился до того, что предложилъ повторить такую же штуку и уже полѣзъ на окно, но его стащили. Кутежъ и развратъ, ночныя посѣщенія какихъ-то темныхъ барынь, потѣхи съ медвѣдемъ, къ спинѣ котораго привязали даже разъ квартальнаго надзирателя,—вотъ подвиги героя, нравственнымъ просвѣтленіемъ котораго графъ Толстой хочетъ опредѣлить глубину той мудрости, которая должна руководить каждымъ человѣкомъ. Бродитъ въ большомъ тѣлѣ Пьера какая-то сила, но куда она претъ—человѣкъ не знаетъ; у него нѣтъ ничего точно опредѣленнаго, ясно выработаннаго. Отдавшись своей некультивированной необузданности, Пьеръ дѣлаетъ всякія дикости, и какъ онъ, ни съ того ни съ сего, просто отъ разброда силы, хотѣлъ повторить штуку Долохова, такъ онъ и женится на прекрасной Эленъ. Зачѣмъ ему понадобилось жениться? Великосвѣтская Анна Павловна задумала пристроить Эленъ, а благодушный Пьеръ попалъ какъ куръ во щи. Можетъ быть, Пьеръ и миновалъ бы сѣтей, но ужъ такъ случилось, что на одномъ вечерѣ Анны Павловны Пьеръ очутился такъ близко отъ Эленъ, что онъ „своими близорукими глазами невольно различалъ живую прелесть ея плечъ, шеи, губъ, и что ему стоило лишь немного нагнуться, чтобы прикоснуться до нея. *Онъ слышалъ тепло ея тѣла, запахъ духовъ и скрипъ ея корсета при движеніи.*

Онъ видѣлъ не ея мраморную красоту, составляющую одно цѣлое съ платьемъ; онъ видѣлъ и чувствовалъ всю прелесть ея тѣла, которое закрыто было только одеждою“. Такъ хорошо разсказываетъ графъ Толстой. Мы только удивляемся, отчего Пьеръ женился черезъ полтора мѣсяца, а не въ ту же секунду, когда почувствовалъ тепло и всю прелесть тѣла Элень.

Сдѣлавъ одну глупость, Пьеръ неизбѣжно долженъ былъ произвести рядъ еще новыхъ глупостей. Его плѣнило только красивое тѣло, а другихъ болѣе прочныхъ нравственныхъ связей съ Элень у него не было. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что красивое тѣло Элень, вышедшей за Пьера по разсчету, потянулось скоро къ другимъ, болѣе красивымъ мужчинамъ, чѣмъ ея мужъ, и Пьеръ началъ ревновать. Къ чему? зачѣмъ? что у него было общаго съ красивой Элень? Пьеръ ничего не знаетъ, ничего не понимаетъ. Его широкая, страстная натура, помѣщающаяся въ огромномъ тѣлѣ, умѣетъ только волноваться и кипятиться. Онъ злится на Долохова, какъ на любовника своей жены, и, придираясь къ пустяку, называетъ его негодяемъ. Слѣдуетъ дуэль, т. е. новая глупость, глупость тѣмъ болѣе капитальная и обнаруживающая всю некультивированную ширь натуры Пьера, что онъ въ жизнь свою не держалъ въ рукахъ пистолета, что онъ не только не знаетъ, какъ заряжаютъ пистолетъ, но даже какъ спускается курокъ. Но есть надъ человѣкомъ силы, которыя заставляютъ его идти тѣмъ, а не другимъ путемъ—размышляетъ и усиливается доказать гр. Толстой. Пьеръ на мѣстѣ дуэли вздумалъ даже оправдать Долохова въ томъ, за что раньше называлъ негодяемъ. „Можетъ быть, я бы то же самое сдѣлалъ на его мѣстѣ, думалъ Пьеръ. Даже навѣрное я бы сдѣлалъ то же самое: къ чему же эта дуэль, это убійство? Или я убью его, или онъ попадетъ мнѣ въ голову, въ локоть, въ колѣнку. Уйти отсюда, бѣжать, зарыться куда нибудь, приходило Пьеру въ голову“. И несмотря на такое справедливое размышленіе, Пьеръ, на замѣчаніе секунданта, желавшаго примирить враговъ—что обиды ни

съ одной стороны не было и что не нужно ли переговорить съ Долоховымъ, отвѣтилъ: нѣтъ, объ чемъ же говорить — все равно... И та же судьба, заставившая Пьера ни съ того ни съ сего жениться, ни съ того ни съ сего выйти на дуэль, устроила такъ, что Пьеръ, не умѣвшій даже спустить курка, подстрѣлилъ извѣстнаго бретера Долохова.

Послѣ дуэли Пьеръ, думавшій постоянно заднимъ умомъ, началъ размышлять, зачѣмъ онъ сказалъ Элень до женитьбы: „je vous aime". Я виноватъ и долженъ нести... что? позоръ имени, несчастіе жизни? э, все вздоръ и позоръ имени, и честь, все условно, все независимо отъ меня. Людовика XVI казнили за то, какъ они говорили, что онъ былъ безчестенъ и преступникъ, пришло Пьеру въ голову, и они были правы съ своей точки зрѣнія, такъ же какъ и правы тѣ, которые за него умирали мученическою смертью и причисляли его къ лику святыхъ. Потомъ Робеспьера казнили за то, что онъ былъ деспотъ. Кто правъ, кто виноватъ?—никто. А живъ и живи: завтра умрешь, какъ могъ умереть часъ тому назадъ. И стоитъ ли того мучиться, когда жить остается одну секунду въ сравненіи съ вѣчностію". Затѣмъ Пьеръ порѣшилъ, что ему нужно „разъѣхаться" съ женой. Онъ не могъ оставаться подъ одной съ ней кровлей. Онъ оставитъ ей письмо, въ которомъ объяснитъ, что намѣренъ навсегда разлучиться съ нею и ѣдетъ завтра же. Но вотъ входитъ жена и объясняетъ ему, что онъ дуракъ и оселъ, и что это знаетъ весь свѣтъ, что онъ, въ пьяномъ видѣ, не помня себя, вызвалъ на дуэль человѣка, котораго ревнуютъ безъ всякаго основанія.— Гм... гм... мычитъ на это Пьеръ. „И почему вы могли повѣрить, что онъ мой любовникъ, почему? потому что я люблю его общество? Если бы вы были умнѣе и пріятнѣе, я бы предпочла ваше". Пьеръ выходитъ изъ себя, схватываетъ со стола мраморную доску, замахивается на жену и кричитъ: „Я тобя убью!" Если читатель припомнитъ, что Пьеръ вдавливалъ гвозди въ стѣну, то онъ пойметъ, что мраморная доска, въ рукахъ такого Голіафа, представляла

нѣкоторую опасность. „Богъ знаетъ, что бы сдѣлалъ Пьеръ въ эту минуту, если бы Элень не выбѣжала изъ комнаты“, замѣчаетъ авторъ.

Повидимому, непонятно, почему графъ Толстой избралъ своимъ героемъ такую сырую, дикую натуру. Вѣдь, это необузданный монголъ. Зачѣмъ его называть графомъ, зачѣмъ ему давать въ воспитатели аббата, зачѣмъ его посылать на десять лѣтъ за-границу? Сырая сила, сердечный порывъ,—вотъ основа характера Пьера. Его бродящая сила, вмѣщаясь въ тѣлѣ Голіафа, съ умомъ страуса, конечно, не можетъ прійти ни къ какимъ европейскимъ результатамъ. Но именно это-то и нужно графу Толстому: иначе его философія, основанная на сырой, непосредственной силѣ, потеряетъ почву. Ему именно нуженъ фатализмъ Востока, а не разумъ Запада.

Послѣ своего объясненія съ женой, Пьеръ поѣхалъ въ Петербургъ, и на станціи, въ Торжкѣ, встрѣтился съ какимъ-то таинственнымъ господиномъ. Таинственный господинъ былъ приземистый, ширококостый, желтый, морщинистый старикъ съ сѣдыми нависшими бровями надъ блестящими, неопредѣленнаго сѣроватаго цвѣта, глазами. Таинственный незнакомецъ, говоря, подчеркивалъ каждое слово и точно пророкъ зналъ, что случилось съ Пьеромъ. „Вы несчастливы, государь мой, говорилъ таинственный старикъ Пьеру. Вы молоды, я старъ. Я бы желалъ по мѣрѣ моихъ силъ помочь вамъ. Но если по какимъ-либо причинамъ вамъ непріятенъ разговоръ со мной, то вы такъ и скажите, государь мой“. Пьеръ былъ пораженъ таинственностію и всею внѣшностью непостижимаго старика и, какъ вполнѣ сердечный человѣкъ, съ робостію подчинился непонятной ему силѣ. Тутъ только впервые Пьеръ почувствовалъ, что все, что онъ дѣлалъ, было не то, что ни умомъ ни сердцемъ онъ не былъ въ состояніи постигнуть жизни, и что мудрость и истина текли ключомъ мимо него, не орошая его души. Высшая мудрость основана не на разумѣ, не на тѣхъ свѣтскихъ наукахъ физики, исторіи и химіи, на которыя распадается знаніе

умственное. Высшая мудрость одна. Высшая мудрость имѣетъ одну науку,—науку всего, науку, объясняющую все міроздание и мѣсто, занимаемое въ немъ человѣкомъ... Для того, чтобы вмѣстить въ себѣ эту науку, необходимо очистить и обновить своего внутренняго человѣка, и потому, прежде чѣмъ знать, нужно вѣрить и совершенствоваться. И для достиженія этихъ цѣлей въ душѣ нашей вложенъ свѣтъ божій, называемый совѣстью. Погляди духовными глазами на своего внутренняго человѣка и спроси самого себя: доволенъ-ли ты собой? Чего ты достигъ, руководясь однимъ умомъ? Что ты такое? „Вы молоды, вы богаты, вы умны, образованы, государь мой. Что вы сдѣлали изъ всѣхъ этихъ благъ, данныхъ вамъ Богомъ?" говорилъ таинственный старикъ, и Пьеръ, пришибленный до слезъ, чувствовалъ, что онъ до сихъ поръ не дѣлалъ ничего, кромѣ глупостей. Мало того, онъ даже не вѣрилъ въ Бога. Бесѣда съ масономъ произвела на Пьера глубокое впечатлѣніе, и первое изъ внѣшнихъ вліяній заставило его хоть нѣсколько заглянуть въ самого себя. Пьеръ не былъ безысходный дуракъ, но онъ былъ широкая русская натура. Пьеръ не могъ думать хорошо, но онъ могъ чувствовать хорошо, если внѣшнія обстоятельства тому благопріятствовали. Графъ Толстой ставитъ его въ такія положенія, которыя должны олицетворить философію, убѣждающую въ умственномъ ничтожествѣ Запада и въ превосходствѣ непосредственнаго чувства русской широкой натуры, не нуждающейся въ умѣ, чтобы обрѣсти истину.

Графъ Толстой правъ, когда онъ приписываетъ большую важность личному усовершенствованію человѣка. Если исторія, о которой онъ говоритъ, есть совокупность личныхъ произволовъ, то, конечно, чѣмъ выше совершенство отдѣльныхъ людей, тѣмъ счастливѣе судьба человѣчества. Но графъ Толстой впадаетъ въ противорѣчіе, когда онъ преграждаетъ путь къ личному усовершенствованію мертвящимъ фатализмомъ. Усиливаясь доказать, что отдѣльный человѣкъ руководствуется личнымъ произволомъ, онъ въ то же время говоритъ, что коллективное человѣчество движется по из-

вѣстнымъ, независящимъ отъ него предначертаніямъ. Но если исторія создается личнымъ произволомъ отдѣльныхъ лицъ, то какъ же согласить его съ фатализмомъ? Міровой законъ не допускаетъ дуализма. Тотъ же законъ тяготѣнія, который управляетъ малѣйшими атомами, управляетъ и громадными міровыми тѣлами и совокупной ихъ жизнію. Если законъ этотъ впадаетъ въ дуализмъ, мірозданіе разрушится. Какъ же на разрушенномъ мірозданіи графъ Толстой хочетъ создать свою систему общественной гармоніи.

Таинственный старикъ былъ одинъ изъ извѣстныхъ масоновъ и мартинистовъ. Вліяніе его оказалось до того сильнымъ, что Пьеръ поступилъ въ масоны. Въ масонствѣ, какъ ему казалось, онъ нашелъ тотъ свѣтъ, который искалъ, нашелъ то внутреннее успокоеніе и довольство, котораго въ немъ до сихъ поръ не было. Пьеру казалось, что масонство есть единственное выраженіе лучшихъ, вѣчныхъ сторонъ человѣчества. Только масонское святое братство имѣетъ дѣйствительный смыслъ въ жизни, а все остальное—сонъ. Пьеръ горячо отдался новому вліянію. Онъ устраивалъ столовыя и надгробныя ложи; вербовалъ новыхъ членовъ, заботился о соединеніи различныхъ ложъ и о пріобрѣтеніи подлинныхъ актовъ. Онъ давалъ свои деньги на устройство храминъ и пополнялъ, насколько могъ, сборы милостыни, на которые большинство членовъ были скупы и неаккуратны. Онъ почти одинъ, на свои средства, поддерживалъ домъ бѣдныхъ, устроенный орденомъ въ Петербургѣ. По прошествіи года Пьеръ однако началъ чувствовать, что почва масонства, на которой онъ стоялъ, тѣмъ болѣе выходила изъ-подъ его ногъ, чѣмъ тверже онъ старался стать на ней. Когда онъ приступилъ къ масонству, онъ испытывалъ чувство человѣка, довѣрчиво становящаго ногу, на ровную поверхность болта. Поставивъ ногу, онъ провалился. Чтобы вполнѣ увѣриться въ твердости почвы, на которой онъ стоялъ, онъ поставилъ другую ногу и провалился еще глубже. Онъ разочаровался въ братьяхъ и въ дѣйствительности того самоусовершенствованія, къ которому будто бы стремилось масонство. Въ членахъ об-

щества онъ видѣлъ не братьевъ по труду и подвигамъ своего мистическаго ордена, а какого нибудь князя Б., графа Д.—людей слабыхъ и ничтожныхъ, изъ-подъ масонскихъ фартуковъ и знаковъ которыхъ онъ видѣлъ мундиры и кресты, которыхъ они добивались въ жизни. Онъ попалъ всю фальшь и ложь слова, не сходившагося съ дѣломъ, и затосковалъ. Пьеръ сталъ искать выхода въ молитвѣ и въ духовно назидательномъ чтеніи. Въ этотъ періодъ онъ писалъ въ своемъ дневникѣ: „ложусь спать съ счастливымъ и спокойнымъ духомъ. Господи Великій, помоги мнѣ ходить по стезямъ твоимъ: 1) побѣждать часть гнѣвну—тихостію, медленіемъ; 2) похоть—воздержаніемъ и отвращеніемъ; 3) удаляться отъ суеты, но не отлучать себя отъ; a) государственныхъ дѣлъ службы b) отъ заботъ семейныхъ, c) отъ дружескихъ сношеній и d) экономическихъ занятій". Нѣсколько дальше Пьеръ писалъ: „имѣлъ поучительный и длинный разговоръ съ братомъ В., который совѣтовалъ мнѣ держаться брата А. Многое, хотя и недостойному, мнѣ было открыто. Адонаи есть имя сотворившаго міръ. Элоимъ есть имя правящаго всѣмъ. Третье имя—имя непзрѣкаемое, имѣющее значеніе *Всего*. Мнѣ ясно различіе бѣднаго ученія наукъ общественныхъ съ нашимъ святымъ всеобнимающимъ ученіемъ. Науки человѣческія все подраздѣляютъ—чтобы понять, все убиваютъ—чтобы разсмотрѣть. Въ святой наукѣ Ордена все едино, все познается въ своей совокупности и жизни. Троица—три начала вещей—сѣра, меркурій и соль. Сѣра элейнаго и огненнаго свойства; она въ соединеніи съ солью огненностію своею возбуждаетъ въ ней алканіе, посредствомъ котораго притягиваетъ меркурій, охватываетъ его, удерживаетъ и совокупно производитъ отдѣльныя тѣла. Меркурій есть жидкая и летучая духовная сущность—Христова, Духъ Святый, Онъ". Пьеру казалось, что эта чепуха есть именно та истина, которую онъ искалъ, и что его мистическая химія трактуетъ гораздо умнѣе о соединеніи сѣры, меркурія и соли, чѣмъ химія Лавуазье и Берцеліуса.

Впрочемъ, у Пьера бывали иногда и свѣтлые моменты,

когда онъ снова обращался къ своей безпутной, разгульной жизни, но эти моменты не были продолжительны. Пьер жилъ въ какомъ-то чаду, особенно усиливавшемся отъ общаго патріотическаго воинственнаго настроенія, ибо Наполеонъ шелъ уже на Москву. Нервы Пьера были натянуты въ высшей степени. Онъ чувствовалъ приближеніе какой-то катастрофы, которая должна была измѣнить всю его жизнь и во всемъ онъ отыскивалъ признаки этого страшнаго приближающагося момента. Наши книжники вывели изъ апокалипсиса, что Наполеонъ есть Антихристъ, а имя его—звѣриное число 666. Кажется, зачѣмъ бы идти дальше, но полубезумный Пьеръ захотѣлъ во что бы то ни стало найти звѣриное число въ своемъ собственномъ имени. Онъ писалъ свое имя по-русски и по-французски, урѣзывалъ, пропускалъ буквы и, наконецъ, достигъ того, что искомое число 666 получилось. Открытіе это взволновало его. Какъ, какою связью онъ соединенъ съ тѣмъ великимъ событіемъ, какое было предсказано въ апокалипсисѣ—онъ не зналъ; но онъ ни на минуту не усумнился въ этой связи.

Катастрофа дѣйствительно наступила. Подъ вліяніемъ воинственнаго азарта, Пьеръ, переодѣтый, отправился смотрѣть бородинское сраженіе. Онъ побылъ въ компаніи солдатъ и понялъ, какъ бы вдругъ, что они-то, эти странные, невѣдомые до тѣхъ поръ ему люди и есть именно настоящіе люди. „Война есть наитруднѣйшее подчиненіе свободы человѣка законамъ Бога, говорилъ какой-то мистическій голосъ въ Пьерѣ. Простота есть покорность Богу, отъ Него не уйдешь. И *они* просты. Они не говорятъ, но дѣлаютъ. Сказанное слово—серебряное, а не сказанное—золотое. Ничѣмъ не можетъ владѣть человѣкъ, пока онъ боится смерти, а кто не боится ея, тому принадлежитъ все. Если бы не было страданія, человѣкъ не зналъ бы границъ себѣ, не зналъ бы себя самого. Самое трудное состоитъ въ томъ, чтобы умѣть соединять въ душѣ своей значеніе всего. Все соединить?—нѣтъ, не соединить. Нельзя соединить мыслей, а сопрягать всѣ эти мысли—вотъ что нужно! Да, сопрягать надо, сопрягать надо!"

Этотъ порывъ больного, возбужденнаго человѣка далеко еще не разрѣшалъ того неразрѣшимаго, чего искалъ Пьеръ. Возбужденный человѣкъ кидался повсюду и предоставленный самъ себѣ, своей умственной безпомощности и убогости, только путался въ ощущеніяхъ темнаго чувства, не находя ни въ чемъ успокоенія. У Пьера не было здоровой, активной жизни, у него не было никогда никакого дѣла, онъ рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать со своимъ громаднымъ тѣломъ и на что направить свою силу Голіафа. По натурѣ человѣкъ страстнаго чувства, ему надо было ворочать каменья, чтобы успокоить сильно бродившую въ немъ горячую кровь. Но милліоны противорѣчій, сталкивавшихся въ этой хаотической, не сложившейся, не установившейся натурѣ, заставляли искать точки опоры, которой онъ еще не нашелъ. Человѣкъ простого демократическаго склада, Пьеръ ошибкой родившійся отъ графа, чувствовалъ себя не на мѣстѣ въ аристократическихъ салонахъ, съ ихъ напорностію, условными приличіями, къ которымъ онъ не могъ себя пріучить. И вотъ, побывавъ въ солдатской компаніи, поѣвъ кавардачка, послушавъ простыя солдатскія рѣчи, Пьеръ почувствовалъ въ солдатахъ своихъ людей и въ безхитростности ихъ умственной жизни увидѣлъ свою сферу. Вотъ почему такой человѣкъ, какъ Каратаевъ, долженъ былъ обнаружить на Пьера громадное вліяніе.

Каратаевъ былъ родственной натурой съ Пьеромъ. Главная особенность Каратаева состояла въ непосредственности и быстротѣ. Онъ, видимо, никогда не думалъ о томъ, что онъ сказалъ и что онъ скажетъ, и оттого въ быстротѣ и вѣрности его интонаціи была особенная, неотразимая убѣдительность. Онъ все умѣлъ дѣлать не очень хорошо, но и не дурно. Онъ пекъ, варилъ, шилъ, строгалъ, тачалъ сапоги. Онъ пѣлъ пѣсни, не такъ, какъ поютъ пѣвчіе-пѣвчики, знающіе, что ихъ слушаютъ; но пѣлъ, какъ поютъ птицы, очевидно потому, что звуки эти ему было также необходимо издавать, какъ необходимо бываетъ потянуться или расходиться. И звуки эти всегда были тонкіе, нѣжные, почти женскіе, заунывные, и лицо его при этомъ бывало

очень серьезно. Попавъ въ плѣнъ и обросши бородою, он видимо, отбросилъ отъ себя все напущенное, чуждое, сол датское, и невольно возвратился къ прежнему крестьянскому народному складу. Когда онъ разсказывалъ, то преимуще ственно разсказывалъ изъ своихъ старыхъ и видимо доро гихъ ему воспоминаній „христіанскаго", т. е. крестьянскаг быта. Поговорки, которыя наполняли его рѣчь, не были т большею частію неприличныя и бойкія поговорки, которы говорятъ солдаты; но это были тѣ народныя изреченія, ко торыя кажутся столь незначительными, взятыя отдѣльно, и которыя вдругъ получаютъ значеніе глубокой мудрости, когда онѣ сказаны кстати. Часто онъ говорилъ совершенно противоположное тому, что говорилъ прежде, но и то и другое было справедливо. Для Пьера Каратаевъ является какимъ-то непостижимымъ, круглымъ и вѣчнымъ олицетво реніемъ духа простоты и правды. Каждое слово и каждое дѣйствіе его было проявленіемъ какой-то неизвѣстной ему самому дѣятельности, которая была его жизнь. Но жизнь его, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла, какъ отдѣльная жизнь. Она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ. Его слова и дѣйствія выливались изъ него такъ же равномѣрно, необходимо и не посредственно, какъ запахъ отдѣляется отъ цвѣтка. Онъ не могъ понять ни его цѣны и значенія отдѣльно взятаго дѣйствія или слова.

Этой идеализаціей непосредственнаго человѣческаго чув ства и цѣлостности натуры, графъ Толстой изобличаетъ вполнѣ несостоятельность всей своей философіи. Авторъ выдаетъ за конечный результатъ то, въ основѣ чего за ключается исключительно некультивированная, сырая сила человѣка, практически развившагося въ первобытномъ быту. Ставъ на эту точку зрѣнія, графъ Толстой очутился на противоположномъ полюсѣ всей европейской цивилизаціи и всей суммы знанія, которое выработало человѣчество вѣ ками. Знанія нѣтъ,—говоритъ графъ Толстой.—Развѣ об щепризнанныя свѣдѣнія и отдѣльно выхваченные результаты

могутъ составлять прочный фундаментъ, на которомъ бы можно было выстроить храмъ чеговѣческаго счастія? Не въ книгахъ, не въ кабинетахъ ученыхъ, не въ лабораторіи химика, не въ головѣ Философа живетъ правда жизни. Она живетъ въ лѣсу, въ степи, въ деревнѣ, въ сердцѣ Каратаева. Но отчего же свѣтъ истины поселился въ Каратаевѣ, выросшемъ какъ грибъ въ лѣсу или какъ репейникъ въ полѣ, и нѣтъ его въ коллективномъ умственномъ трудѣ всего человѣчества, изъ поколѣнія въ поколѣніе увеличивавшаго сумму знаній? Весь міръ—мракъ; одинъ Каратаевъ—свѣтъ. И этотъ свѣтъ понимаютъ лишь графъ Пьеръ Безухій да графъ Л. Н. Толстой. Судите сами. На одномъ изъ приваловъ плѣнный Пьеръ, удалившись отъ товарищей, сѣлъ у одиноко стоявшей повозки, отдался своимъ мыслямъ и спасительному вліянію Каратаева и вдругъ захохоталъ своимъ добродушнымъ, толстымъ смѣхомъ такъ громко, что съ разныхъ сторонъ съ удивленіемъ оглянулись люди на этотъ странный, очевидно одинокій смѣхъ. „Ха, ха, ха! смѣялся Пьеръ, и онъ проговорилъ вслухъ самъ съ собою: не пустилъ меня солдатъ. Поймали меня, заперли меня. Въ плѣну держатъ меня. Кого меня? Меня? Меня—мою безсмертную душу! Ха, ха, ха!.. ха, ха, ха! смѣялся онъ съ выступившими на глаза слезами... и все это мое,—сказалъ онъ, оглядывая окружающую природу. И все это они поймали и посадили въ балаганъ, загороженный досками!“

Каратаевъ и плѣнъ, въ которомъ Пьеръ выпесъ много, обновили его. Но не *умомъ*, а всѣмъ существомъ своимъ онъ понялъ, что человѣкъ сотворенъ для счастія, что счастіе въ немъ самомъ, въ удовлетвореніи естественныхъ человѣческихъ потребностей, и что все несчастіе происходитъ не отъ недостатка, а отъ излишка. Находясь въ плѣну, онъ узналъ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего страшнаго. Онъ узналъ, что такъ какъ нѣтъ на свѣтѣ положенія, въ которомъ бы человѣкъ былъ счастливъ и свободенъ, такъ и нѣтъ положенія, въ которомъ бы онъ былъ несчастливъ и несвободенъ. Онъ узналъ, что есть граница страданія и

свободы, и что эта граница близка; что тотъ человѣкъ, который страдалъ отъ того, что въ розовой постели его завернулся одинъ листокъ, точно такъ же страдалъ, какъ онъ теперь, засыпая на голой, сырой землѣ, остужая одну сторону и согрѣвая другую; что когда онъ бывало надѣвалъ свои бальные узкіе башмаки, онъ точно такъ же страдалъ, какъ и теперь, когда онъ шелъ, уже босой совсѣмъ, ногами, покрытыми болячками. Онъ узналъ, что когда онъ, какъ ему казалось, по собственной своей волѣ женился на своей женѣ, онъ былъ не болѣе свободенъ, чѣмъ теперь, когда его запирали на ночь въ конюшню.

Эта безропотная, умиротворяющая философія, на путь которой выступилъ графъ Толстой, есть философія безнадежнаго, безвыходнаго отчаянія и упадка силъ. Каратаевъ, конечно, не могъ придти къ иному міровоззрѣнію, и въ спасительной мѣрѣ, что добро и страданіе должны, наконецъ, получить вознагражденіе, если не здѣсь, то тамъ, долженъ былъ искать единственный исходъ безысходности своего положенія. Но когда къ тому же выходу приходятъ графъ Пьеръ и графъ Толстой—это уже не то. Мы согласны, что ребенокъ, родившійся на бархатѣ и атласѣ, можетъ быть чувствуетъ такое же страданіе отъ завороченнаго розоваго листа, какъ ребенокъ, родившійся на камняхъ, отъ остраго кремня, очутившагося у него подъ бокомъ. Но, вѣдь, это вопросъ человѣческой выносливости, а не человѣческаго счастія. Графъ же Толстой создаетъ теорію единичнаго человѣческаго счастія и хочетъ указать средства, какъ его достигнуть каждому. Графъ Пьеръ чувствовалъ себя счастливымъ въ мужицкомъ армякѣ, съ израненными ногами, и находилъ солдатскій кавердачокъ вкуснѣе всѣхъ яствъ своей барской кухни. Пьеръ былъ чудакъ и эксцентрикъ, и мы понимаемъ, что лично онъ могъ дойти до всякаго абсурда. Но вообразите, что его философія становится общей міровой философіей, что всякій родившійся на бархатѣ будетъ убѣжденъ, что розовый листочекъ, согнувшійся у него подъ бокомъ, то же самое, что острый кремень, протыкающій бокъ бѣдняку, котораго нищета за-

галяетъ спать на камняхъ? Развѣ это не философія застоя, убійственной несправедливости, притѣсненій и эксплотацій? Философія безпечности, перешедшая отъ Каратаева къ Пьеру, доказываетъ только то, что графъ Толстой очувствовалъ свое безсиліе предъ несокрушимостію подавляющихъ его обстоятельствъ и вздумалъ идеализировать именно то состояніе и отдѣльныхъ людей и цѣлаго общества, которое въ людяхъ мысли вызываетъ совсѣмъ иныя размышленія и приводитъ ихъ къ совершенно противоположнымъ выводамъ. Вся Россія пытается встать на новый путь. Освобожденіе крестьянъ, гласный судъ, земство подсказываютъ намъ, что наши попытки должны насъ довести далеко-далеко отъ монгольской традиціи, а графъ Толстой даетъ Россіи тотъ же совѣтъ, какой далъ Рудинъ Натальѣ Алексѣевнѣ! И вся эта аскетическая философія облечена у графа Толстого въ увлекательную форму! Онъ щедръ на слова любви, но истинной любви и гуманности въ нихъ нѣтъ. Графъ Толстой безпрестанно говоритъ о томъ хорошемъ внутреннемъ чувствѣ, смыслъ котораго передается не словами, а всѣмъ существомъ человѣка. И сила Каратаева была не въ словахъ, а въ чемъ-то иномъ, чего графъ Толстой опредѣлить не берется, но что исходило непосредственно и дѣйствовало непосредственно. Отстранивъ такимъ образомъ отъ себя интеллектуальный элементъ и отдавшись непосредственному чувству, въ которомъ графъ Толстой видитъ источникъ всей міровой мудрости, онъ вліяніемъ этого чувства впалъ въ противорѣчіе. Ставя выше всего любовь, онъ въ то же время, вмѣсто практики любви гуманности и блага, проповѣдуетъ застой и самое узкое своекорыстіе. Источникъ любви привелъ самосозерцающаго графа Толстого къ проповѣдыванію того, что есть зло, несчастіе и бѣдствіе—къ индифферентизму и индивидуализму.

Всѣ любимые герои графа Толстого отличаются одинаковою глубиною мысли, и потому нечего удивляться, что, исходя изъ непосредственнаго чувства, они приходятъ къ практической чепухѣ. Напримѣръ, Наташа, увидѣвъ Пьера, преображеннаго Каратаевымъ, говоритъ, что Пьеръ сдѣлался

какой-то чистый, гладкій, свѣжій; точно изъ бани, морально изъ бани. Но Наташа никогда не проявляла дѣйствительной умственной силы и, какъ всѣ герои и героини графа Толстого, отличалась порывомъ, преданностью и пустотой. Въ ней колобродила сила, бродилъ многокровный организмъ; она искала себѣ мужа, и потребность его въ ней была такъ велика, что когда пришлось отложить свадьбу съ княземъ Андреемъ на годъ, то она задумала бѣжать съ Анатолемъ, лишь бы найти себѣ мужа. Мать ея говоритъ, что въ Натальѣ было всегда сильно чувство матери; но какое это именно чувство?—чувство непосредственное, органическое, каратаевское, что становится совершенно яснымъ сквозь прозрачную идеализацію графа Толстого. Наташа стала примѣрною матерью; графъ Пьеръ примѣрнымъ семьяниномъ. Личное счастіе сжалось до послѣдняго предѣла эгоизма вдвоемъ, а интеллектуальный элементъ подавился жизнію стоячей воды, чуждой всего, что отличаетъ человѣка, какъ члена общества, отъ лошади и отъ собаки. Вышла глухая деревня. Уже будто это цѣль всѣхъ человѣческихъ стремленій?

Мы понимаемъ, почему Пьеру его семейная жизнь должна была казаться именно той обѣтованной землей, къ которой онъ какъ будто бы стремился. Еще бы! Въ огромномъ толстомъ организмѣ Пьера было слишкомъ много мускуловъ и крови, чтобы они не проявились въ порывѣ какой-то силы, ищущей чего-то. Онъ сначала пьетъ и куритъ, чуть не борется съ медвѣдями, ломаетъ мраморные столы, женится неизвѣстно для чего, неизвѣстно для чего выходитъ на дуэль, одѣвшись въ мужицкое платье, бѣжитъ на Бородинское поле, бѣжитъ назадъ въ Москву и остается въ ней тоже неизвѣстно для чего, когда всѣ уѣзжаютъ, и только въ плѣну у французовъ, когда Даву, этотъ страшный, безсердечный, Даву, пригрозившій ему смертію, только въ плѣну, когда голодъ, холодъ и физическія страданія посбавили толщины Пьеру, онъ почувствовалъ смиреніе; ибо въ немъ убавилось силы. Слонъ сильнѣе графа Пьера, да и тотъ бы усталъ въ такихъ передѣлкахъ. По-

ятно почему графъ Пьеръ почувствовалъ такое счастіе, огда подлѣ него очутилась молодая, красивая женщина, огда у него завелись дѣти, когда, наконецъ, явилось удо-летвореніе тѣхъ потребностей, которыя до сихъ поръ ыли отодвинуты на второй планъ. Послѣ усталости всегда ужепъ отдыхъ.

Если бы графъ Толстой далъ намъ въ такой простой ормѣ объясненіе физіологическихъ и психологическихъ роцессовъ, происходившихъ въ его героѣ, мы бы понимали, то онъ говоритъ. Но графъ Толстой поступаетъ иначе. Онъ идеализируетъ усталость измученнаго человѣческаго ргапизма. Онъ идеализируетъ отсутствіе мысли и указы-аетъ, какъ на спасительный исходъ, именно на то поло-женіе, которое, можетъ быть, больше всего мѣшаетъ соці-альному развитію человѣчества. Пьеръ начинаетъ женить-бой на Элепъ,—женитьбой не имѣвшей никакого смысла. Тотъ же Пьеръ кончаетъ женитьбой на Наташѣ, изобра-жаемой графомъ Толстымъ вѣнцомъ семейныхъ добродѣте-лей. Чему же вѣрить? Гдѣ счастіе и гдѣ несчастіе? Или правъ князь Андрей, который говорилъ, что женитьба мѣ-шаетъ всему и что нужно жениться, передѣлавъ всѣ обще-ственныя дѣла? Или же правъ непосредственный Каратаевъ, который говорилъ, что нужно жениться 18-ти лѣтъ? Графъ Толстой молчитъ, и мы рады за русскую читающую публи-ку, которая видитъ смущеніе автора, запутавшагося въ своихъ собственныхъ размышленіяхъ.

Впрочемъ, мы были бы несправедливы къ графу Толстому, если бы скрыли ту демократическую струйку, которую онъ ытается провести во всемъ своемъ романѣ. Жизнь среди ірода научила графа Толстого понимать, насколько его рактическія, дѣйствительныя нужды выше избалованныхъ ребованій князей Волконскихъ и разныхъ кривляющихся арынь, вродѣ г-жи Шереръ, погибающихъ отъ праздности избытка. Графъ Толстой рисуетъ сельскій міръ и крест-ьянскій бытъ, какъ одно изъ спасительныхъ вліяній, превра-щающихъ барина изъ великосвѣтскаго пустоцвѣта въ практи-ески-полезную общественную силу. Такимъ, напримѣръ, у

него выходитъ графъ Николай Ростовъ, который, отдавшись вполнѣ управленію своимъ имѣніемъ, явился безсознательно покровителемъ рабочей крестьянской силы и врагомъ всякаго дармоѣдства въ видѣ кулаковъ и дворовыхъ. Но и тутъ не обошлось безъ любимаго конька. Николай Ростовъ является безсознательнымъ орудіемъ народной воли его крестьянъ. Онъ никогда не обдумываетъ ничего, что онъ дѣлаетъ, и, несмотря на то, никогда не ошибается. Во всѣхъ распоряженіяхъ его, касавшихся мужиковъ, онъ никогда не испытывалъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Всякое распоряженіе—онъ это зналъ, будетъ одобрено всѣми противъ одного или нѣсколькихъ. Онъ одинаково не позволялъ себѣ утруждать или казнить человѣка, потому только, что ему этого такъ хотѣлось, какъ и облегчать и награждать человѣка, потому что въ этомъ состояло его личное желаніе. Онъ не умѣлъ бы сказать, въ чемъ состояло мѣрило того, что должно и чего не должно, но мѣрило это въ его душѣ было твердо и непоколебимо. Графъ Николай Ростовъ всею душой любилъ русскій народъ и его бытъ, и только поэтому понялъ и усвоилъ себѣ тотъ единственный путь и пріемъ хозяйства, которые приносили хорошіе результаты. Послѣ его смерти въ народѣ хранилась набожная память объ его управленіи: „Хозяинъ былъ... напередъ мужицкое, а потомъ свое. Ну и потачки не давалъ. Одно слово—хозяинъ!"—говорили крестьяне.

Конечно, все это натяжки и украшенія, въ которыхъ можно усмотрѣть славянофильскую тенденцію и тотъ „армякъ", который долженъ спасти Россію. Но въ этой идеѣ у графа Толстого одна хорошая сторона, если онъ только дѣйствительно хотѣлъ сказать то, что мы скажемъ за него. Графъ Толстой, повидимому, проводитъ идею народности въ графѣ Пьерѣ, котораго очистили и обновили не великосвѣтскіе салоны, не богатство, не связи съ знатными и великими, а Каратаевъ и общество солдатъ, въ которыхъ Пьеръ увидѣлъ впервые человѣческую простоту, увидѣлъ первыхъ людей дѣла.

Струйкѣ народности, проходящей черезъ романъ, мы не можемъ не сочувствовать; но зачѣмъ же впадать въ край-

ность и отъ народа восходить къ славянофиламъ, и ихъ три магическія слова выдавать за единственный якорь спасенія русскаго человѣчества?

Вообще, въ романѣ графа Толстого напутано столько вѣрнаго съ невѣрнымъ, рядомъ съ заблужденіями столько правильныхъ мыслей; зловредность прикрыта иногда такою кажущеюся искренностью и теплотой, что неопытный читатель подъ розовыми листьями разсмотритъ не скоро сумбуръ славянофильства и тяготѣніе къ Востоку, замаскированное стремленіемъ раскрыть истину.

Общее впечатлѣніе романа, во всякомъ случаѣ, затуманивающее, особенно когда графъ Толстой принимается за философію. Тутъ даже и не поймешь иногда хорошенько, что хочетъ сказать авторъ. Иногда онъ говоритъ, что человѣкъ лично свободенъ, а коллективно—нѣтъ; что роевая жизнь управляется не тѣми законами, какъ индивидуальная. Другой разъ у него выходитъ, что дѣятельность человѣка есть произведеніе личной свободы и отчасти законовъ необходимости. Въ заключеніе же онъ говоритъ, что, допуская нашу свободу, мы приходимъ къ безсмыслицѣ, а допуская зависимость, приходимъ къ законамъ; поэтому необходимо отказаться отъ не существующей свободы и признать не ощущаемую нами зависимость.

Противъ этого правильнаго вывода мы ничего сказать не можемъ и въ то же время признали бы въ графѣ Толстомъ вполнѣ послѣдовательнаго писателя, если бы его романъ служилъ прогрессивнымъ подтвержденіемъ въ художественныхъ образахъ такого вывода. Къ сожалѣнію, именно этого въ романѣ графа Толстого и не замѣчается. Его герой графъ Пьеръ, олицетворяющій философское ученіе, хотя и является какъ бы результатомъ длинной связи причинъ и послѣдствій, но въ концѣ концовъ утверждается на такой золотой серединѣ, въ которой нельзя усмотрѣть никакой прогрессивности. Конечно, всѣ правы. Правъ и самодуръ графъ Болконскій, и Элленъ, и Николай Ростовъ, когда онъ бьетъ мужиковъ, такъ что расшибаетъ камень на своемъ перстнѣ, правы и Борисъ, и Пьеръ, и Каратаевъ. Значитъ,

всѣ правы? Но какой же въ такомъ случаѣ выходъ изъ неправдъ и золъ, существованія которыхъ авторъ не отрицаетъ? Или согласно идеализаціи графа Толстого нужно всѣмъ жениться на дѣвушкахъ, какъ Наташа, поселиться въ деревнѣ и лишь плодить дѣтей?

Графъ Толстой выдаетъ непосредственное чувство за магическую нравственно-спасительную силу; его Каратаевъ претворилъ грѣховнаго Пьера въ праведника, та же сила помогла потомъ Пьеру и всѣмъ, кого хотѣлъ надѣлить ею авторъ, отличать сразу правду отъ лжи, благо отъ зла. Но, владѣя талисманомъ, графъ Толстой надѣлилъ имъ только своихъ любимыхъ героевъ, т. е. людей очень обыкновенныхъ; за собою же оставилъ болѣе широкое право—право философствовать. Очутившись такимъ образомъ въ противорѣчіи, авторъ заставляетъ читателя испытывать весьма тоскливое чувство, и въ неудовольствіи читателя находитъ справедливое возмездіе на свой философскій дуализмъ.

Но отчего же графъ Толстой своими выдающимися героями изображаетъ такихъ людей, какъ Пьеръ и Каратаевъ и частію Николай Ростовъ? Казалось бы умному и характерному Андрею Болконскому пристойнѣе быть героемъ. На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ вторая параллель его романа—историческая, которою авторъ хотѣлъ доказать, что именно простые люди и творятъ исторію. Только совокупность ихъ единоличныхъ произволовъ выдвигаетъ такихъ людей, какъ Наполеонъ, и только эта масса темныхъ людей, повидимому, деспотически управляемыхъ людьми власти, въ сущности заставляетъ эту власть дѣйствовать по своему. Ничтожество личности въ ходѣ міровыхъ событій графъ Толстой изображаетъ съ особенною настойчивостію, не боясь даже надоѣсть безпрестанными повтореніями.

„Если допустить, какъ то дѣлаютъ историки, что великіе люди ведутъ человѣчество къ достиженію извѣстныхъ цѣлей, состоящихъ или въ величіи Россіи или Франціи, или равновѣсіи Европы, или въ разнесеніи идей революціи, или въ общемъ прогрессѣ, или въ чемъ бы то ни было, то невозможно объяснить явленія исторіи безъ понятія о *случаѣ* и о *геніи*.

„Если цѣль европейскихъ войнъ начала нынѣшняго столѣтія состояла въ величіи Россіи, то эта цѣль могла быть достигнута безъ всѣхъ предшествовавшихъ войнъ и безъ нашествія. Если цѣль—величіе Франціи, то эта цѣль могла быть достигнута и безъ революціи и безъ имперіи. Если цѣль—распространеніе идей, то книгопечатаніе исполнило бы это гораздо лучше, чѣмъ солдаты. Если цѣль—прогрессъ цивилизаціи, то весьма легко предположить, что, кромѣ истребленія людей и ихъ богатствъ, есть другіе, болѣе цѣлесообразные пути для распространенія цивилизаціи.

„Почему же это случилось такъ, а не иначе?

„Потому что это такъ случилось. „*Случай* сдѣлалъ положеніе, *геній* воспользовался имъ", говоритъ исторія.

„Слова *случай* и *геній* не обозначаютъ ничего дѣйствительно существующаго и потому не могутъ быть опредѣлены. Слова эти только обозначаютъ извѣстную степень пониманія явленій. Я не знаю, почему происходитъ такое-то явленіе; думаю, что не могу знать, и потому не хочу знать, и говорю: *случай*. Я вижу силу, производящую несоразмѣрное съ общечеловѣческими свойствами дѣйствіе; не понимаю, почему это происходитъ, и говорю: *геній*.

„Для стада барановъ тотъ баранъ, который каждый вечеръ отгоняется овчаромъ въ особый денникъ къ корму и ставовится вдвое толще другихъ, долженъ казаться геніемъ. И то обстоятельство, что каждый вечеръ именно этотъ самый баранъ попадаетъ не въ общую овчарню, а въ особый денникъ къ овсу, и что этотъ, именно этотъ самый, облитый жаромъ, убивается на мясо, должно представляться поразительнымъ соединеніемъ геніальности съ цѣлымъ рядомъ необычайныхъ случайностей.

„Но баранамъ стоитъ только перестать думать, что все, что дѣлается съ ними, происходитъ только для достиженія ихъ бараньихъ цѣлей; стоитъ допустить, что происходящія съ ними событія могутъ имѣть и непонятныя для нихъ цѣли, и они тотчасъ же увидятъ единство, послѣдовательность въ томъ, что происходитъ съ откармливаемымъ бараномъ. Если они и не будутъ знать, для какой цѣли онъ откармливался,

то по крайней мѣрѣ они будутъ знать, что все случившееся съ барономъ случилось не нечаянно, и имъ уже не будетъ нужды въ понятіи ни о *случаѣ* ни о *геніи*.

„Только отрѣшившись отъ знанія близкой, понятной цѣли и признавъ, что конечная цѣль для насъ недоступна, мы увидимъ послѣдовательность и цѣлесообразность въ жизни историческихъ лицъ; намъ откроется причина того несоразмѣрнаго съ общечеловѣческими свойствами дѣйствія, которое они производятъ, и не нужны намъ будутъ слова *случай* и *геній*.

„Стоитъ только признать, что цѣль волненій европейскихъ народовъ намъ неизвѣстна, а извѣстны только факты, состоящіе въ убійствахъ, сначала во Франціи, потомъ въ Италіи, въ Африкѣ, въ Пруссіи, въ Австріи, въ Испаніи, въ Россіи, и что движеніе съ запада на востокъ и съ востока на западъ составляетъ сущность и цѣль событій, и намъ не только не нужно будетъ видѣть исключительность и *геніальность* въ характерахъ Наполеона и Александра, но нельзя будетъ представить себѣ эти лица иначе, какъ такими же людьми, какъ и всѣ остальные; и не только не нужно будетъ объяснять *случайностью* тѣхъ мелкихъ событій, которыя сдѣлали этихъ людей тѣмъ, чѣмъ они были, но будетъ ясно, что всѣ эти мелкія событія были необходимы.

„Отрѣшившись отъ знанія конечной цѣли, мы ясно поймемъ, что точно такъ-же, какъ ни одному растенію нельзя придумать другихъ, болѣе соотвѣтственныхъ ему, цвѣта и сѣмени, чѣмъ тѣ, которые оно производитъ, точно также невозможно придумать другихъ двухъ людей, со всѣмъ ихъ прошедшимъ, которое соотвѣтствовало бы до такой степени, до такихъ мельчайшихъ подробностей тому назначенію, которое имъ предлежало пополнить“.

Этой философіей коллективнаго фатализма графъ Толстой объясняетъ всѣ историческія событія.

Когда появилась первая часть романа, наши военные очень изобидѣлись тою непочтительностію, съ какою графъ Толстой относился къ подвигамъ русскихъ въ войну 1805 г. Непочтительность графа Толстого, возбудившая общее не-

годованіе ветерановъ, относилась тогда къ Багратіону. Графъ Толстой говоритъ, что Багратіонъ въ сущности ничѣмъ не распоряжался, ничего не обдумалъ, ничего не зналъ какъ дѣлать. Никакихъ приказаній отдаваемо не было, а князь Багратіонъ только старался дѣлать видъ, что, все что дѣлалось по необходимости, случайности и волѣ частныхъ начальниковъ,— все это дѣлалось, хотя не по его приказанію, но согласно съ его намѣреніями. „Благодаря такту, который выказывалъ князь Багратіонъ, говоритъ графъ Толстой, князь Андрей замѣчалъ, что, несмотря на ту случайность событій и независимость ихъ отъ воли начальника, присутствіе его сдѣлало чрезвычайно много. Начальники съ разстроенными лицами, подъѣзжавшіе къ князю Багратіону, становились спокойны. Солдаты и офицеры весело привѣтствовали его и становились оживленнѣе въ его присутствіи и, видимо, щеголяли передъ нимъ своею храбростію. Что бы ни дѣлалось въ этомъ дѣлѣ—били ли насъ, или мы били—князь Багратіонъ наклонялъ только голову въ знакъ того, что все это было точно такъ, какъ онъ желалъ и предполагалъ". О неспособности нашихъ офицеровъ графъ Толстой выражается тоже не съ особенной осторожностью. Такъ онъ разсказываетъ объ одномъ ротномъ командирѣ, круглолицемъ, статномъ, съ глупымъ, но счастливымъ выраженіемъ лица, который, идя со своею ротою на французовъ, несъ у ноги вынутую, тоненькую, узенькую шпагу, и оглядываясь то на начальство, то назадъ, не теряя шагу, гибко поворачивался всѣмъ своимъ станомъ. Казалось, всѣ силы души его были направлены на то, чтобы наилучшимъ образомъ пройти мимо начальства и, чувствуя, что онъ исполняетъ это дѣло хорошо, онъ былъ счастливъ. „Лѣвый... лѣвый... лѣвый..." казалось внутренно онъ приговаривалъ черезъ каждый шагъ и по этому такту, съ разнообразно строгими лицами, двигалась стѣна солдатскихъ фигуръ, отягченныхъ ранцами и ружьями, какъ будто каждый изъ этихъ сотенъ солдатъ мысленно черезъ каждый шагъ приговаривалъ: „лѣвый... лѣвый... лѣвый".

Всѣмъ этимъ, почти съ первыхъ страницъ романа, графъ Толстой намѣчаетъ ту идею, которую въ теченіе всего ро-

мана развиваетъ съ постоянно возростающею настойчивостію. Авторъ вовсе не думаетъ обижать русскихъ. Напротивъ, вездѣ, гдѣ только можно, онъ старается выказать русскихъ въ наивозможно выгодномъ свѣтѣ. Напримѣръ, говоря о бородинскомъ сраженіи, которое произошло совсѣмъ не такъ, какъ его описываютъ, графъ Толстой замѣчаетъ, что сраженіе это было принято русскими на открытой, почти не укрѣпленной мѣстности, съ вдвое слабѣйшими противъ французовъ силами, т. е. въ такихъ условіяхъ, въ которыхъ не только немыслимо было драться 10 часовъ и сдѣлать сраженіе нерѣшительнымъ, но немыслимо было удержать въ продолженіе трехъ часовъ армію отъ совершеннаго разгрома и бѣгства. Налегая на Багратіона, графъ Толстой повторяетъ ту же мысль при всякомъ другомъ случаѣ только для того, чтобы показать ничтожество единоличной воли въ коллективныхъ дѣйствіяхъ людей. Никому не достается въ подобныхъ случаяхъ отъ графа Толстого болѣе, чѣмъ Наполеону. Говоря о наполеоновскомъ отступленіи изъ Москвы, графъ Толстой замѣчаетъ, что историки напрасно лгутъ, приписывая Наполеону какіе-то тонкіе разсчеты, соображенія и мысли. Наполеонъ приказалъ отступать просто потому, что добродушный солдатъ Мутонъ высказалъ эту мысль и съ нимъ согласились всѣ французы. Этому обстоятельству помогло еще и то, что русскіе солдаты чуть не захватили въ плѣнъ Наполеона. „Подъ вліяніемъ страха, котораго Наполеонъ набрался отъ казаковъ, онъ сейчасъ же согласился съ Мутономъ, и отдалъ, какъ говорятъ историки, приказаніе объ отступленіи назадъ на Смоленскую дорогу. То, что Наполеонъ согласился съ Мутономъ, не доказываетъ того, говоритъ графъ Толстой, что онъ приказалъ это, но что силы, дѣйствовавшія на всю армію въ смыслѣ направленія ея по Можайской дорогѣ, одновременно дѣйствовали и на Наполеона". Простое орудіе дѣйствовавшихъ на него силъ, Наполеонъ воображалъ, что напротивъ, онъ есть сила, заставляющая человѣчество творить такую, а не иную, исторію. Онъ жилъ въ искусственномъ мірѣ призраковъ какого-то величія и не больше какъ исполнялъ жестокую, печальную, тяжелую, нечеловѣче-

скую роль, которая ему была предназначена. Никогда, до конца жизни своей, Наполеонъ не могъ понимать ни добра, ни красоты, ни истины, ни значенія своихъ поступковъ, которые были слишкомъ противоположны добру и правдѣ, слишкомъ далеки отъ всего человѣческаго; для того, чтобы онъ могъ понимать ихъ значеніе, онъ могъ отречься отъ своихъ поступковъ, восхваляемыхъ половиной свѣта, говоритъ графъ Толстой, и потому долженъ былъ отречься отъ правды и добра и всего человѣческаго. Объѣзжая поле сраженія, уложенное мертвыми и изувѣченными людьми, онъ, глядя на этихъ людей, считалъ, сколько приходится русскихъ на одного француза и, обманывая себя, находилъ причины радоваться, что на одного француза приходится нѣсколько русскихъ. Наполеонъ находилъ, что поле битвы *великолѣпно*, если на немъ было нѣсколько десятковъ тысячъ труповъ. Даже на островѣ св. Елены онъ думалъ, что совершалъ великія дѣла, и русскую войну называлъ самою популярною, войною здраваго смысла, войною спокойствія и безопасности всѣхъ, войною миролюбивою и консервативною. Человѣкъ этотъ, исполнявшій печальную, невольную роль бича народовъ, увѣрилъ себя, что цѣль его поступковъ было благо человѣчества, что онъ могъ руководить судьбами милліоновъ и путемъ власти дѣлать благодѣянія.

„Но есть сила выше этой силы одного лица, какъ бы ни была велика его власть. Она заключается во взаимодѣйствіи безчисленнаго количества единоличныхъ произволовъ, создающихъ безпрестанное, непрерывное движеніе человѣчества. Первыя 15 лѣтъ XIX столѣтія въ Европѣ представляютъ необыкновенное движеніе милліоновъ людей, говоритъ Толстой. Люди оставляютъ свои обычныя занятія, стремятся съ одной стороны Европы въ другую, грабятъ, убиваютъ одинъ другого, торжествуютъ и отчаиваются, и весь ходъ жизни на нѣсколько лѣтъ измѣняется и представляетъ усиленное движеніе, которое сначала идетъ возрастая, потомъ ослабѣвая. Историки, пытаясь уяснить смыслъ этой коллективной жизни, изслагаютъ дѣянія и рѣчи нѣсколькихъ десятковъ людей въ одномъ изъ зданій города Парижа,

называя эти дѣянія и рѣчи словомъ революція; потомъ дають подробную біографію Наполеона и нѣкоторыхъ сочувственныхъ и враждебныхъ ему лицъ, разсказываютъ о вліяніи однихъ изъ этихъ лицъ на другія, и говорятъ: вотъ отъ чего произошло это движеніе и вотъ законы его... Для изученія законовъ исторіи мы должны измѣнить совершенно предметъ наблюденія, оставивъ въ покоѣ царей, министровъ и генераловъ, а изучать однородные безконечно малые элементы, которые руководятъ массами. Никто не можетъ сказать, насколько дано человѣку достигнуть этимъ путемъ пониманія законовъ исторіи: но очевидно, что на этомъ только пути лежитъ возможность уловленія историческихъ законовъ, и что на этомъ пути не положено еще умомъ человѣческимъ одной милліонной доли тѣхъ усилій, которыя положены историками на описаніе дѣяній царей, полководцевъ и министровъ и на изложеніе своихъ соображеній по случаю этихъ дѣяній“...

События идутъ одно за другимъ, сами собой; идутъ потому, что имъ нельзя не идти. И отдѣльные люди являются только орудіями и средствами событій, воображая себя силой. Когда французы разстрѣливали въ Москвѣ поджигателей и когда Пьеръ, обвинявшійся тоже въ поджогахъ, былъ приведенъ на мѣсто казни, онъ во время разстрѣливанія на всѣхъ лицахъ русскихъ и на всѣхъ лицахъ французскихъ солдатъ, офицеровъ читалъ такой же испугъ, узналъ и борьбу, какія были въ его сердцѣ. „Да кто же это дѣлаетъ, наконецъ, спрашивалъ онъ себя мысленно, они всѣ страдаютъ такъ же, какъ и я. Кто же? кто же? Всѣ очевидно несомнѣнно знали, что они были преступники, которымъ надо было скрыть скорѣе слѣды своего преступленія“. Пьеръ усиливался найти виновника всѣхъ этихъ ужасовъ и видѣлъ, что виновника нѣтъ и что всѣмъ двигаетъ какая-то непостижимая для него сила. Но нигдѣ эта таинственная, непроизвольная сила не проявлялась въ такой всесокрушающей необходимости, какъ въ войнѣ 12-го года. Всѣ дѣлали что-то не то, дѣйствовали вяло и неохотно; шли неизвѣстно почему направо; также неизвѣстно почему шли

налѣво; а дѣло дѣлалось—и получился результатъ, къ которому стремились всѣ. Подъ Тарутинымъ привели графу Орлову перебѣжчика изъ французскаго лагеря, который говорилъ, что Мюратъ почуетъ въ верстѣ отъ русскихъ, и что если перебѣжчику дать сто человѣкъ конвоя, онъ живьемъ возьметъ Мюрата. Предложеніе было лестное. Графъ Орловъ-Денисовъ посовѣтовался съ товарищами: всѣ вызывались ѣхать; всѣ совѣтовали попытаться. Послѣ многихъ споровъ и соображеній генералъ-маіоръ Грековъ, съ двумя казачьими полками, рѣшился ѣхать съ перебѣжчикомъ. Когда Грековъ выступилъ съ своимъ отрядомъ, графъ Орловъ впалъ въ раздумье, сомнѣніе и нерѣшительность. „Ну можно ли изъ такой массы войскъ выхватить главнокомандующаго, размышлялъ Орловъ. право, перебѣжчикъ вретъ?"

— Можно воротить,—сказалъ одинъ изъ свиты, который почувствовалъ такъ же, какъ и графъ Орловъ-Денисовъ, недовѣріе къ предпріятію, когда посмотрѣлъ на французскій лагерь.

— А? Право?... какъ вы думаете, или оставить или нѣтъ?

— Прикажете воротить?

Воротить, воротить! — вдругъ рѣшительно сказалъ графъ Орловъ, глядя на часы, — поздно будетъ, совсѣмъ свѣтло.

Когда Грекова воротили, Орловъ снова впалъ въ сомнѣніе и рѣшилъ наступать. Одна сотня за другою, какъ изъ мѣшка высыпаясь, полетѣли весело казаки со своими дротиками на перевѣсъ. Французы, застигнутые врасплохъ, струсили и побѣжали куда попало. Если бы казаки преслѣдовали французовъ, не обращая вниманія на то, что было позади и вокругъ нихъ, они взяли бы и Мюрата и все, что тутъ было. Начальники и хотѣли именно этого. Но никакой силой нельзя было заставить казаковъ исполнить то, что хотѣлось начальникамъ. Никто не слушалъ команды, потому что казаки, добравшись до французскихъ лошадей, сѣделъ, одѣялъ и различныхъ предметовъ, принялись дѣлить добычу. А между тѣмъ по диспозиціи слѣдовало дѣйствовать совершенно иначе, но какъ всегда диспозиція

не была исполнена, никто не пришелъ туда, куда слѣдовало; какъ и всегда люди, вышедшіе весело, стали потомъ останавливаться; послышалось неудовольствіе, сознаніе путаницы; двинулись куда то назадъ. Прискакавшіе адъютанты и генералы кричали, сердились, ссорились, говорили, шли совсѣмъ не туда и, конечно, опоздали, наконецъ, всѣ махнули рукой и пошли только съ тѣмъ, чтобы идти куда нибудь. „Куда нибудь да придемъ!“ И дѣйствительно пришли, но не туда, а нѣкоторые и туда, но опоздали такъ, что пришли безъ всякой пользы, только для того, чтобы въ нихъ стрѣляли. Толль, который въ аустерлицкомъ сраженіи игралъ роль Вейрота, въ тарутинскомъ стремительно скакалъ изъ мѣста въ мѣсто и вездѣ находилъ все навыворотъ. Такъ онъ наскакалъ на корпусъ Баговута, когда уже было совсѣмъ свѣтло, а корпусъ этотъ давно уже долженъ былъ быть тамъ съ Орловымъ-Денисовымъ. Взволнованный, огорченный неудачей и полагая, что кто нибудь долженъ быть виноватъ въ этомъ, Толль подскакалъ къ корпусному командиру и строго сталъ упрекать его, говоря, что за это разстѣлять слѣдуетъ. Баговутъ, старый, боевой, спокойный генералъ, тоже измученный всѣми остановками, путаницей, противорѣчіями, къ удивленію всѣхъ, противно своему характеру, пришелъ въ бѣшенство и наговорилъ непріятныхъ вещей Толлю.—„Я уроковъ принимать ни отъ кого не хочу, а умирать со своими солдатами умѣю не хуже другого“, сказалъ онъ;—и съ одной дивизіей пошелъ впередъ. Выйдя на поле подъ французскіе выстрѣлы, взволнованный и храбрый Баговутъ, не соображая того, полезно или безполезно его вступленіе въ дѣло теперь и съ одной дивизіей, пошелъ прямо и повелъ свои войска подъ выстрѣлы. Одна изъ первыхъ пуль убила его. Слѣдующія пули убили много солдатъ. И дивизія его простояла нѣсколько времени безъ пользы подъ огнемъ. Кутузовъ въ этомъ дѣлѣ поступилъ въ томъ же родѣ; но какъ Кутузовъ въ идеалѣ графа Толстого изображается единственнымъ избранникомъ Россіи, единственнымъ человѣкомъ, угадывавшимъ какимъ-то непостижимымъ чутьемъ то, что нужно, то онъ и является при-

миряющимъ дуалистомъ, и дѣлая видъ, что уступаетъ волѣ людей, воображавшихъ, что они руководятъ событіями, въ сущности исполнялъ негласную народную волю. Кутузовъ приказалъ наступать на удалявшагося Мюрата, но чрезъ каждые сто шаговъ останавливался на три четверти часа. Все тарутинское сраженіе состояло только въ томъ, что сдѣлали казаки Орлова-Денисова; остальныя войска лишь напрасно потеряли нѣсколько сотъ людей!

Вслѣдствіе этого сраженія, говоритъ графъ Толстой, Кутузовъ получилъ алмазный знакъ, Беннигсенъ—алмазы и сто тысячъ; другіе по чинамъ получили тоже много пріятнаго. Послѣ тарутинскаго сраженія русскіе офицеры и генералы говорили, что кто-то поступалъ глупо, а они бы не такъ сдѣлали. Но всякое сраженіе, говоритъ графъ Толстой—тарутинское, бородинское, аустерлицкое—совершается не такъ, какъ предполагаютъ его распорядители. Это-то и есть существенное условіе успѣшнаго результата, предуказаннаго заранѣе книгою судебъ, гласитъ философія графа Толстого. Тарутинское сраженіе именно вслѣдствіе его несообразности было то самое, что было нужно въ тотъ періодъ кампаніи. Трудно и невозможно придумать какой-либо исходъ этого сраженія, говоритъ графъ толстой, болѣе цѣлесообразный, чѣмъ тотъ, который оно имѣло. При самомъ маломъ напряженіи, при величайшей путаницѣ и при самой ничтожной потерѣ были пріобрѣтены самые большіе результаты во всю кампанію. Былъ сдѣланъ переходъ отъ отступленія къ наступленію; была обличена слабость французовъ и былъ данъ тотъ толчокъ, котораго только и ожидало наполеоновское войско для начатія бѣгства. Послѣ этого дѣла, Наполеонъ, этотъ геніальнѣйшій изъ геніевъ и имѣвшій власть управлять арміей, ничего не сдѣлалъ для спасенія ея. Напротивъ, этотъ геніальнѣйшій изъ геніевъ сдѣлалъ какъ разъ все то, чтобы погубить свое войско. Сказать, что Наполеонъ погубилъ свою армію, потому что онъ этого хотѣлъ, было бы абсурдомъ; но дѣло въ томъ, что личная дѣятельность его, не имѣвшая больше силы, чѣмъ дѣятельность каждаго солдата, только совпадала съ тѣми

законами, по которымъ совершилось явленіе. Дѣятельность Наполеона въ Москвѣ была такъ же геніальна, какъ и вездѣ. Онъ отдастъ приказанія, строитъ планы за планами, не упускаетъ изъ вида ни блага своей арміи, ни дѣйствій непріятеля, ни блага народовъ Россіи, ни управленія дѣлами Парижа, ни дипломатическихъ соображеній о предстоящихъ условіяхъ мира, и въ концѣ концовъ выходитъ какъ разъ противное тому, къ чему онъ стремился лично. А оставленіе Москвы и московскіе пожары, развѣ это не подобное же событіе по своей сущности? „Стыдно бѣжать отъ опасности, только трусы бѣгутъ изъ Москвы“, говорили всѣмъ, кто хотѣлъ оставить Москву. Патріоты воинственнаго настроенія хотѣли возбудить чувство отпора. Растопчинъ поджигалъ и возбуждалъ общественное мнѣніе въ этомъ же направленіи, и несмотря на то, случилось какъ разъ обратное. Народъ бѣжитъ: анархія, безпорядокъ, грабежъ, поджоги, повсюду паническій страхъ. Воинственный, грозный, повидимому, несокрушимый непріятель долженъ подавить этотъ струсившій народъ; а между тѣмъ несокрушимый непріятель несетъ самъ въ себѣ погибель и собственную смерть, а видимая, малодушная слабость, безсиліе и паническій страхъ заключаютъ въ себѣ въ дѣйствительности побѣдоносную силу.

Если изъ романа графа Толстого повыбрать все то, чѣмъ онъ хочетъ убѣдить въ силѣ и безошибочности коллективнаго проявленія единоличныхъ и тупыхъ, по его мнѣнію, произволовъ, то предъ вами дѣйствительно возникаетъ какая-то несокрушимая стѣна величественной стихійной силы, предъ которой отдѣльныя попытки людей, воображающихъ себя руководителями человѣческихъ судебъ, являются жалкимъ ничтожествомъ. Какими смѣшными старается изобразить графъ Толстой всѣхъ генераловъ и особенно ученыхъ нѣмцевъ, составляющихъ диспозиціи какъ разъ для того, чтобы ихъ никто не выполнялъ. Какъ онъ смѣется и старается унизить Багратіона, Толля, Милорадовича, воображающаго себя Мюратомъ, и всѣхъ штабныхъ офицериковъ, спорящихъ, интригующихъ, подставляющихъ

другъ другу ножку, гоняющихся за чинами, орденами, отличіями, и хлопочущихъ только о томъ, чтобы удовлетворить своей личной мелочной суетности. Унижая личный произволъ людей, воображающихъ себя руководителями судебъ народовъ, графъ Толстой въ то же время старается выставить въ выгодномъ свѣтѣ тѣхъ, кто не высовываетъ себя на первый планъ. Геніальнѣйшимъ человѣкомъ этого сорта является у него Кутузовъ. И геніальность Кутузова выражается именно въ томъ, что онъ умѣетъ понять народную душу, народное стремленіе, народное желаніе, и дѣлаетъ имъ уступку. Кутузовъ бережетъ человѣческую кровь и щадитъ солдатскую жизнь. Кутузовъ плачетъ, когда дуализмъ велитъ ему посылать людей на очевидную смерть, между тѣмъ какъ можно достигнуть выгоднаго результата и безъ этой жертвы. Кутузовъ всегда другъ народа; онъ всегда слуга своего долга, а долгъ, по его мнѣнію, въ томъ, чтобы выполнить стремленіе и желаніе большинства единоличныхъ произволовъ. Кутузовъ великъ потому, что онъ отрѣшается отъ своего *я* и пользуется своею властью какъ точкой силы, концентрирующей всенародную волю. Наполеонъ—пигмей, потому что онъ дѣйствуетъ обратно. Геніальнѣйшій изъ геніевъ, Наполеонъ, сбившійся съ толку, подобно царю Соломону, хочетъ быть не выразителемъ народной воли, какъ онъ заявилъ это въ своей собственной конституціи, а, напротивъ, усиливается заставить народы дѣйствовать по его единоличному произволу. Отъ этого всѣ его мудрыя распоряженія, приказанія въ Москвѣ ведутъ къ абсурду въ результатѣ, къ гибели милліонной арміи и къ торжеству Россіи.

Здѣсь не единоличная воля создала равновѣсіе силъ, а коллективная борьба единоличныхъ стремленій тѣхъ ничтожествъ, которыми хотѣли управлять Наполеоны и Милорадовичи. Народъ шелъ на народъ, какъ идетъ стѣна на стѣну, и паника погубила однихъ, а внутренняя сила спасла другихъ. Гр. Толстой, повидимому, усиливается опредѣлить сущность и смыслъ этихъ словъ, возбуждающихъ смутное понятіе о какой-то смутной силѣ. Но задача выше единоличнаго его пониманія.

Онъ отрицательно относится къ дѣятельности Бокля, Шлоссера и другихъ историковъ, которые пытались проникнуть въ историческую суть жизни народовъ. Но отрицая другихъ, онъ самъ не даетъ ничего. Великъ Кутузовъ, если онъ умѣетъ подводить итогъ единоличнымъ произволамъ и дѣйствовать согласно этому итогу. Но загадка остается загадкой. Какъ, повидимому, ни ставитъ низко графъ Толстой науку Запада, но его славянофильское рѣшеніе не даетъ отвѣта на вопросъ. Та сырая, некультивированная сила, которую мы видимъ въ графѣ Пьерѣ, бурлитъ и стремится къ чему-то, и человѣкъ чувствуетъ себя несчастнымъ и бьется какъ рыба объ ледъ въ попыткахъ дать отвѣты на неразрѣшимые вопросы. Россія въ этомъ отношеніи счастливѣе и несчастнѣе всѣхъ странъ. Она счастливѣе потому, почему Райперъ нашелъ ее страною болѣе удобной для разрѣшенія волновавшихъ его вопросовъ; она счастливѣе потому, почему Гакстгаузенъ находилъ ее единственной страной, положительно отвѣчающей на стремленія къ мечтательному счастію европейскихъ утопистовъ. Но при этомъ она несетъ въ себѣ начало разъѣдающаго разъединенія и единоличнаго страданія. Западная наука, созданная Западомъ, создала у насъ несчастную и злополучную борьбу развитой единоличности съ задержавшейся коллективностью. Въ этой борьбѣ индивидуализма съ коллективностью заключается глубокій драматизмъ соціальнаго положенія общества, и мы вполнѣ понимаемъ, почему графъ Толстой пришелъ къ своей философіи. Мы понимаемъ поэтому, что къ графу Толстому нельзя относиться такъ, какъ мы относились къ Гончарову и Писемскому. Результатъ, къ которому приходитъ графъ Толстой, конечно, соціально вредный. Но въ томъ пути, которымъ онъ его достигаетъ, попадаются вѣрныя положенія, которыя не пропадутъ даромъ, если подвергнутся дальнѣйшей логической переработкѣ. Ни у Гончарова ни у Писемскаго мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго. Это своего рода Наполеоны, которые дѣйствуютъ не по общему итогу, а, напротивъ, хотятъ заставить дѣйствовать общій итогъ по-своему. Но

съ другой стороны, графъ Толстой, вреднѣе ихъ, ибо онъ сильнѣе дѣйствуетъ на слабый умъ. Гг. Гончаровы и Писемскіе слишкомъ прозрачны для того, чтобы не быть ясными для всякаго пониманія и для всякаго вѣрнаго чутья. Графъ Толстой, напротивъ, возбуждаетъ какую-то смутную ширь, вызываетъ смутное стремленіе къ чему-то неопредѣленному, но, повидимому, доброму, хорошему, гуманному; и въ то же время онъ убиваетъ всякую мысль, всякую энергію, всякій порывъ къ активности и къ сознательному стремленію улучшить свое единоличное положеніе и достигнуть своего единоличнаго счастія. Говоря сравненіями, гг. Гончаровъ и Писемскій подобны разбойнику въ извѣстной баснѣ, а гр. Толстой — клеветнику. Еще счастіе, что графъ Толстой не обладаетъ могучимъ талантомъ, что онъ живописецъ военныхъ пейзажей и солдатскихъ сценъ. Еслибы къ слабой опытной мудрости гр. Толстого придать силу таланта Шекспира или даже Байрона, то, конечно, на землѣ не нашлось бы такого сильнаго проклятія, которое бы слѣдовало на него обрушить. Г. Толстой изливаетъ потоки негодованія на Наполеона за его принципы, но развѣ принципы гр. Толстого, обратные по своему характеру и по своей тенденціи, не заслуживаютъ того же самаго? Графъ Толстой кидаетъ грязью въ европейскую науку и въ результаты европейской мысли, добытые вѣками, и въ то же время предлагаетъ выводы своего скуднаго единоличнаго опыта, самоувѣренно полагая, что ему суждено поставить человѣчество на путь умственной безошибочности. Мы не отрицаемъ въ гр. Толстомъ таланта для описанія солдатскихъ сценъ, но думаемъ, что міровая философія не его ума дѣло.

Тѣ возраженія, которыя графъ Толстой дѣлаетъ исторіи, вовсе не открытіе Америки. Кто же не знаетъ, что исторіи еще нѣтъ. Но графъ Толстой ставитъ на мѣсто опыта, наблюденія, знанія — непосредственное чувство, будто бы не ошибающееся въ своемъ конечномъ выводѣ, и для доказательства своей мысли дастъ такихъ героевъ, какъ графъ Пьеръ, Наташа, Каратаевъ, Николай Ростовъ. Вся-

кая способность, выражающаяся въ рѣзкой активности, для него не сила, а помѣха; всякое умственное убожество, выражающееся въ покорной пассивности судьбѣ —напротивъ, сила, безсознательно держащая въ своихъ рукахъ историческую нить. Это ученіе совершенно обратное тому, съ чѣмъ мы познакомились изъ трудовъ новѣйшихъ мыслителей. Кто же правъ — Огюстъ Контъ или графъ Толстой? Западъ или Востокъ? Кто ведетъ исторію міра —Европа или монголы?

Но если бы даже и согласились съ тѣмъ, что человѣчество —стадо барановъ, которому каждый болѣе жирный баранъ представляется геніемъ, то и тутъ бы не нашли въ примѣрахъ гр. Толстого подтвержденія этой мысли. Его примѣры меньше всего могутъ служить примѣрами, ибо они не соціальные, а односторонне-военные; его судьба —тоже односторонняя, ибо покровительствуетъ одной Россіи. Гр. Толстой коритъ Наполеона, что тотъ радовался, когда видѣлъ, что русскихъ убито больше, чѣмъ французовъ, баварцевъ, гессенцевъ; но развѣ самъ авторъ не благословляетъ справедливость судьбы, что въ русскихъ снѣгахъ погибъ милліонъ европейцевъ?

А между тѣмъ, если бы графъ Толстой смотрѣлъ не назадъ, а впередъ, не на востокъ, а на западъ; если бы онъ обладалъ дѣйствительной силой для беллетристической популяризаціи разрабатываемаго теперь мыслителями вопроса о борьбѣ лица съ обществомъ, цивилизаціи съ варварствомъ, индивидуализма съ коллективностію, то, конечно, у него не вышло бы, что историческое значеніе Карагаевыхъ выше значенія Контовъ, Стефенсоновъ, Морзовъ, и непосредственное чувство Востока сильнѣе европейской мысли. „Война и Миръ“ въ сущности —славянофильскій романъ, въ которомъ напутаны правда съ ложью, наука съ невѣжествомъ, благо со зломъ, прогрессъ съ отсталостію. Это какая-то смѣсь немногаго хорошаго со многимъ дурнымъ, возводящая графа Пьера въ руководящій идеалъ, долженствующій обновить и просвѣтить Россію. Только будетъ-ли лучше, если судьбами Россіи станутъ управлять такіе умные люди?

Н. В. Шелуновъ.

* * *

*) Авторъ и въ послѣднихъ томахъ своего труда остается вѣренъ себѣ: та же правда изображеній и тонкость психическаго анализа, когда дѣло идетъ о частной жизни; и та же самоувѣренная односторонность и, такъ сказать, незаконченность понятій, когда онъ пускается въ разсужденія по поводу описываемыхъ фактовъ, или выдающихся представителей массъ. Разница съ предшествующими томами его произведеній только въ томъ, что меньше картинъ и больше разсужденій; да еще въ томъ развѣ, что въ разсужденіи, особенно VI тома, напущено туману при помощи разныхъ хорошихъ словъ и замысловатыхъ фразъ, за которыми не трудно открыть тѣ же односторонніе мнѣнія, которыя извѣстны уже читателю изъ IV тома.

Манера аргументаціи автора въ разсужденіяхъ та же: онъ не доказываетъ своихъ положеній, а, если можно такъ выразиться, втираетъ ихъ, повторяя совершенно одно и то же на разные лады по нѣскольку разъ и ссылаясь или на человѣческій умъ, которому будто бы противно признать то, что не нравится автору, или же на факты, которые по его мнѣнію могли бы быть, да не были и быть не могли, или, наконецъ, на какое либо сравненіе съ пароходомъ, стадомъ и т. п., сдѣланное такъ, что обыкновенно оно не идетъ къ дѣлу.

V томъ начинается съ того, что человѣческому уму непонятна абсолютная непрерывность движенія и что законы этого послѣдняго становятся понятны только тогда, когда человѣкъ разсматриваетъ произвольно взятыя единицы движенія. Въ этой необходимости разлагать не только движеніе, но и все изслѣдуемое на составныя части и лежитъ источникъ большинства человѣческихъ заблужденій, по мнѣнію автора, которое вполнѣ примѣнимо и къ его разсужденіямъ.

Для поясненія своей мысли авторъ прибѣгаетъ къ уподобленію, нисколько этой мысли не поясняющему. Мы съ намѣреніемъ на немъ останавливаемся, такъ какъ уподобле-

*) М. Драгомировъ. „*Война и Миръ* съ военной точки зрѣнія." (О 5 и 6 томѣ). „Оружейный Сборникъ" 1870 г., № 1.

ніе составляетъ любимую форму автора для проведенія его взглядовъ: форму, удобную для разъясненія чего либо отвлеченнаго, но еще болѣе удобную для такъ называемаго отвода глазъ.

Въ разбираемомъ случаѣ авторъ взялъ для примѣра извѣстную пѣшку древнихъ: догонитъ ли Ахиллесъ черепаху? Сущность ея разъясняется весьма просто, безъ дифференціаловъ и интеграловъ, вовсе не тѣмъ, что движеніе разложено, а тѣмъ, что разложеніе сдѣлано не соотвѣтственнымъ цѣли образомъ, ибо при сравненіи двухъ движеній нужно брать пространства, проходимыя въ данную, *постоянно одну и ту же*, единицу времени; въ пѣшкѣ же взяты неодинакіе, но уменьшающіеся въ геометрической прогрессіи промежутки времени и пространства; при каковомъ условіи Ахиллесъ не только не можетъ догнать черепахи, имѣющей хоть какое нибудь движеніе, но не догонитъ, напр., и стѣны, не имѣющей никакого движенія. Дѣйствительно: поставимъ Ахиллеса отъ стѣны въ двухъ шагахъ и заставимъ его идти такъ: сначала сдѣлать шагъ, потомъ полъ шага, потомъ четверть, восьмую, шестнадцатую и такъ дѣлѣе шага; сколько бы онъ ни шелъ такимъ образомъ, конечно, до стѣны не дойдетъ.

Слѣдовательно, въ пѣшкѣ открывается отвѣтъ не на вопросъ; вопросъ заключается въ томъ, догонитъ ли *Ахиллесъ черепаху?* а отвѣтъ на него сдѣланъ такой: *время и пространство безконечно дѣлимы.* Но автору необходимо было обезпокоить дифференціалы и интегралы; пѣшки онъ не поясняетъ, но и тѣ и другіе дѣйствительно обезпокоилъ, для большей внушительности послѣдующихъ своихъ разсужденій объ исторіи.

Результатъ ихъ слѣдующій: „Только допустивъ безконечно малую единицу для наблюденія—дифференціалъ исторіи, т. е. однородныя влеченія людей, и достигнувъ искусства интегрировать (брать суммы этихъ безконечно малыхъ), мы можемъ надѣяться на постиженіе законовъ исторіи".

Т. е. для того, напр., чтобы уразумѣть хоть бы 12-й годъ, нужно предварительно изучить біографію и влеченія

по крайней мѣрѣ всѣхъ, принимавшихъ участіе въ ней, начиная, положимъ, хотя отъ Лаврушки въ одномъ лагерѣ и кончая Наполеономъ въ другомъ, и только тогда можно претендовать на правильность выводовъ объ этой кампаніи. Такъ ли? Если авторъ въ этомъ убѣжденъ, то ему первому не слѣдовало пускаться въ разсужденія о 12-мъ годѣ, такъ какъ онъ всѣхъ помянутыхъ влеченій и біографій, конечно, не изучилъ.

Авторъ, чтобы выпутаться изъ затрудненія, въ которое самъ себя поставилъ, отвергая всякое значеніе исторіи въ ея современномъ состояніи, ставитъ ей идеалъ, сдвали когда либо достижимый, — и на основаніи этого идеала неотразимо, по его мнѣнію, опрокидываетъ доводы, ею добытые.

Съ точки зрѣнія своего идеала онъ признаетъ выводы современной исторіи неполными — что совершенно вѣрно — и потому ложными — что уже вовсе не вѣрно, и составляетъ логическій скачокъ. Исторія есть именно та наука, въ которой неполныя умозаключенія (т. е. основанныя на соображеніи не всѣхъ данныхъ) менѣе всего могутъ утвердиться, ибо имъ всегда есть поправка — въ самомъ совершившемся фактѣ, возникшемъ изъ тѣхъ, которые историку послужили матеріаломъ для выводовъ. Что нужды, если историкъ не высказалъ намъ всѣхъ причинъ событія? Само это событіе доскажетъ то, что онъ упустилъ изъ виду. За нимъ явится другой, третій, сотый историкъ, и, исправляя мало по малу односторонности другъ друга, выработаютъ возможно вѣрный для современной имъ эпохи взглядъ на сказанный фактъ. И въ этомъ процессѣ критика не разрушаетъ въ прахъ прежде сдѣланныхъ выводовъ, какъ кажется автору; но разъясненіемъ обстоятельствъ, упущенныхъ изъ виду, только способствуетъ превращенію взглядовъ болѣе односторонныхъ въ менѣе односторонніе.

Этотъ путь одинаковъ въ приложеніи ко всѣмъ опытнымъ наукамъ, начиная съ самой точной изъ нихъ — прикладной математики.

Возьмемъ, напр., топографію. — Ошибки, происходящія отъ неустранимыхъ неточностей въ устройствѣ инструмен-

товъ и въ работѣ, дѣлаютъ невозможнымъ полученіе математически вѣрныхъ плановъ: но слѣдуетъ-ли изъ этого, что они никуда негодны? Можно назвать ихъ неточными,—пожалуй; но совершенно ложными, т. е. дающими превратное понятіе о мѣстности,—назвать ихъ нельзя.

Отрицаніе добытаго вѣковымъ трудомъ — при помощи противоположенія этого добытаго идеалу — дѣло праздное; стремиться непосредственно къ идеалу и ни къ чему не стремиться — одно и то-же. Авторъ, чтобы отстоять свои измышленія, становится на точку: *„или все или ничего“*; человѣчество гораздо скромнѣе въ своихъ притязаніяхъ, и находитъ, что *„лучше что нибудь, чѣмъ ничего“*.

Второй пріемъ исторіи, заключающійся въ томъ, чтобы „разсматривать дѣйствіе одного человѣка, царя, полководца, какъ сумму произволовъ людей“, теперь поставленъ уже на должное мѣсто и, хотя авторъ считаетъ его ошибочнымъ, никогда не будетъ совершенно отброшенъ, ибо имѣетъ основаніе въ натурѣ вещей.

Авторъ возстаетъ противъ него на томъ основаніи, что будто-бы „умъ человѣческій не только отказывается вѣрить въ это объясненіе, но прямо говоритъ, что пріемъ объясненія не вѣренъ, потому что въ этомъ объясненіи слабѣйшее явленіе принимается за причину сильнѣйшаго“.

Этотъ аргументъ — старый нашъ знакомый; въ IV томѣ онъ былъ выраженъ такъ: „человѣческое достоинство говоритъ мнѣ (т. е. автору), что всякій изъ насъ если не больше, то никакъ не меньше человѣкъ, чѣмъ всякій Наполеонъ“.— Младшій его братъ пятаго тома страдаетъ тѣмъ же фамильнымъ недугомъ, что и старшій: неопредѣленностью выраженій. Что признавать за силу и слабость явленій и какимъ мѣриломъ мѣрить эту силу и слабость? Очевидно массой, ибо другаго мѣрителя авторъ не указываетъ. Но тогда представляется такое недоразумѣніе: въ человѣкѣ нервная масса составляетъ по вѣсу никакъ не болѣе $^1/_9$ или $^1/_{10}$ въ сравненіи съ массой костей, мускуловъ, жира,— и однако что̀ чѣмъ управляетъ? Поѣздъ во много десятковъ тысячъ пудовъ движетъ сила, представляемая нѣсколькими

фунтами пара, поставленнаго въ извѣстныя условія: которая изъ этихъ двухъ массъ слабѣе — масса-ли поѣзда, или масса пара?

Народный организмъ во всемъ подобенъ человѣческому, по той простой причинѣ, что его строитъ тотъ же человѣкъ, который все творитъ по образу своему и подобію; въ народномъ организмѣ есть также и та и другая масса; и Наполеоны,— со всѣми развѣтвленіями, которыми они дѣйствуютъ на массу, — составляютъ въ отношеніи къ этой послѣдней именно то, что составляютъ нервные узлы и нервы въ отношеніи къ организму человѣческому. Слѣдовательно, умъ человѣческій не можетъ отказаться вѣрить въ объясненіе, представляемое организмомъ, которымъ этотъ самый умъ управляетъ.

Мы не говоримъ уже о томъ, что, разумѣя подъ слабѣйшимъ явленіемъ незначительную по числу массу руководителей въ сравненіи съ массой руководимыхъ, авторъ противорѣчитъ самъ себѣ, отрицая принципъ духа въ пользу числа въ общей народной жизни и отрицая принципъ числа въ пользу духа въ одномъ изъ частныхъ проявленій этой жизни, т. е. въ жизни организма воинскаго.

Можетъ быть, скажутъ, что непризнанные руководители иногда болѣе руководятъ массами, нежели признанные; что послѣдніе составляютъ иногда не болѣе какъ вывѣску событія *); но признанные или не признанные, — они всегда бываютъ, а въ этомъ и весь вопросъ.

Напрягая всѣ силы къ тому, чтобы доказать ничтожество личностей руководящихъ, авторъ старается располагать соотвѣтственно этому и свое повѣствованіе. Говоритъ-ли о французской арміи послѣ Бородинскаго сраженія, нашествіе надвигается у него *само собой*, не вслѣдствіе распоряженій Наполеона, но „по одной силѣ стремительности“: какъ будто Наполеону не хотѣлось занять Москву?! Въ Москвѣ французы остаются не потому, что Наполеонъ, благодаря предшествующимъ успѣхамъ, дѣйствовалъ по рутинному

*) Какимъ былъ, напр., Палафоксъ въ осадѣ Сарагоссы, по свидѣтельству Непира.

убѣжденію, что съ паденіемъ столицы миръ неизбѣженъ, но „безъ всякой видимой причины“; бѣгутъ изъ Москвы не потому, что Наполеонъ потерялъ надежду на миръ, а партизаны стали сильно безпокоить и произошло Тарутинское столкновеніе,—но опять безъ всякой новой причины.

Наполеонъ, сознавая всю тяжесть бокового преслѣдованія, которымъ грозило расположеніе нашей арміи подъ Тарутинымъ, рѣшается возстановить относительно ея фронтальное положеніе своей арміи и бросается на Малоярославцевъ, но возвращается на Смоленскую дорогу не потому, что встрѣтилъ неожиданный отпоръ, что едва самъ не попалъ въ руки казакамъ и что у него не достало характера настоять на своемъ рѣшеніи,—а потому, что *„это должно было случиться“*.

Правда, авторъ проговаривается; артистическій инстинктъ не настолько еще подавленъ, чтобы не становиться иногда поперекъ резонерству: но онъ выскажетъ дѣло какъ оно было, а потомъ постарается сгладить впечатлѣніе посильнымъ объясненіемъ въ духѣ его теорій.

„Когда вотъ-вотъ les enfants du Don могли поймать самого императора въ серединѣ его арміи, ясно было, что нечего больше дѣлать, какъ только бѣжать какъ можно скорѣе по ближайшей знакомой дорогѣ. Наполеонъ *со своимъ 40-лѣтнимъ брюшкомъ*, не чувствуя въ себѣ уже прежней поворотливости и смѣлости, понялъ этотъ намекъ. И подъ вліяніемъ страха, котораго онъ набрался отъ казаковъ, тотчасъ же согласился съ Мутономъ и отдалъ, *какъ говорятъ историки*, приказаніе объ отступленіи назадъ, на Смоленскую дорогу“.

Кажется, причина поворота ясна; Наполеонъ былъ не тѣмъ уже, когда, попавшись въ середину значительнаго непріятельскаго отряда, почти безъ конвоя, не только не уходилъ, но требовалъ сдачи отряда и получалъ ее *); но это объясненіе противорѣчитъ теоріи автора—и вотъ является вводка *„какъ говорятъ историки“*, а вслѣдъ за нею и полное противорѣчіе тому, что только что сказано.

*) Это случилось съ нимъ въ 1796.

„То, что Наполеонъ согласился съ Мутономъ и войска пошли назадъ, не доказываетъ (!) того, что онъ приказалъ это, но что силы, дѣйствовавшія на всю армію, въ смыслѣ направленія ея по Можайской дорогѣ, одновременно дѣйствовали и на Наполеона".

Выходитъ, слѣдовательно, что и приказавши даже, онъ не приказалъ; должно быть приснилось...

Авторъ тщится провести свою теорію и въ изложеніи кампаніи съ русской стороны; по счастію, въ этомъ случаѣ онъ меньше вдается въ умствованія и болѣе занимается изображеніемъ сценъ; и всякій читатель, конечно, искренно его за это поблагодаритъ, хотя отъ этихъ сценъ теоріямъ автора и не здоровится.

Фланговый маршъ нашей арміи съ Рязанской на Калужскую дорогу—маневръ, до такой степени для автора простой, что „каждый глупый тринадцатилѣтній мальчикъ безъ труда могъ догадаться, что въ 1812 году самое выгодное положеніе для арміи, послѣ отступленія отъ Москвы, было на Калужской дорогѣ". Несмотря на то, онъ не допускаетъ, чтобы мысль этого марша могла возникнуть у какого-либо военачальника, но она вырабатывалась „шагъ за шагомъ, событіе за событіемъ, вытекала изъ безчисленнаго множества самыхъ сложныхъ условій". Положимъ такъ; но, вѣдь, никто и до гр. Толстого не воображалъ, что планъ кампаніи 1812 г. былъ выработанъ съ самаго начала до малѣйшихъ подробностей, и изъ того, что онъ видоизмѣнялся въ зависимости отъ событій, не слѣдуетъ еще, что главнокомандующій въ этомъ дѣлѣ ничего не значилъ; роль его именно въ томъ и заключалась, чтобы подмѣтить обстоятельства, при которыхъ приходится дѣйствовать, и съ ними сообразовать свои распоряженія. Наполеонъ прямо говоритъ: à la guerre ce sont les circonstances qui commandent. Этого послѣдняго командира можно, вѣдь, понять болѣе или менѣе хорошо, можно и совсѣмъ не понять,—что и отличаетъ хорошаго распорядителя отъ дурного. Не полагаетъ же, надѣемся, авторъ, что всякая единица пятидесятитысячной массы почувствовала вдругъ потребность потянуться вдоль

Пахры и потянулась; не полагаетъ также, что если бы Кутузовъ приказалъ отступать по Нижегородской дорогѣ, т армія все-таки перешла-бы на Калужскую. Затѣмъ, кому пер вому пришла мысль перехода на Калужскую дорогу—вопрос совершенно второстепенный, и мы не знаемъ историка, ко торый-бы серьезно останавливался на его разрѣшеніи *).

Могло быть даже, что первый толчокъ данъ былъ какимъ нибудь бездарнымъ послѣдователемъ теоріи Бюлова, задол бившимъ фланговыя позиціи, твердившимъ о нихъ кстати и не кстати, и, наконецъ, услышаннымъ, когда по обстоятельствамъ оказалось стоющимъ его услышать. Во всякомъ случаѣ нужно же было кому-нибудь въ арміи слѣдить за возникающими шагъ за шагомъ обстоятельствами и, сообразно имъ, направлять движенія арміи? Авторъ этого не признаетъ: маршъ совершился потому, что долженъ былъ совершиться.

Усиливаясь доказать это странное положеніе, авторъ доходитъ, наконецъ, до того, что если бы представить себѣ „просто одну армію, безъ полководцевъ, то эта армія не могла-бы сдѣлать ничего другого, кромѣ обратнаго движенія къ Москвѣ, описывая дугу съ той стороны, съ которой было больше продовольствія и край былъ обильнѣе".

Не даромъ французы говорятъ: qui prouve trop ne prouve rien. Въ параллель этому аргументу автора можемъ поставить только человѣка, которому отрубили-бы голову и который, несмотря на это, сдѣлалъ-бы то-же самое и точно также, какъ и не испытавъ этой операціи.

Далѣе упорствуя на своемъ, авторъ ссылается на то, что и мародеры даже отбѣгали будто-бы именно по этому направленію, т. е. по Калужской и ближайшимъ къ ней дорогамъ. Гр. Толстой не имѣетъ, конечно, статистическихъ данныхъ, поддерживающихъ его предположеніе: мы-же имѣемъ то простое основаніе сомнѣваться въ его состоятельности, что мародеры такой народъ, который отбѣгаетъ

*) Мы уже имѣли разъ случай замѣтить, что на войнѣ мысль принадлежитъ не тому, кому она первому пришла въ голову, а тому, кто рѣшится ее исполнить съ отвѣтственностію за послѣдствія исполненія.

по всѣмъ направленіямъ, сулящимъ поживу и обезпеченнымъ по ихъ соображеніямъ отъ непріятныхъ встрѣчъ. Были они, вѣроятно, и на Петербургской, и на Ярославской, и на Нижегородской, какъ на Калужской дорогѣ.

Но отдохнемъ нѣсколько отъ разсужденій автора и обратимся къ его сценамъ. Такія вещи, какъ совѣтъ въ Филяхъ, сцены въ „обезматочевшемъ ульѣ“,—какъ авторъ великолѣпно называетъ Москву. передъ вступленіемъ въ нее французовъ,—ожиданіе Наполеономъ des Boyards Russes у Драгомиловской заставы доставляютъ высокое эстетическое наслажденіе и долго не забудутся. Странно опять одно: какимъ образомъ, показавъ Кутузова въ минуту такой страшной рѣшимости, показавъ дѣйствительно героемъ, какимъ онъ въ ту минуту былъ, вложивъ въ уста его великія слова,— дѣйствительно ему принадлежащія, авторъ можетъ возвращаться къ своимъ взглядамъ, что командующій въ арміи значитъ то же, что и послѣдній солдатъ, и къ прочему въ томъ же родѣ?

„Всѣ ждали Бенигсена, который доканчивалъ свой вкусный обѣдъ, подъ предлогомъ новаго осмотра позиціи. Его ждали отъ четырехъ до шести часовъ и во все это время не приступали къ совѣщанію, и тихими голосами вели посторонніе разговоры.

Только когда въ избу вошелъ Бенигсенъ, Кутузовъ выдвинулся изъ своего угла и подвинулся къ столу, но на столько, что лицо его не было освѣщено поданными на столъ свѣчами.

Бенигсенъ открылъ совѣтъ вопросомъ: „оставить-ли безъ боя священную и древнюю столицу Россіи, или зрщищать ее?“ Послѣдовало долгое и общее молчаніе. Всѣ лица нахмурились и въ тишинѣ слышалось сердитое кряхтѣнье и покашливаніе Кутузова. Всѣ глаза смотрѣли на него. Малашка тоже смотрѣла на дѣдушку.—Она ближе всѣхъ была къ нему и видѣла какъ лицо его сморщилось: онъ точно собрался плакать. Но это продолжалось не долго.

— *Священную, древнюю столицу Россіи!* вдругъ заговорилъ онъ сердитымъ голосомъ, повторяя слова Бенигсена и этимъ

указывая на фальшивую ноту этихъ словъ. Позвольте вамъ сказать, ваше сіятельство, что вопросъ этотъ не имѣетъ смысла для русскаго человѣка. (Онъ перевалился впередъ своимъ тяжелымъ тѣломъ). Такой вопросъ нельзя ставить и такой вопросъ не имѣетъ смысла. Вопросъ, для котораго я просилъ собраться этихъ господъ, это вопросъ военный. Вопросъ слѣдующій: „спасенье Россіи въ арміи. Выгоднѣе-ли рисковать потерею Арміи и Москвы, принявъ сраженіе, или, отдать Москву безъ сраженія?“ Вотъ на какой вопросъ я желаю знать ваше мнѣніе. Онъ откинулся на спинку кресла.

...„Во время одного изъ такихъ перерывовъ (пренія) Кутузовъ тяжело вздохнулъ, какъ бы собираясь говорить. Всѣ оглянулись на него. Eh bien, Messieurs, je vois que c'est moi qui payerai les pots cassés, сказалъ онъ. И медленно приподнявшись, онъ подошелъ къ столу. Господа, я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ не согласны со мною. Но (и онъ остановился) властью, врученною мнѣ моимъ Государемъ и отечествомъ, я приказываю отступленіе“.

Чувствуешь, что это дѣйствительно человѣкъ, который привыкъ быть нервнымъ узломъ, т. е. руководить массами, и который способенъ быть имъ,—властный человѣкъ: ни одного жеста лишняго ни одного слова пустого; прямо попадаетъ, что называется, въ шляпку гвоздя. Или можетъ быть и въ этомъ случаѣ не Кутузовъ мощною рукою повернулъ руль, не Кутузовъ сказалъ слова, а ему только казалось, что онъ это сказалъ и сдѣлалъ?.. Мы замѣтили и еще разъ повторяемъ: въ „Войнѣ и Мирѣ“ два человѣка — артистъ и мыслитель; и первый при каждомъ удобномъ случаѣ бьетъ на голову второго. Иной еще разъ артистъ какъ будто соглашается помолчать изъ снисхожденія къ слабому товарищу; но какъ только приметъ говорить, забиваетъ въ конецъ.

Шестой томъ труда автора отличается тѣмъ, что вся послѣдняя часть его посвящена разсужденіямъ, касающимся, болѣе или менѣе удачно, науки только что возникающей — физіологіи коллективныхъ организмовъ. Не имѣемъ ни силъ

ни охоты разбирать цѣликомъ эту неудобоваримую часть, въ которой мысли дѣйствительно вѣрныя перепутаны съ самыми страннымъ парадоксами и высокопарными фразами довольно тощаго содержанія; коснемся преимущественно только тѣхъ мѣстъ ея, которыя имѣютъ хотя нѣкоторое отношеніе къ войнѣ и войску.

Въ началѣ VI тома авторъ дѣлаетъ опять небольшой поискъ въ область собственно теоріи военнаго искусства, конечно, съ цѣлію указать нѣкоторыя несообразности положеній этой теоріи. Поискъ, какъ и предшествующіе, вышелъ не совсѣмъ удаченъ, показавъ въ авторѣ только дилетанта въ этомъ дѣлѣ. Одинъ изъ указанныхъ имъ несообразностей давно уже и безъ того отвергнуты военной теоріей; другія же и несообразности не составляютъ, а показались такими автору просто по недостатку въ немъ основательнаго знакомства съ дѣломъ.

„Однимъ изъ самыхъ осязательныхъ и выгодныхъ отступленій отъ такъ называемыхъ правилъ войны есть дѣйствіе разрозненныхъ людей противъ людей, жмущихся въ кучу".

Во первыхъ, разрозненные люди нападаютъ не на жмущихся въ кучу, а на отдѣляющихся почему-либо отъ кучи; во вторыхъ, въ теоріи войны, какъ и во всякой теоріи, нѣтъ положительныхъ правилъ, а есть только формулы, допускающія и положительныя и отрицательныя рѣшенія. Точно какъ въ математикѣ всякая формула приводится къ нулю, т. е. представляетъ соединеніе совершенно равносильныхъ „да" и „нѣтъ",—точно также и въ теоріи военнаго искусства. Если вы спросите человѣка, сколько нибудь понимающаго дѣло, выгодно-ли сосредоточеніе? Онъ вамъ отвѣтитъ: „смотря потому, *гдѣ, когда и для чего*. И вѣроятно пояснитъ это слѣдующимъ образомъ: имѣете въ виду продовольствовать армію, гораздо лучше разбросанное, чѣмъ сосредоточенное расположеніе. Ожидаете боя—лучше стѣснить расположеніе, хотя бы это затруднило продовольствіе; имѣете въ виду напасть на тылъ или на флангъ—лучше отказаться отъ извѣстной части силъ для этой цѣли, если можно расчитывать на успѣхъ; ибо, предполагая по-

слѣдній, получите результатъ неизмѣримо большій, чѣмъ получили-бы, сохранивъ эту часть для нападенія съ фронта. Устроили себѣ нападеніе неожиданное, или случай устроилъ его,—бейте съ тѣмъ, что подъ рукою; имѣете цѣлью сломить непріятеля въ рѣшительномъ фронтальномъ бою, къ которому онъ приготовился, *не пренебрегайте ни однимъ баталіономъ*, который можете притянуть, т. е. чѣмъ болѣе силъ сосредоточите, тѣмъ лучше. Наконецъ, въ самомъ бою, для огня лучше разсыпаться, для натиска въ штыки лучше собраться. Слѣдовательно дѣло не въ томъ, чтобы держаться сосредоточенно, не въ томъ, что бы разбрасываться, *но въ томъ, чтобы знать, когда нужно сдѣлать одно, когда другое.* Посмотрите на Наполеона, можетъ быть, прибавитъ къ этому объясняющій: въ бою все, что только можно притянуть, у него притягивается; но разъ непріятель сломленъ такъ, что возвратъ съ его стороны невозможенъ, силы разбрызгиваются чуть не во мгновеніе ока: кто для преслѣдованія, кто для поддержки преслѣдующихъ, кто для переформированія и отдыха послѣ потерь и т. п.“.

Дѣйствительно, были теоріи, построенныя исключительно на сосредоточеніи *), точно такъ же, какъ были и имъ противоположныя, т. е. основанныя на одной разбросканѣ силъ **); но если авторъ хотѣлъ ратовать противъ первыхъ изъ нихъ, то тогда необходимо было и оговорить, что онъ относитъ свои замѣчанія не къ теоріи военнаго искусства вообще, въ ея современномъ состояніи, а къ теоріи господина X или У.

„Войну такого рода назвали партизанскою и полагали, что, назвавъ ее такъ, объяснили ея значеніе. Между тѣмъ такого рода война не только не подходитъ ни подъ какія правила, но прямо противоположна извѣстному и признанному за непогрѣшимое тактическому правилу. Правило это говоритъ, что атакующій долженъ сосредоточивать свои войска съ тѣмъ, чтобы въ моментъ боя быть сильнѣе своего противника“.

*) Жомини.
**) Отчасти Бюловъ; кордонная система.

„Партизанская война (всегда успѣшная, какъ говоритъ исторія) прямо противоположна этому правилу".

„Противорѣчіе это происходитъ отъ того, что военная наука принимаетъ силу войскъ тождественною съ ихъ численностію. Военная наука говоритъ, что, чѣмъ больше войскъ, тѣмъ больше силы. Les gros bataillons ont toujours raison".

Уже изъ сказаннаго выше видно, во первыхъ, что партизанская война не противорѣчитъ основаніямъ военнаго искусства, которое равно допускаетъ и раздѣленіе и сосредоточеніе силъ, въ зависимости отъ поставленной цѣли и отъ обстоятельствъ, при которыхъ ее приходится достигать. Во вторыхъ, автору не безызвѣстно, что главныя силы нашей арміи не расходились по партизанскимъ отрядамъ, а держались вмѣстѣ: слѣдовательно разброска силъ была примѣнена только отчасти; да иначе и быть не могло, ибо въ противномъ случаѣ французы тоже бы не преминули разробиться по нѣсколькимъ дорогамъ и отступили-бы съ потерями несравненно меньшими, чѣмъ они понесли. Ихъ держали въ одной массѣ, вѣдь, не партизанскіе отряды, а именно то, что и наши главныя силы держались вмѣстѣ: и только благодаря этому, булавочные уколы партизанскихъ отрядовъ обратились въ смертельныя раны.

Въ третьихъ, начало быть сильнѣе противника на пунктѣ нападенія,—не во гнѣвъ будь сказано почтенному автору, —не только не опровергается партизанскими дѣйствіями. но, напротивъ, находитъ въ нихъ блистательное подтвержденіе: партизанъ никогда не вздумаетъ нападать на значительныя и готовыя къ бою массы; старается никогда не нападать иначе, какъ врасплохъ; *слѣдовательно прежде и болѣе всего хлопочетъ именно объ томъ, чтобы на пунктѣ нападенія быть сильнѣе своего противника.* Если этихъ условій нѣтъ, онъ уходитъ; и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, т. е., по просту говоря, — бѣжитъ, чего никогда не долженъ дѣлать значительный отрядъ. Правда, можно сказать, что это не положительное, а отрицательное усиленіе, т.-е., что партизанъ не самъ усиливается, а ловитъ минуты сла-

бости непріятеля; но, вѣдь, результатъ одинъ — *нарушеніе равновѣсія силъ въ пользу партизана*. Тамъ же, гдѣ онъ можетъ получить положительное подкрѣпленіе, партизанъ имъ не пренебрежетъ. Мы предлагаемъ почтенному автору на разрѣшеніе слѣдующій вопросъ: Денисовъ, выжидая присоединенія Долохова для нападенія на французскій отрядъ, дѣйствовалъ-ли согласно началу сосредоточенія силъ на пунктѣ нападенія, или же вопреки ему?

Вдумавшись серьезнѣе въ факты, имъ самимъ описываемые, авторъ, можетъ, быть нѣсколько осторожнѣе сталъ бы указывать на воображаемыя односторонности въ теоріи военнаго искусства; сталъ бы понимать шире ея положенія и не провозглашалъ бы чуть не за открытіе того, что въ ней уже принято до его указаній.

Такъ авторъ, воображая будто военная теорія подъ силою разумѣетъ только числительность войскъ, пускается въ разъясненія того, какъ это ошибочно, ибо сила не заключается ни въ числѣ, ни въ вооруженіи, ни въ геніальности полководца, а въ духѣ войскъ, т. е. *въ большемъ или меньшемъ желаніи драться всѣхъ людей, составляющихъ войско*. До такой степени это не новость, что послѣдняя мысль даже и по формѣ не принадлежитъ автору, а слово въ слово взята у одного изъ самыхъ выдающихся военныхъ теоретиковъ—у Жомини.

Военная теорія говоритъ то же самое, что и авторъ: только она не противополагаетъ числа, строя, вооруженія и другихъ матеріальныхъ данныхъ духу, какъ то ошибочно дѣлаетъ авторъ; не ставитъ также способностей полководца —силы духовной и непосредственно дѣйствующей на духъ войскъ—на одну доску съ геометрическими построеніями и съ вооруженіемъ. Полагая основнымъ условіемъ успѣха, какъ и авторъ, желаніе сразиться,—теорія, на основаніи фактовъ, признаетъ, что это желаніе можетъ возникнуть только вслѣдствіе увѣренности въ побѣдѣ надъ врагомъ въ случаѣ столкновенія: увѣренности, которая растетъ или падаетъ въ зависимости отъ того, хорошо или дурно вооруженіе, въ какой мѣрѣ геометрическія формы соотвѣтствуютъ

боевымъ требованіямъ, въ какой мѣрѣ мы превосходимъ или уступаемъ непріятелю числомъ, въ какой мѣрѣ начальникъ успѣлъ возбудить довѣріе къ своимъ способностямъ и пр. и пр.,—всего не перечесть.

Военная теорія не останавливается на одпѣхъ этихъ данныхъ, присущихъ войску, она указываетъ и на чисто внѣшнія обстоятельства, вліяющія иногда весьма сильно на духъ войскъ, какъ: неожиданность нападенія, различныя случайности, иногда самыя ничтожныя, а между тѣмъ приводящія къ паникѣ, т. е. къ полному подрыву духа войскъ.

Военная теорія, наконецъ, признавъ вліяніе мирной подготовки на духъ войскъ, занимается разработкою вопроса о томъ, какимъ образомъ должно вести воспитаніе и образованіе войскъ въ мирное время, чтобы не только не подорвать ихъ духа, а напротивъ, развить и закалить его въ боевомъ смыслѣ.

Авторъ утверждаетъ, что военная теорія говоритъ будтобы: чѣмъ больше войскъ, тѣмъ больше силы, и ссылается къ подтвержденіе этого на замѣтку Наполеона les gros bataillons ont toujours raison. Нѣтъ, военная теорія говоритъ не это, но только то, что, при равныхъ прочихъ условіяхъ, вѣроятностей на побѣду имѣетъ болѣе тотъ, кто сильнѣе числомъ. Несчастіе военной теоріи въ томъ, что она не огорожена частоколомъ знакоположенія, на манеръ математической: формулы ея выражаются словами, которыя имѣютъ слишкомъ ограниченный смыслъ; они не растяжимы, какъ алгебраическіе знаки, при которыхъ подъ какимъ-нибудь a укрываются всѣ величины, заключающіяся между предѣлами положительной и отрицательной безконечности.

Отъ этого и выходитъ, во-первыхъ, что въ военныхъ вопросахъ всякій считаетъ себя судьей: все такъ ясно и легко читается, все составляетъ достояніе простого обыденнаго здраваго смысла (а кто же допускаетъ сомнѣніе въ томъ, что его имѣетъ?); во вторыхъ, всякая формула выражается такъ длинно, что диллетантъ читатель прочтетъ иной разъ только начало, а думаетъ, что уже добрался до конца, и спѣшитъ выводить заключенія.

Возьмемъ для примѣра les gros bataillons ont toujours raison. На этой фразѣ можно построить что угодно; можно сказать, напр., такъ: слѣдовательно баталіонъ въ 2000 человѣкъ лучше, чѣмъ въ 1000; въ 5,000, 10,000 еще лучше и т. д. Какой, однако, дуракъ былъ этотъ Наполеонъ, умозаключитъ, пожалуй, подобный знатокъ теоріи военнаго дѣла (и какой я умница, что это открылъ, навѣрное прибавитъ про себя), а его еще въ геніи пожаловали“. Кто ищетъ вѣрныхъ выводовъ, тотъ не станетъ вырывать изъ цѣпи разсужденій отдѣльной фразы, игнорируя связь съ предыдущимъ и послѣдующимъ; тотъ несетъ обязательство, во имя законовъ логики, принимать въ расчетъ, что это сказалъ человѣкъ, который, подобно всѣмъ писателямъ его закала, не любитъ распространяться и развивать свою мысль до уровня доступности для всѣхъ пониманій. Тотъ-же Наполеонъ говоритъ, что $^3/_4$ боеваго успѣха зависитъ отъ нравственныхъ причинъ: взявъ это въ расчетъ, не трудно понять, при какихъ условіяхъ les gros bataillons peuvent avoir raison. По автору для его цѣлей не нужно понимать; и онъ или не понимаетъ, или, по вышесказанному, не дочелъ до конца.

„Люди, имѣющіе наибольшее желаніе драться, всегда поставятъ себя въ наивыгоднѣйшее положеніе для драки“.

Это уже совершенно невѣрно, ибо стать въ выгоднѣйшее положеніе для драки есть искусство и принадлежитъ слѣдовательно къ области распорядительной, а не исполнительной дѣятельности въ арміи, т. е. исходитъ прежде изъ ума, чѣмъ изъ энергіи. У Римлянъ при озерѣ Тразименѣ не было недостатка въ желаніи драться; но выгоднѣйшаго для драки положенія они далеко не занимали. Не было недостатка въ желаніи драться и у нашихъ войскъ подъ Фридландомъ, напр., а между тѣмъ положеніе было не лучше Тразименскаго.

Уличивъ военную теорію въ томъ, что она подъ силою разумѣетъ будто-бы только численность, авторъ этимъ не ограничивается, но идетъ дальше и указываетъ вѣрнѣйшій, по его мнѣнію, методъ отысканія законовъ, по которымъ

происходятъ боевыя столкновенія. Вѣрность этого метода, положимъ, нуждается еще въ подтвержденіи: но что до легкости, то она неоспорима. Посудите сами, читатель; для вывода законовъ, по которымъ происходятъ самыя сложныя психическія явленія не въ одномъ человѣкѣ, но въ цѣлой массѣ людей, достаточно, по мнѣнію автора, умѣть составлять самыя похитрыя пропорціи! Принявъ для примѣра, что десять военныхъ единицъ, сражаясь съ пятнадцатью, убили и забрали въ плѣнъ всѣхъ безъ остатка, а сами потеряли четыре, авторъ выводитъ, что 4 x = 15 y, или 4 : 15 = y : x, и неустрашимо заключаетъ, что подобное невинное ариѳметическое упражненіе опредѣляетъ отношеніе между двумя неизвѣстными и можетъ дать ряды чиселъ, къ которыхъ должны существовать и могутъ быть открыты законы. Да развѣ оставшіеся шесть единицъ не принимали никакого участія въ этомъ воображаемомъ дѣлѣ?

И это говоритъ человѣкъ, который только и твердитъ, что про духъ, и который поэтому одному долженъ-бы былъ, кажется, хотя нѣсколько приглядѣться къ свойствамъ этой страшной и неуловимой силы! Даже при помощи высшаго анализа не удалось пока схватить въ формулы многихъ явленій, производимыхъ неорганическими силами, а онъ думаетъ вывести законы духа при помощи пропорцій. Странное противорѣчіе: то онъ отвергаетъ значеніе всей матеріальной стороны во имя духа, то вдругъ самъ относится къ духу чисто матеріалистически, воображая возможнымъ мѣрить его чуть не на лоты и на золотники....

Дальнѣйшее разсужденіе автора о томъ, что будто-бы по тактикѣ нужно дѣйствовать массами при наступленіи, разрозненно при отступленіи; что это яко бы правило будто подтверждаетъ безсознательно истину зависимости силы войска отъ духа; что русскіе напротивъ дѣйствовали разбросанно при преслѣдованіи французовъ, ибо духъ ихъ былъ поднятъ, — составляютъ такія фантазіи, которыя и безъ разбора очевидны.

Во первыхъ, при отступленіи, когда духъ находится почти всегда въ упадкѣ, не слѣдуетъ разбрасывать войска и

по теоріи автора; во вторыхъ, правила, приводимаго авторомъ, въ современной тактикѣ нѣтъ: было нѣчто подобное въ теоріи Бюлова, но и тамъ нашло мѣсто не вслѣдствіе признанія значенія духа, а вслѣдствіе исключительнаго принятія въ расчетъ тыла арміи; въ третьихъ, духъ нашей арміи при отступленіи въ 12 году не былъ ни чѣмъ ниже, какъ и при преслѣдованіи, однако наши войска отступали не разрозненно; въ четвертыхъ, наконецъ, и при преслѣдованіи главная масса нашихъ силъ раздроблялась не болѣе, какъ настолько, сколько это требовалось удобствомъ движенія; но и при этомъ части ея держались на такомъ разстояніи, что всегда могли быть сосредоточены въ случаѣ надобности.

Далѣе авторъ снова возвращается къ историкамъ и, стремясь въ концу ихъ истребить, навязываетъ имъ такое мнѣніе, котораго серьезно ни одинъ изъ нихъ не проводилъ.

Именно авторъ повѣствуетъ, будто историки представляютъ даже и послѣдній побѣгъ Наполеона, какъ что-то великое и геніальное. Не случалось намъ читать такихъ историковъ. Если же авторъ знаетъ ихъ, то лучше было-бы прямо указать, чьи именно мнѣнія онъ считаетъ нелѣпыми и заслуживающими совершенно справедливаго осмѣянія.

Военно-историческую часть своего романа авторъ заканчиваетъ разборомъ плана второй половины кампаніи и вопроса о томъ — возможно ли было преградить французамъ отступленіе. И въ этомъ онъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, не соглашается съ общепринятымъ мнѣніемъ; удивительнѣе было-бы, если-бы онъ согласился. По его мнѣнію, стремиться отрѣзать французской арміи путь отступленія было столь-же нелѣпо, какъ нелѣпо огороднику, выгоняющему скотину, затесавшуюся къ нему въ огородъ, забѣжавъ спереди, бить по лбу (это было бы дѣйствительно нелѣпо; но убить ее, хотя бы и спереди, чтобы впередъ не пакостила, не было-бы нелѣпо). И вотъ русскіе (масса), будто бы сознавая эту нелѣпость, дѣлали не то, что имъ было приказано, а то, что имъ было нужно: просто и ясно! Должно быть и Чи-

чаговъ, принадлежавшій тоже вѣроятно къ массѣ, нарочно въ этихъ видахъ далъ себя захватить врасплохъ въ Борисовѣ и оттѣснить на правый берегъ Березины. Нѣтъ нужды, что историки совершенно опредѣлительно и по документамъ доказываютъ, что планъ сосредоточенія арміи Чичагова, Витгенштейна и Кутузова, несмотря на громадныя разстоянія, съ которыхъ они сходились, былъ замѣчательно близокъ къ осуществленію; нѣтъ нужды, что они указываютъ ясно на ошибки Чичагова, на нежеланіе Витгенштейна прійти во время къ пункту сосредоточенія: все это объясненія слишкомъ простыя и понятныя, „основанныя на письмахъ царей и дипломатовъ", слишкомъ очевидно ставятъ дѣло въ зависимость отъ начальниковъ, чтобы авторъ могъ съ ними согласиться; и вотъ онъ изобрѣтаетъ огородника, скотину и проч., лишь-бы только свернуть на самодѣятельность массы не только помимо, но наперекоръ ея руководителямъ.

Невозможность и безсмысленность попытки отрѣзать французовъ авторъ доказываетъ (т. е. ему кажется, что доказываетъ) въ нѣсколькихъ пунктахъ; изъ нихъ одинъ имѣетъ, да и то только кажущуюся, основательность: это ссылка на страшное истощеніе арміи Кутузова. Но, вѣдь, по плану, отрѣзать французовъ долженъ былъ не Кутузовъ, а Чичаговъ, который уже былъ на Березинѣ, и Витгенштейнъ, который находился всего въ 25 верстахъ отъ нея въ день устройства переправы. У каждаго изъ нихъ было до 30 т. У Наполеона подъ ружьемъ было около 40 т. Въ состояніи духа перевѣсъ тоже былъ на нашей сторонѣ: заключеніе, кажется, понятно.

Вторую часть шестого тома, посвященную исключительно умозрительнымъ опытамъ, авторъ начинаетъ съ того, что описать жизнь не только человѣчества, но и одного народа представляется невозможнымъ; т. е., другими словами, что вся исторія есть не болѣе какъ безсмыслица.

Если таково убѣжденіе автора, то, кажется, его бы слѣдовало доказать, да и покончить разсужденія объ исторіи; ничуть не бывало: не подумавъ даже доказать своего при-

говора, авторъ пускается въ разборъ древняго и новаго воззрѣнія на исторію и опредѣляетъ характеристическую разницу между ними тѣмъ, будто древніе историки все относили къ божеству, а новые отвергли это начало. Невѣрно: разница между ними заключается въ томъ только, что первые, озаглавивъ Высшее Начало Юпитерами, Венерами, Меркуріями и пр., воображали будто его понимаютъ*); между тѣмъ какъ вторые, признавая съ полною искренностію, что для человѣка это начало непостижимо, не пробуютъ и тратить силъ на разсужденія о томъ, чего постигнуть нельзя.

Это нежеланіе заниматься тѣмъ, что не по силамъ человѣку, авторъ принимаетъ за отрицаніе, начинаетъ разить новыхъ историковъ за то, что ихъ объясненія событій несостоятельны,—разумѣется, съ точки зрѣнія его идеала,—и приводитъ къ причинѣ всѣхъ причинъ: т. е. къ тому концу, который для всѣхъ столько-же подразумѣваемъ, какъ и непостижимъ, и который ни на волосъ не подвигаетъ въ разъясненіи историческихъ вопросовъ.

Цѣль такого маневра очевидна: обнаруженная несостоятельность воззрѣній автора на ближайшія причины событій побудила его укрыться въ фортецію конечныхъ причинъ, изъ которой,—какъ съ точки зрѣнія вѣчности,—все оказывается ничтожнымъ: основательное, какъ и самое поверхностное изслѣдованіе факта; наборъ словъ, какъ и геніальное произведеніе. Въ IV томѣ было „ничто не причина"; въ V и VI причина нашлась, но недоступная человѣческому пониманію, передъ которой всѣ прочія, разумѣется, одинаково нелѣпы и одинаково состоятельны и передъ которой не только Наполеонъ является ничѣмъ не выше послѣдняго солдата, но и народъ, да и весь земной шаръ ничего не значатъ!

Бѣда въ одномъ: если эта причина недоступна человѣческому пониманію, такъ зачѣмъ же и автору на нее указывать? Вѣдь, онъ объ ней знаетъ столько же, сколько и

*) Хотя у нихъ, выше всѣхъ боговъ была Судьба, которой они понимать не претендовали.

потребляемые имъ историки, т. е. ровно ничего не знаетъ. Или, можетъ быть, онъ претендуетъ на откровеніе...

Что толку въ томъ, если-бы какой нибудь метафизикъ, признавая коверъ-самолетъ единственнымъ совершеннымъ экипажемъ, находилъ бы кучу недостатковъ въ современныхъ каретахъ, паровозахъ и пароходахъ? И тѣ, и другіе, и третьи не перестали бы двигаться по своимъ путямъ, возить не только безпритязательное человѣчество, но и самого метафизика, несмотря на то, что до ковра-самолета имъ, конечно, далеко.

Еще Паскаль сказалъ: l'homme n'est ni ange, ni bête; et le malheur veut que qui veut faire l'ange, fait la bête. Предназначенные жить на землѣ,—не выше и не ниже,—жить между людьми, займемся лучше тѣмъ, что около насъ и между нами дѣлается, не заносясь въ недоступная намъ горняя.

Добытые подъ вліяніемъ такого взгляда выводы не будутъ выспренни, за то плодотворны. Охотники до забавы находить все несовершеннымъ, конечно, будутъ твердить, что такое относительное знаніе не есть знаніе—пусть ихъ твердятъ: опытъ показалъ, что отъ этого они не подвигаются къ знанію абсолютному ни на волосъ. Вѣдь, не въ одной исторіи, а во всѣхъ наукахъ давно уже пришли къ тому убѣжденію, что не только первичныхъ, но даже и производныхъ силъ, въ ихъ существѣ, человѣкъ знать не можетъ, а судитъ о нихъ по ихъ проявленіямъ; слѣдовательно, и нужно заниматься этими послѣдними.

Какая сила движетъ народами? спрашиваетъ гр. Толстой и даетъ за историковъ отвѣтъ, который изъ всѣхъ силъ тщится выставить неудовлетворительнымъ.

Силы этой мы не знаемъ,—могли бы сказать историки, представъ на судъ автора,—но наблюденіе надъ жизнью народовъ показываетъ намъ, что она, т. е. сила, проявляется въ народномъ организмѣ чрезъ людей, имѣющихъ въ немъ то же значеніе, которое принадлежитъ мозгу и нервамъ въ индивидуумѣ. Эти люди: властители, администраторы, жрецы подъ разными наименованіями и тѣ под-

чиненные имъ дѣятели, которые проникаютъ всякій народный организмъ до самыхъ мелкихъ его подраздѣленій— первая категорія; провозвѣстники новыхъ идей и миссіонеры этихъ людей—вторая категорія. Первые изъ нихъ способствуютъ возможно стройному ходу жизни въ данную установившуюся эпоху развитія; вторые даютъ толчокъ для перехода изъ одной эпохи развитія въ другую, болѣе совершенную. Конечно, категоріи эти не всегда представляются раздѣльными: властитель или администраторъ, напр., иногда бываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и преобразователь *); провозвѣстникъ идеи обращается, хотя и рѣже, во властителя или администратора **).

Переходы изъ одного періода развитія въ другой, какъ всякое нарожденіе чего либо новаго, невозможны безъ болѣзненныхъ явленій; и чѣмъ переходъ рѣзче, чѣмъ нарождающійся порядокъ болѣе разнится отъ стараго, тѣмъ эти явленія сильнѣе.

Мать, рожая, выноситъ страшный кризисъ, иногда разстается съ жизнію; даже развитіе всякаго уже возникшаго организма, безъ нарожденія новаго, сопровождается болѣзнями, которыя также иногда приводятъ къ смерти; такъ и въ коллективныхъ организмахъ. Только въ примѣненіи къ нимъ болѣзни роста или родовъ называются войнами, революціями, усобицами, гоненіями, злоупотребленіями и пр. и пр. Древній міръ преобразился въ Христіанскій, только испустивъ духъ: роды сопровождались смертью. Соединенные Штаты отдѣлились отъ Англіи: новый организмъ народился съ потрясеніемъ организма матери, отъ котораго она сдѣлалась еще здоровѣе.

Мы никогда не скажемъ нелѣпости, которую намъ приписываетъ гр. Толстой,—прибавили бы вѣроятно историки,— будто событія производятся исключительно волей Наполеоновъ, Александровъ и пр.; но утверждали и утверждаемъ, что человѣкъ, созданный обстоятельствами, въ цѣпи ихъ становится, въ свою очередь, „обстоятельствомъ“, болѣе

*) Петръ Великій.
**) Магометъ.

или менѣе вѣскимъ,—въ зависимости отъ занимаемаго положенія и отъ личныхъ свойствъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что всякій подобный человѣкъ испытываетъ вліяніе окружающей его массы: но это вліяніе отражается на одномъ такъ, на другомъ иначе, уже въ зависимости отъ его личныхъ свойствъ, какъ врожденныхъ, такъ и сложившихся въ зависимости отъ обстоятельствъ, при которыхъ онъ развивался. Противорѣчія между нами въ объясненіяхъ того, на чемъ основана власть даннаго лица, только кажущіяся, ибо они не исключаютъ, а дополняютъ другъ друга.

По своему складу и по претензіи на военные таланты (могъ бы прибавить къ своей исповѣди Тьеръ), я палъ ницъ передъ военнымъ геніемъ Наполеона, и, какъ истый французъ, умолчалъ о темныхъ сторонахъ моего идола. По эпохѣ, въ которую живу и которая выявила всѣ тяжелыя стороны бонапартизма, а также по реакціи противъ безусловныхъ хвалителей, я сталъ на точку безусловнаго хулителя,—можетъ быть, прибавилъ бы Lanfrey; но соглашаюсь съ тѣмъ, что въ такомъ сложномъ характерѣ было и доброе и худое, и что нельзя быть вынесеннымъ народною волною на Наполеоновскую высоту, не зная, къ кому и какой стороной поворачиваться, не умѣя этого дѣлать въ совершенствѣ. Припомните, почтенный критикъ, что говоритъ великій поэтъ вашей націи о Мазепѣ:

Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ
Со старцами старикъ болтливый
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ.
Свободу славитъ съ своевольнымъ,
Поноситъ власти съ недовольнымъ,
Съ ожесточеннымъ слезы льетъ,
Съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ! и т. д.

Кажется, будто это противорѣчіе, а между тѣтъ вовсе нѣтъ, ибо и то, и другое, и третье отвѣчало цѣли, которую Мазепа себѣ поставилъ. Положимъ, что люди, къ которымъ онъ обращался съ подобными рѣчами, вздумали бы каждый написать его характеристику; они бы противорѣ-

чили другъ другу, но эти противорѣчія отнюдь не уничто жались бы взаимно“.

Равномѣрно нѣтъ противорѣчія и въ томъ, что идеи революціи произвели Наполеона и были подавлены имъ,— точно также какъ нѣтъ противорѣчія между тѣмъ, что свойства страны обнаруживаютъ вліяніе на человѣка, въ ней родившагося, а онъ, въ свою очередь, мало по малу, измѣняетъ эти свойства. Это воздѣйствіе въ человѣческихъ массахъ происходитъ только быстрѣе, такъ какъ и силы ими представляемыя впечатлительнѣе и подвижнѣе.

Авторъ только при условіи большой уступчивости соглашается съ тѣмъ, что между умственною дѣятельностью и движеніемъ народовъ есть что-то общее, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить, чтобы она руководила дѣятельностью людей, „ибо такія явленія, какъ жесточайшія убійства французской революціи, вытекающія изъ проповѣдей о равенствѣ человѣка, и злѣйшія войны и казни, вытекающія изъ проповѣди о любви, не подтверждаютъ этого предположенія“.

Но подтверждаютъ потому, что авторъ,— намѣренно или безсознательно, не знаемъ,—употребляетъ въ этомъ случаѣ *) способъ аргументаціи, совершенно непримѣнимый къ сложнымъ явленіямъ. Способъ этотъ самый первобытный и имѣетъ смыслъ только въ начальной геометріи. Вотъ онъ: положимъ, что идеи руководятъ движеніями народовъ: но такъ какъ умъ у всѣхъ людей дѣйствуетъ по однимъ и тѣмъ же законамъ, то всякая идея должна бы быть понята и признана всѣми единодушно, т. е. воплотиться въ жизнь безъ борьбы. Между тѣмъ мы видимъ совершенно обратное: слѣдовательно, предположеніе, будто идеи руководятъ движеніями народовъ,—нелѣпо. Или, выше: „Тьеръ говоритъ, что Наполеонъ былъ благороднѣйшій человѣкъ; Lanfrey говоритъ, что онъ былъ мошенникъ“; слѣдовательно, они другъ друга уничтожаютъ.

Однимъ словомъ: положимъ, что прямые углы не равны

*) Да, впрочемъ, онъ его вездѣ почти примѣняетъ, какъ бы не зная, или не желая знать другого.

это предположеніе приводитъ къ нелѣпости, слѣдовательно, они равны.

Въ изслѣдованіи сложныхъ вопросовъ подобное приведеніе какого либо положенія къ нелѣпости вовсе не доказываетъ, что обратное положеніе вѣрно; а доказываетъ только, что изслѣдованіе сдѣлано односторонне, т. е. что авторъ, разложивъ сложное явленіе, остановился на одной его части и упустилъ (или захотѣлъ упустить) изъ виду всѣ остальныя.

Если борьба, нелогичная съ точки зрѣнія разсудка, имѣетъ мѣсто въ явленіяхъ народной жизни, то это доказываетъ не ничтожество идей въ нихъ, а только то, что есть еще и другія силы, производящія эти явленія совмѣстно и современно съ идеями.

Въ разбираемомъ случаѣ авторъ долженъ былъ примѣнить способъ изслѣдованія, употребляемый въ физикѣ для вывода закона равнодѣйствующей: тогда бы онъ былъ правъ, и пришелъ бы совсѣмъ къ другимъ заключеніямъ. Вы наблюдаете, что точка движется по извѣстному направленію, и видите, что сила, къ ней приложенная и вами замѣченная, не совпадаетъ съ направленіемъ движенія; слѣдуетъ ли изъ этого, что она не принимаетъ никакого участія въ движеніи? Нѣтъ; а слѣдуетъ только то, что есть еще сила, или силы, которыя вмѣстѣ съ нею производятъ это движеніе.

Попробуемъ примѣнить этотъ способъ изслѣдованія къ разбираемому вопросу и посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

Наблюденіе надъ поступками человѣка показываетъ, что всякому изъ нихъ непремѣнно предшествуетъ мысль, которая и воплощается въ поступкѣ. Народъ дѣйствуетъ также, какъ и человѣкъ: всякому событію въ его жизни непремѣнно предшествуетъ умственная работа, въ лицѣ представителей народа, которые приводятъ къ осязательной формѣ мысли, бродящія въ данную эпоху въ народѣ и составляющія то неуловимое, но осязаемое нѣчто, которое принято называть *духомъ времени*.

Факты самые яркіе,—какъ водвореніе христіанства,—показываютъ, что изъ идеи человѣкъ рѣшается иногда на

самыя такъ называемыя противоестественныя жертвы, не только безъ колебаній, но даже съ наслажденіемъ.

Слѣдовательно, идеи руководятъ движеніями индивидуумовъ и массъ? Если-бы это было вѣрно, то поступки и тѣхъ и другихъ отвѣчали бы всегда законамъ чистой логики, и въ нихъ не было-бы мѣста ни кровавымъ ни другимъ практическимъ столкновеніямъ, ибо всѣ недоразумѣнія разрѣшались бы только диспутами. Доказательствомъ этому можетъ служить область чисто умственной дѣятельности, т. е. научная область: всякая вновь открытая истина принимается въ ней быстро, хотя и не безъ оппозиціи. Думали прежде, что кровь стоитъ въ жилахъ: явился человѣкъ, который открылъ, что она движется: поспорили, да и согласились. То же съ давленіемъ воздуха, вытѣснившимъ гипотезу: „природа пустоты не терпитъ"; то же и со всѣми научными открытіями *).

Въ жизни конкретной совсѣмъ не то: воплощеніе не только идеи совершенно новой, но даже прямыхъ послѣдствій давно уже водворившейся въ сознаніи даннаго людского общества, — сопровождается самыми болѣзненными явленіями; слѣдовательно должна быть сила, препятствующая принятію идей чисто логическимъ путемъ. Наблюденіе показываетъ, что она дѣйствительно есть; это сила личнаго интереса и страстей, которая, при малѣйшей перемѣнѣ существующаго порядка (не говоря уже о коренныхъ перемѣнахъ), тотчасъ дѣлитъ общество на два враждебные лагеря: одинъ—стремящійся провести новое, другой—отстаивающій старое. Умственная сила, приведшая къ такому положенію, немощна одна разрѣшить его, ибо нельзя убѣдить словами противника, въ интересѣ котораго не признавать основательности вашихъ доводовъ: исходъ одинъ—борьба, которая будетъ тѣмъ ожесточеннѣе, чѣмъ убѣжденія святѣе, выше, а люди, ихъ исповѣдующіе—честнѣе, энергичнѣе.

Итакъ, основную силу, движущую человѣкомъ и людскими массами, составляютъ можетъ быть страсти? Опять

*) Хотя и въ чисто научныхъ открытіяхъ дѣло иногда доходило чуть не до костра; достаточно припомнить Галилея.

нѣтъ, ибо борьба возникаетъ всегда во имя чего нибудь, борьба изъ за ничего—безсмыслица. Это-то „что нибудь", составляющее цѣль борьбы, дается дѣятельностью ума, а не страстей; слѣдовательно обѣ силы дѣйствуютъ совмѣстно и современно. Но многіе случаи борьбы не могутъ быть объяснены и совокупнымъ дѣйствіемъ обѣихъ этихъ силъ: открывается третій разрядъ ихъ, уже совершенно независимыхъ отъ человѣка, но могущественно дѣйствующихъ въ явленіяхъ, которыя авторъ называетъ движеніями народовъ. Это силы природы, выражаемыя: вліяніемъ на массы климата, географическаго положенія и внутренней работой этнографическихъ и экономическихъ причинъ, которыя даютъ то или другое направленіе инстинктамъ, темпераменту, нравамъ, предрасположеніямъ и наклонностямъ расъ и народовъ.

Въ этой сложной игрѣ силъ при возникновеніи какого нибо факта и кроется разгадка того, что ни одна идея никогда не достигаетъ полнаго своего осуществленія: истина—гесьма мѣтко выражаемая извѣстной французской поговоркой: rien n'est plus faux qu'un fait.

Изъ этого же станетъ понятно, что требовать объясненія связи идей съ массами, какъ дѣлаетъ авторъ, то же самое, что требовать объясненія связи между мыслью, которая пришла въ голову человѣку, и этимъ человѣкомъ; между поступкомъ, на который онъ рѣшается для осуществленія мысли, и этой послѣдней и т. под.

По своему обычаю, авторъ, послѣ разсужденій, приводитъ уподобленіе: идетъ пароходъ, и движеніе его одинъ мужикъ объясняетъ чортомъ, другой движеніемъ колесъ, третій дымомъ, относимымъ вѣтромъ. Объясненіе явленій народной жизни вліяніемъ идей по автору то же, что объясненіе движенія парохода дымомъ. Предоставляемъ читателю рѣшить, серьезное-ли это уподобленіе, или только юношеское играніе для отвода глазъ.

Слѣдить за мыслью автора въ его послѣдующихъ разсужденіяхъ, уловить, чего онъ хочетъ и хочетъ-ли чего-нибо,—мы въ состояніи не были. Можетъ, читатели будутъ

счастливѣе: можетъ-быть, разсужденія автора носятъ въ себѣ глубокій смыслъ—мы не нашли его. Вѣчное повтореніе одного и того же, только въ измѣненной формѣ; поползновеніе сомнѣваться въ очевидныхъ фактахъ, ничѣмъ не оправдываемое; красивыя, но безсодержательныя фразы; произвольно поставленные вопросы и притянутые къ нимъ за волосы отвѣты; наконецъ, неподобныя уподобленія: все это—такъ показалось намъ по крайней мѣрѣ—тянется безъ всякой внутренней логической связи. Видно только, что авторъ тщится истреблять историковъ, но все какъ-то ходитъ кругомъ и около, а ничего яснаго не говоритъ.

Истины въ родѣ того, что источникъ власти не въ лицѣ, а въ отношеніяхъ его къ массамъ, что жизнь народовъ не вмѣщается въ жизнь *) нѣсколькихъ людей,—на томъ оригинальномъ основаніи, что связь между этими нѣсколькими людьми и народами будто-бы не найдена, что никогда ни одно приказаніе не возникаетъ самопроизвольно и не включаетъ въ себя цѣлаго ряда событій, но каждое приказаніе вытекаетъ изъ другого и никогда не относится къ цѣлому ряду событій, а всегда только къ одному моменту событія,—такъ и сыплются на затуркапнаго читателя, не могущаго ни по чему оріентироваться въ этомъ умозрительномъ дымѣ и чадѣ. Что же это? Неужели только „желаніе написать“ что-нибудь такое, чего до меня никто еще не написалъ“, какъ выражается одинъ изъ героевъ Тургенева?

Къ послѣдней изъ приведенныхъ общихъ истинъ авторъ пристегиваетъ вдругъ такое положеніе: Наполеонъ не могъ приказать походъ въ Россію и не приказывалъ его, на томъ, видите-ли, основаніи, что мысль похода въ Россію вызвала цѣлые милліоны приказаній и что многія изъ нихъ не осуществились. Да вѣдь, кажется, чего проще заказать самый простой обѣдъ; а и этого событія нельзя произвести однимъ словомъ, а нужно назначить блюда, какую купить

*) Пожалуй, съ этимъ можно согласиться, точно также какъ и съ тѣмъ, напр. что въ мозгу человѣка не можетъ помѣститься весь человѣкъ; но доказывать подобное общее мѣсто тѣмъ, что связь между руководителями и массами не найдена, можно-бы было, кажется, въ томъ только случаѣ, если бы руководители были существа особой породы, а не тѣ-же люди.

провизію и насколько человѣкъ; дать, или приказать дать деньги. Слѣдуетъ-ли же изъ этого, что вы не заказывали обѣда, еслибы, напр., случилось, что его не изготовили потому, что поваръ напился пьянъ, или по другой причинѣ?

Авторъ, открывъ это очевидное свойство мыслей и дѣйствій, по которому нѣтъ ни одного изъ нихъ простого, а всегда состоятъ они изъ комбинаціи нѣкотораго числа частныхъ мыслей и дѣйствій, остановился на этомъ открытіи и не желаетъ признавать существованія общихъ мыслей и общихъ дѣйствій, ибо это дастъ ему поводъ сказать, что историческіе дѣятели, не руководствуясь никакими цѣлями, бросаютъ зря и наобумъ, точно въ кошмарѣ, множество разнородныхъ приказаній, самымъ разнообразнымъ и неопредѣленнымъ образомъ направленныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ исполняются, большинство остается безъ исполненія (по мнѣнію автора, всякое исполненное приказаніе есть одно изъ *огромнаго* количества неисполненныхъ). Такъ какъ изъ исполненныхъ приказаній что нибудь-да выходитъ, то это что-нибудь историки и называютъ цѣлью, которую дѣятели себѣ предполагали.

Но, вѣдь, историки не подложили-же ни англійскому десанту ни березинскому отрѣзанію никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ не осуществившихся; въ послѣднемъ случаѣ скорѣе авторъ позаботился объ этой подставной цѣли, утверждая, будто отрѣзать французовъ и намѣренія не было, а думали только объ одномъ—изгнаніи французовъ изъ Россіи!

„Изъ безчисленнаго ряда неисполненныхъ приказаній наполеоновскихъ составился рядъ исполненныхъ приказаній для похода 12 г. не потому, чтобы приказанія эти отличались чѣмъ нибудь отъ другихъ, неисполненныхъ приказаній, а потому, что рядъ этихъ приказаній совпалъ съ рядомъ событій, приведшихъ французскія войска въ Россію“. Тутъ и логика, да ужъ за одно и слогъ: изъ ряда неисполненныхъ приказаній, составляются рядъ исполненныхъ...

Но выпьемъ чашу до дна. „Такъ что, разсматривая во времени отношеніе приказаній къ событіямъ, мы найдемъ, что приказаніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть при-

чиною*) событія, а что между тѣмъ и другимъ существ
етъ извѣстная опредѣленная зависимость“. Которую прост
смертные и называютъ причиною, прибавимъ отъ себя.

Черезъ фразу:

„Это отношеніе приказывающаго къ тѣмъ, которымъ он
приказываетъ и есть именно то, что называется властью“

Черезъ страницу:

„Это-то отношеніе лицъ приказывающихъ къ тѣмъ, ко
торымъ они приказываютъ, и составляетъ сущность поня
тія, называемаго властью“.

Т. е.—втираніе одного и того же при помощи повторе
нія; только власть изъ конкретнаго факта въ первомъ опре
дѣленіи обращается уже только въ понятіе во второмъ.

Поговоривъ обо всемъ этомъ на разные лады, авторъ
приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: „приказанія исполня
ются рѣдко; приказывающіе менѣе всего принимаютъ уча
стія въ событіи“. Странная, право, роль этихъ приказыва
ющихъ, по мнѣнію автора; ни къ чему она не ведетъ!
И какъ это человѣчество въ теченіи шести тысячъ лѣт
не удосужилось напасть на столь блистательное открытіе:
оно бы избавилось отъ лишняго груза.

Напавъ на свое открытіе, авторъ начинаетъ его втирать
переворачивая на всѣ лады. Мужики тащутъ бревно: „тот
изъ нихъ, кто больше работалъ руками, могъ меньше об
думывать то, что онъ дѣлалъ, и соображать то, что можетъ
выдти изъ общей дѣятельности, и приказывать. Тотъ, кто
приказывалъ вслѣдствіе своей дѣятельности словами (за
мѣтьто уже не мыслью, а только словами), очевидно, могъ
меньше дѣйствовать „руками“.

Затѣмъ показывается то же самое, только на идущемъ
кораблѣ, впереди котораго, конечно, будетъ струя, „кото
рая бурлитъ впереди его и *будетъ издали представляться
намъ не только произвольно движущейся, но и руководящею
движеніемъ*“ (!). Нужно надѣть особенныя очки, чтобы эт

*) Развѣ въ этомъ кто нибудь сомнѣвается? Всѣ, вѣдь, утверждаютъ, чт
обстоятельства вызываютъ событіе, а рядъ приказаній составляетъ разложен
основной мысли событія.

видѣть. Струя съ кораблемъ одного не составляетъ, какъ руководители съ массой. До чего можно договориться...

Въ заключеніе къ этому отдѣлу умозрительныхъ опытовъ говорится между прочимъ:

„Въ нравственномъ отношеніи причиною событія представляется власть; въ физическомъ отношеніи тѣ, которые подчиняются власти. Но такъ какъ нравственная дѣятельность не мыслима безъ физической *), то причина событія находится ни въ той ни въ другой, а въ соединеніи обѣихъ".

„Или, другими словами, къ явленію, которое мы разсматриваемъ, понятіе причины неприложимо".

Весьма вольный переводъ предыдущей мысли: до такой степени вольный, что мы не въ состояніи открыть между переводомъ и подлинникомъ никакой логической связи: причина явленія лежитъ въ совокупномъ дѣйствіи двухъ силъ; слѣдовательно, понятіе причины къ нему неприложимо..., по внѣшности, это просто безсмыслица; но, можетъ быть, въ ней кроется какой-нибудь таинственный смыслъ, профанамъ недоступный.

Далѣе авторъ разсуждаетъ о свободѣ воли человѣка и о законѣ необходимости...

Въ томъ же родѣ; только въ послѣдней части уже и сценъ нѣтъ, а одни только странныя, а иногда и совершенно непонятныя умствованія, которыя въ такомъ твореніи являются просто ненужнымъ балластомъ.

Если же авторъ себя переспилить не можетъ; если, одаренный изобразительною способностью, онъ предпочитаетъ упражняться въ умозрительствѣ, тогда ему не мѣшало бы по крайней мѣрѣ дать себѣ трудъ болѣе ознакомиться съ методами теоретическаго изслѣдованія, дабы сознательнѣе прилагать ихъ къ разбираемымъ вопросамъ. На одномъ геометрическомъ способѣ приведенія къ нелѣпости нельзя далеко уѣхать. Авторъ дошелъ уже до того, что для изслѣдованія какого-либо вопроса нужно разложить его на

*) Равно какъ и физическая безъ нравственной.

составныя части; но до того, что нужно ихъ опять сложить, т. е. отъ анализа перейти къ синтезу, онъ еще не дошелъ: эти два обстоятельства (геометрическій способъ аргументаціи и остановка на анализѣ) и ведутъ къ тому, что у автора все разлагается, все другъ другу противорѣчитъ, а онъ воображаетъ, что этому такъ и быть должно. Чувствуетъ онъ, что что-то неладно и въ крайности бросается въ непостижимое; т. е., не видя причины разладу (ибо она въ немъ самомъ), но чувствуя его, авторъ успокаиваетъ себя тѣмъ, что этой причины человѣкъ и знать не можетъ. Умственные реактивы тоже, что и химическіе: употреблять ихъ дѣльно можно, только зная ихъ свойства, а безъ этого можетъ случиться, что разложить еще разложите, хоть и съ грѣхомъ пополамъ, а соединить и не сумѣете.

Авторъ очутился именно въ такомъ положеніи. Если читатель припомнитъ, для него связь между руководителями и массами не найдена; между идеями, господствующими въ данную эпоху, и тѣми же массами—тоже не найдена; приказанія, очевидно клонящіяся къ осуществленію одной извѣстной цѣли, не имѣютъ между собою рѣшительно ничего общаго и т. д. Не напоминаетъ ли это химика, который, сумѣвъ разложить воду и не зная, какъ составить ее, вздумалъ бы утверждать, что ее и нѣтъ въ природѣ, а что есть только кислородъ и водородъ—газы совершенно по своимъ свойствамъ различные и не имѣющіе между собою ничего общаго?

М. Драгомировъ.

* * *

*) Въ судьбѣ гр. Л. Толстого есть много общаго съ судьбою Гоголя. Дѣятельность Гоголя, какъ всѣмъ извѣстно, имѣетъ два періода: въ первый періодъ онъ писалъ свои произведенія, не задаваясь никакими особенными замыслами: повинуясь своему непосредственному творчеству,

*) Отрывокъ изъ статьи А. Скабичевскаго: „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой— какъ художникъ и мыслитель“. „Отечественныя Записки“ 1872 г.

онъ воспроизводилъ жизнь такъ, какъ она представлялась его художественному наблюденію, и несмотря на такую, повидимому, безцѣльность творчества, каждое произведеніе его этого періода исполнено глубокаго и важнаго содержанія, что зависѣло ни отъ чего иного, какъ отъ громадной силы творческихъ способностей Гоголя, умѣвшаго быстро схватывать общія и существенныя явленія жизни. Въ концѣ этого періода онъ началъ писать „Мертвыя Души", имѣя первоначально въ виду опять-таки ничего болѣе, какъ нѣсколько картинъ изъ нравовъ русскаго захолустья. — Но вотъ наступилъ для Гоголя періодъ мистицизма; сообразно новому психическому настроенію, Гоголю недостаточно уже показалось прежняго непосредственнаго творчества.

Онъ началъ стремиться къ тому, чтобы каждый его шагъ въ жизни былъ исполненъ высшихъ цѣлей, стремился къ осуществленію тѣхъ мистическихъ идеаловъ, которые онъ себѣ поставилъ; сообразно этому онъ сталъ задавать себѣ вопросы: къ чему я пишу? какая цѣль всего этого осмѣянія пошлости? Вся его литературная дѣятельность показалась ему безцѣльною, и онъ началъ ее искусственно направлять къ своимъ идеаламъ.—Мы знаемъ, какъ это отразилось на „Мертвахъ Душахъ". Въ первой части „Мертвыхъ Душъ" мы видимъ того-же Гоголя, какой извѣстенъ намъ по „Миргороду", „Арабескамъ". „Ревизору"; но чѣмъ далѣе подвигаемся мы въ чтеніи второй части, тѣмъ болѣе Гоголь-художникъ превращается передъ нами въ Гоголя-мистика, являются божественные помѣщики и божественные откупщики, очевидно, взятые не изъ жизни, а отвлеченно задуманные въ высшихъ соображеніяхъ; начинаются мистическія разсужденія и, надо полагать, что если бы Гоголю удалось кончить „Мертвыя Души", въ третьей части не было-бы уже и слѣда чего либо художественнаго, какихъ-либо характеровъ, сценъ, а былъ-бы рядъ поученій въ духѣ „Переписки съ друзьями".

Совершенно то же самое представляетъ гр. Л. Толстой въ своей литературной дѣятельности. — Всѣ произведенія его до „Войны и Мира" являются передъ нами плодомъ

непосредственнаго творчества и соотвѣтствуютъ вполнѣ первому періоду литературной дѣятельности Гоголя. Богатство ихъ содержанія въ свою очередь зависитъ отъ массы художественныхъ наблюденій гр. Толстого и силы его творческихъ способностей, при помощи которыхъ онъ усвоилъ эту массу и вывелъ изъ нея нѣсколько существенныхъ обобщеній жизни.

„Война и Миръ" по обширности замысла играетъ такую же роль относительно предыдущихъ произведеній гр. Толстого, какую играютъ „Мертвыя Души" въ ряду прочихъ произведеній Гоголя. Отъ мелкихъ очерковъ, частныхъ эпизодовъ жизни, гр. Толстой приступаетъ къ обширной эпопеѣ, имѣющей цѣлію представить цѣлую историческую эпоху во всемъ разнообразіи ея жизни.

И опять-таки, подобно Гоголю, гр. Толстой въ первой половинѣ своего произведенія (въ первыхъ 3-хъ томахъ) является передъ нами тѣмъ-же гр. Толстымъ, какимъ мы его знали прежде.—Повидимому, онъ не имѣетъ въ виду ничего иного, какъ только представить галлерею картинъ изъ жизни великосвѣтскаго общества начала нынѣшняго столѣтія.—Съ этой стороны романъ не только представляется безукоризненнымъ, но его можно поистинѣ назвать явленіемъ, небывалымъ еще въ нашей литературѣ, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ ея. Въ самомъ дѣлѣ, въ литературѣ нашей вы найдете множество романовъ, повѣстей, драмъ и комедій и даже поэмъ изъ великосвѣтской жизни,—но вы не найдете такого полнаго, обстоятельнаго, рельефнаго изображенія этой жизни, какое представляется вамъ въ „Войнѣ и Мирѣ". Здѣсь вы видите рядъ существенныхъ типовъ великосвѣтской среды, исчерпывающихъ все ея содержаніе. Поистинѣ такіе характеры, какъ семейство Болконскихъ, Курагиныхъ, Ростовыхъ, Пьеръ Безухій, Долоховъ, Билибинъ и пр., и пр.—представляютъ типы нисколько не менѣе существенные, чѣмъ безсмертные типы „Мертвыхъ Душъ", и могутъ служить для той среды, представителями которой являются они. такими же родовыми названіями, кличками, какъ Чичиковъ, Маниловъ, Ноздревъ

Плюшкинъ и проч. Типы эти изслѣдованы во всѣхъ основныхъ пружинахъ своей жизни и въ самыхъ мельчайшихъ психическихъ движеніяхъ. Всѣ ихъ можно подраздѣлить на четыре разряда. Одни изъ нихъ, каковы Курагины, Долоховъ, представляютъ послѣднюю степень нравственнаго растлѣнія, доходящую до отсутствія въ нихъ всего человѣческаго не только по отношенію къ людямъ иныхъ слоевъ общества, но и къ стоящимъ на одной съ ними высотѣ; это римляне послѣдняго періода имперіи, люди, приближаться къ которымъ положительно опасно, потому что въ случаѣ надобности они не только готовы унизить ваше человѣческое достоинство, лишить васъ чести, пустить васъ по міру въ одной рубашкѣ, но даже и отправить васъ на тотъ свѣтъ. При этомъ нужно замѣтить, что самые страшные изъ этихъ плотоядныхъ звѣрей суть такіе, которые при всѣхъ своихъ чудовищныхъ свойствахъ сохраняютъ извѣстную долю сдержанности, такта, изворотливости, которые постоянно себѣ на умѣ и умѣютъ надѣвать на себя личины различныхъ добродѣтелей, каковъ, напримѣръ, князь Курагинъ; не менѣе ужасенъ и Долоховъ съ своею отчаянною дерзостью, стальными нервами и обаяніемъ недюжинныхъ силъ, сидѣвшихъ въ этомъ человѣкѣ. Въ лицѣ Долохова гр. Толстой окончательно развѣнчиваетъ и ставитъ на свое мѣсто тотъ демоническій типъ, который въ 30-е и 40-е годы былъ столь любезенъ нашей художественной литературѣ, что она, и до сихъ поръ, не можетъ вспомнить о немъ безъ нѣкотораго томнаго вздоха. Долоховъ—это почти тотъ-же Печоринъ,—но, вмѣсто удивленія, возбуждающій подъ правдивымъ перомъ гр. Толстого одно омерзѣніе. Большаго снисхожденія заслуживаютъ типы въ родѣ Анатолія Курагина и сестры его Елены Безухой,—въ томъ отношеніи, что животные инстинкты до такой уже степени заглушаютъ въ нихъ и разсудокъ и волю, что по большей части герои эти сами дѣлаются жертвами своего разврата.

Ко второй категоріи принадлежатъ карьеристы, въ родѣ Бориса Друбецкаго, Берга, выслуживающіе и наживающіеся.

Вѣчно приглаженные и припомаженные, умѣренные въ своихъ страстяхъ и привычкахъ, сдержанные и почтительные, они имѣютъ видъ порядочныхъ людей, но въ сущности въ нихъ не болѣе человѣчности, чѣмъ и въ людяхъ первой категоріи. Они не сдѣлаютъ вамъ безъ нужды зла, — и только, но не ждите отъ нихъ добра, помощи, участія: сухи и холодны они ко всему, въ чемъ не видятъ своего личнаго блага. Ихъ дружба и любовь — опредѣляются различными служебными видами, и какъ бы вы глубоко ни были привязаны къ одному изъ такихъ господъ, если только можно быть къ нимъ привязаннымъ, будьте увѣрены, что выжавши изъ васъ весь нужный для нихъ сокъ, они васъ бросятъ, какъ тряпку, едва только потеряютъ въ васъ надобность. Такъ Борисъ прекратилъ дружбу съ Ростовымъ, которымъ былъ облагодѣтельствованъ, какъ только всталъ на свои ноги. Въ своихъ служебныхъ и другихъ узкосвоекорыстныхъ разсчетахъ, они не любятъ бывать въ обществѣ людей, не только стоящихъ ниже ихъ, но и равныхъ, и предпочитаютъ забираться въ высшія сферы, гдѣ низкопоклонничая и услуживая, мало-по-малу втираются въ довѣріе, затѣмъ незамѣтно становятся на равную ногу и лѣзутъ еще выше.

Къ третьей категоріи относятся Ростовы. Это люди, у которыхъ вы найдете много человѣческаго: они способны безкорыстно любить и увлекаться, способны подъ-часъ на какой-нибудь высокій порывъ подъ вліяніемъ минуты, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вы видите въ нихъ полное отсутствіе всякой цѣли въ жизни, какого-нибудь серьезнаго дѣла, малѣйшаго анализа жизни и людей. Это какія-то взрослыя дѣти съ безмятежными дѣтскими вѣрованіями и воззрѣніями на міръ, слѣпо отдающіяся настоящей минутѣ, вѣчно жаждущія широкаго и свѣтлаго веселья, счастія. Если жизнь иногда и угоститъ ихъ какою-нибудь горькою минутою, стоитъ погладить ихъ по головкѣ и поднесть имъ новую игрушку, и они мигомъ забываются, утѣшаются и опять довольны и веселы; если вдругъ подвернутся обстоятельства, которыя нарушаютъ неприкосновенность ихъ дѣтскихъ воз-

зрѣній, они слѣпо гонятъ отъ себя прочь сомнѣнія и считаютъ какимъ-то преступленіемъ допускать въ себѣ малѣйшую самостоятельность мысли. Такъ, когда имѣніе ихъ отъ слишкомъ широкой жизни разстраивается, они спѣшатъ выписать изъ полка сына своего Николушку, воображая, что онъ какимъ-то небеснымъ чудомъ выручитъ изъ бѣды. Николушка пріѣзжаетъ; ничего не понимая въ счетахъ и разсчетахъ по имѣнію, набрасывается на управляющаго Митеньку, осыпавъ его градомъ ругательствъ, сбрасываетъ его съ лѣстницы, и все семейство сразу успокоивается послѣ такой сцены, какъ будто отъ одного этого имѣніе должно поправиться, и затѣмъ снова начинается рядъ веселыхъ праздниковъ и охотъ. Такъ впечатлительная Наташа, почитавшая своимъ долгомъ влюбляться въ каждаго встрѣчнаго новаго мужчину, вдругъ вздумала послѣ помолвки своей съ княземъ Андреемъ бѣжать съ Анатолемъ Курагинымъ. Послѣ скандала, какой вышелъ изъ этого, и отказа жениха, она впала въ отчаяніе, была близка къ смерти, но стоило Пьеру Безухову радушно улыбнуться ей и сказать нѣсколько словъ участія, и она снова разцвѣла, и всего прежняго какъ не бывало. Такъ Николай Ростовъ послѣ тильзитскаго мира, несправедливости, которой подвергся другъ его Денисовъ, ужасающаго зрѣлища госпиталей, раненыхъ, вдругъ исполнился неожиданныхъ сомнѣній, готовыхъ поколебать весь его экстазъ, которымъ онъ проникался на различныхъ смотрахъ и парадахъ; но онъ, ударивъ злобно по столу кулакомъ, скричалъ товарищу, который выражалъ подобныя-же сомнѣнія:

— Наше дѣло исполнять свой долгъ, рубиться и не думать, вотъ и все. И сомнѣній его какъ не бывало.

Къ четвертой категоріи относятся люди, развившіе въ себѣ высшія умственныя и нравственныя стремленія путемъ чтенія и размышленій. Они постоянно спрашиваютъ себя: зачѣмъ мы живемъ, ищутъ цѣли жизни, стараются анализировать и опредѣлять различныя явленія, окружающія ихъ, отношенія свои къ другимъ людямъ. Таковы князья Болконскіе отецъ, дочь Марія и сынъ Андрей, Пьеръ Безухій.

Но такъ какъ они продолжаютъ стоять въ тѣхъ-же ненормальныхъ условіяхъ жизни, то цѣли, которыя они себѣ ставятъ, не выходятъ естественно изъ ихъ жизни и натуры, а искуственно придумываются, чтобы хоть чѣмъ нибудь наполнить пустоту жизни, и какъ такія цѣли ни прекрасны бываютъ въ теоріи—осуществленныя онѣ или обращаются въ ничто, или, вмѣсто добра, приносятъ неожиданное зло тѣмъ людямъ, къ которымъ относятся. Однимъ словомъ, здѣсь мы встрѣчаемся съ тою-же нехлюдовщиною.

Такъ старикъ Болконскій, отставной генералъ-аншефъ екатерининскихъ временъ, жившій безвыѣздно въ деревнѣ, твердившій, что есть только два источника людскихъ пороковъ: праздность и суевѣріе, и вслѣдствіе этого убѣжденія наполнявшій свою жизнь никому не нужною дѣятельностью въ родѣ точенія на токарномъ станкѣ, перестроекъ по имѣніямъ и выкладокъ изъ высшей математики, державшій весь домъ подъ гнетомъ суроваго деспотизма,—воображалъ, что существенная цѣль, оставшаяся ему въ жизни — воспитаніе дочери Маріи. Но все это воспитаніе заключалось въ томъ, что онъ до двадцати лѣтъ давалъ ей уроки алгебры и геометріи, глумился надъ ея некрасивостью и распредѣлялъ всю ея жизнь въ безпрерывныхъ занятіяхъ. Молодая дѣвушка до такой степени была подавлена его деспотизмомъ, что, входя въ кабинетъ отца, молилась предварительно, чтобы свиданіе сошло благополучно. Подъ вліяніемъ такого страха, молодая дѣвушка, очевидно, не могла ничего понимать изъ геометрическихъ толкованій отца, что каждый разъ окончательно выводило изъ себя старика и происходили бурныя сцены. Подъ вліяніемъ такого деспотизма, Марія кинулась въ крайній мистицизмъ: читала мистическія книги, окружала себя странниками и калѣками, мечтала сама сдѣлаться странницею, и воображала, что главная цѣль ея жизни — самоотверженіе ради отца. Обезличеніе ея при этомъ доходило до такой степени, что она, столь терпѣвшая отъ отца, приходила въ ужасъ, когда братъ ея, князь Андрей, относился въ ея глазахъ къ отцу критически. Вмѣстѣ съ тѣмъ, живя постоянно въ

отвлеченномъ мірѣ духовныхъ созерцаній, перемѣшанныхъ съ сухими алгебраическими выкладками — она не имѣла ни малѣйшаго понятія ни о людяхъ ни о жизни, до крайней и самой комической наивности. Такъ, когда князь Курагинъ пріѣхалъ къ нимъ сватать сына, она тотчасъ-же плѣнилась молодымъ человѣкомъ. Онъ ей показался добръ, храбръ, рѣшителенъ, мужественъ и великодушенъ. Потомъ она застала весьма скандалезную сцену между Анатолемъ и гувернанткою-француженкою M-lle Bourienne; но и тутъ она не разочаровалась въ своемъ женихѣ: она поняла въ своей наивности сцену эту такъ, что Анатоль и M-lle Bourienne влюбились другъ въ друга; въ то-же время разсудила — что она не должна мѣшать ихъ счастію, такъ какъ цѣль ея жизни — самоотверженіе, и отказала жениху на этомъ основаніи. Но еще комичнѣе представляется сцена ея съ возмутившимися крестьянами при нашествіи французовъ.—Возбужденные ложными слухами, крестьяне ожидали отъ французовъ воли, и не только не хотѣли сами переселяться при ихъ нашествіи, но не соглашались отпустить и барышню, которая осталась въ имѣніи одна послѣ смерти отца. Между тѣмъ, Марія поняла ихъ волненіе такимъ образомъ, что они боятся, что она уѣдетъ и оставитъ ихъ въ жертву французамъ, и она обратилась къ собравшимся крестьянамъ съ такою рѣчью:

— Я очень рада, что вы пришли, начала княжна Марія, не поднимая глазъ и чувствуя, какъ быстро и сильно билось ея сердце.—Мнѣ Дронушка сказалъ, что васъ разорила война. Это наше общее горе, и я ничего не пожалѣю, чтобы помочь вамъ. Я сама ѣду, потому что опасно здѣсь... и непріятель близко... потому что... Я вамъ отдаю все, мои друзья, и прошу васъ взять все, весь хлѣбъ нашъ, чтобы у васъ не было нужды. А если вамъ сказали, что я отдаю вамъ хлѣбъ съ тѣмъ, чтобы вы остались здѣсь, то это неправда. Я, напротивъ, прошу васъ уѣзжать со всѣмъ вашимъ имуществомъ въ нашу подмосковную, и тамъ я беру на себя и обѣщаю вамъ, что вы не будете нуждаться. Вамъ дадутъ и домы и хлѣба.—Княжна остановилась. Въ толпѣ только слышались вздохи.

Я не отъ себя дѣлаю это, продолжала княжна, я это дѣлаю

именемъ покойнаго отца, который былъ вамъ хорошимъ бариномъ, и за брата и за его сына.

— Вишь научила ловко, за ней въ крѣпость поди! Дома разори, да въ кабалу и ступай. Какъ же? Я хлѣбъ, молъ, отдамъ! слышались голоса въ толпѣ. Княжна Марья, опустивъ голову, вышла изъ круга и пошла въ домъ.

„Долго эту ночь, читаемъ мы далѣе, княжна Марья сидѣла у открытаго окна въ своей комнатѣ, прислушиваясь къ звукамъ говора мужиковъ, доносившагося съ деревни, но она не думала о нихъ. Она чувствовала, что сколько бы она ни думала о нихъ, она не могла бы понять ихъ...“

Становится просто жалко и страшно за человѣка при видѣ такого крайняго идіотизма, до котораго была доведена дѣвушка, сама по себѣ неглупая и съ различными идеальными стремленіями.

Что касается до брата ея, князя Андрея, то на первый взглядъ онъ вамъ можетъ показаться человѣкомъ съ глубокимъ умомъ, твердымъ и энергическимъ характеромъ, солиднымъ, практическимъ, но вглядѣвшись пристальнѣе въ различныя пертурбаціи его жизни, вы открываете въ немъ тѣ же знакомыя вамъ черты Нехлюдова. Женившись, Богъ вѣсть какъ, на пустомъ и кокетливомъ свѣтскомъ ребенкѣ, онъ скучаетъ женою, скучаетъ свѣтскою жизнію. „Свяжи, говоритъ онъ, себя съ женщиной, и, какъ скованный колодникъ, теряешь всякую свободу. И все, что есть въ тебѣ надежды и силъ, все только тяготитъ и раскаяніемъ мучаетъ тебя. Гостиныя сплетни, балы, тщеславіе, ничтожество, — вотъ заколдованный кругъ, изъ котораго я не могу выйти. Я теперь отправляюсь на войну, на величайшую войну, какая только бывала, а я ничего не знаю и никуда не гожусь...“

Однакожъ онъ отправился таки на войну, и здѣсь мы встрѣчаемся съ поразительною двойственностью логики въ подобныхъ людяхъ: съ одной стороны, вы видите въ немъ сознаніе, что онъ ничего не знаетъ и никуда не годится, но это сознаніе не мѣшаетъ ему мечтать, что онъ совершитъ одинъ или нѣсколько такихъ подвиговъ, что сдѣлается спасителемъ отечества, и слава его вознесется на-

равнѣ съ Наполеономъ. Эти мечты особенно обуяли его, когда онъ узналъ о переходѣ французовъ чрезъ Таборскій мостъ и объ опасности, въ которую была этимъ переходомъ поставлена русская армія. „Извѣстіе это, читаемъ мы въ романѣ, было горестно и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно князю Андрею. Какъ только онъ узналъ, что русская армія находится въ такомъ безнадежномъ положеніи, ему пришло въ голову, что ему-то именно предназначено вывести русскую армію изъ этого положенія, что вотъ онъ тотъ Тулонъ, который выведетъ его изъ рядовъ неизвѣстныхъ офицеровъ и откроетъ ему первый путь къ славѣ! Слушая Билибина, онъ соображалъ уже, какъ, пріѣхавъ въ армію, онъ на военномъ совѣтѣ подастъ мнѣніе, которое одно спасетъ армію, и какъ ему одному будетъ поручено исполненіе этого плана".

Не правда-ли, какъ напоминаютъ подобныя мечты весь сонмъ Нехлюдовыхъ?

Мы уже говорили выше, что сразу безъ труда, безъ борьбы сдѣлаться историческимъ героемъ, благодѣтелемъ и спасителемъ человѣческаго рода — объ этомъ только и мечтаютъ Нехлюдовы, въ этомъ только и полагаютъ они всю цѣль жизни; всѣ другія, болѣе скромныя цѣли, кажутся имъ жалкимъ удѣломъ толпы, недостойными ихъ милости.

Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ однимъ изъ тѣхъ сопоставленій, которыя составляютъ отличительную черту таланта гр. Толстого и такъ рѣзко оттѣняютъ несостоятельность его героевъ. Между тѣмъ, какъ князь Андрей все ждалъ минуты, когда онъ со знаменемъ въ рукахъ спасетъ все россійское войско, онъ встрѣтилъ наканунѣ передъ дѣломъ при Шенграбенѣ въ палаткѣ маркитанта маленькаго, грязнаго, худого артиллерійскаго офицера Тушина, который былъ безъ сапогъ, отдавши ихъ сушить маркитанту. Въ немъ не было и тѣни чего-нибудь героическаго, и вѣроятно, ему и въ голову не приходило спасать Россію. Робкій и застѣнчивый передъ начальствомъ, онъ представлялъ въ своей фигурѣ что-то особенное, совершенно не военное, нѣсколько комическое, но чрезвычайно привлекательное.

И каково-же было удивленіе князя Андрея, когда на другой день, между тѣмъ какъ онъ безъ пользы слонялся по полю сраженія, этотъ невзрачный офицерикъ оказался истиннымъ героемъ, и тѣмъ болѣе поразительнымъ, что геройство это было совершенно безсознательное. Будучи начальникомъ батареи, расположенной въ центрѣ, онъ одинъ съ небольшою ротою, безъ прикрытія, держался съ четырьмя пушками до самаго конца дѣла, отразилъ картечью двѣ атаки и зажегъ деревню Шенграбенъ, между тѣмъ какъ непріятель выставилъ противъ этой назойливой батареи десять пушекъ, полагая, что тутъ сосредоточены главныя наши силы и никакъ не воображая дерзости стрѣльбы четырехъ никѣмъ не защищенныхъ пушекъ. Поразительнѣе всего при этомъ было то, что Тушинъ и не замѣчалъ своего отчаяннаго геройства. Онъ былъ на батареѣ, какъ дома, покуривалъ свою коротенькую трубочку, дружески разговаривалъ со своими пушками, называя ихъ различными прозвищами, иногда поморщивался, когда возлѣ него падалъ какой-нибудь солдатикъ, и только тогда окончилъ свое дѣло, когда получилъ черезъ Болконскаго приказаніе отступать. И, какъ часто встрѣчается съ истинными героями, вмѣсто удивленія и награды, онъ получилъ выговоръ отъ главнокомандующаго, зачѣмъ при отступленіи не успѣлъ захватить съ собою всѣхъ пушекъ.

„Въ то время на порогѣ показался Тушинъ, читаемъ мы въ романѣ: — робко пробиравшійся изъ-за спинъ генераловъ. Обходя генераловъ въ тѣсной избѣ, сконфуженный какъ и всегда при видѣ начальства, Тушинъ не разсмотрѣлъ древка знамени и споткнулся на него. Нѣсколько голосовъ засмѣялось.

— Какимъ образомъ орудіе оставлено? спросилъ Багратіонъ, нахмурившись не столько на капитана, сколько на смѣявшихся, въ числѣ которыхъ громче всѣхъ былъ Жерковъ. Тушину теперь только, при видѣ грознаго начальства, во всемъ ужасѣ представилась его вина и позоръ въ томъ, что онъ, оставшись живъ, потерялъ два орудія. Онъ такъ былъ взволнованъ, что до сей минуты не успѣлъ подумать объ этомъ. Смѣхъ офицеровъ еще больше сбилъ его съ толку. Онъ стоялъ передъ Багратіономъ съ дрожащею нижнею челюстью, и едва проговорилъ: Не знаю... ваше сіятельство... людей не было, ваше сіятельство.

— Вы бы могли изъ прикрытія взять!

Что прикрытія не было, этого не сказалъ Тушинъ, хотя это была сущая правда. Онъ боялся *подвести* этимъ другого начальника и молча, остановившимися глазами, смотрѣлъ прямо въ лицо Багратіону, какъ смотритъ сбившійся ученикъ въ глаза экзаменатору.

Молчаніе было довольно продолжительно. Князь Багратіонъ, видимо, не желая быть строгимъ, не на ходилъ что сказать, остальные не смѣли вмѣшаться въ разговоръ. Князь Андрей исподлобья смотрѣлъ на Тушина, а пальцы его рукъ первически двигались.

— Ваше сіятельство, прервалъ князь Андрей молчаніе своимъ рѣзкимъ голосомъ:—вы меня изволили послать къ батареѣ капитана Тушина. Я былъ тамъ и нашелъ двѣ трети людей и лошадей перебитыми, два орудія исковерканными и прикрытія никакого. Князь Багратіонъ и Тушинъ одинаково упорно смотрѣли теперь на сдержанно и взволнованно говорившаго Болконскаго.

— И ежели, ваше сіятельство, позволите мнѣ высказать свое мнѣніе, продолжалъ онъ:—то успѣхомъ дня мы обязаны болѣе всего дѣйствію этой батареи и геройской стойкости капитана Тушина съ его ротой, сказалъ князь Андрей, и не ожидая отвѣта, тотчасъ же всталъ и отошелъ отъ стола.

Князь Багратіонъ посмотрѣлъ на Тушина, и, видимо не желая сказать недовѣрія къ рѣзкому сужденію Болконскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя себя не въ состояніи вполнѣ вѣрить ему, наклонилъ голову и сказалъ Тушину, что онъ можетъ идти. Князь Андрей вышелъ за нимъ.

— Вотъ спасибо, выручилъ, голубчикъ, сказалъ ему Тушинъ. Князь Андрей оглянулъ Тушина и, ничего не сказавъ, отошелъ отъ него. Князю Андрею было грустно и тяжело. Все это было такъ странно, такъ не похоже на то, чего онъ надѣялся".

Я не знаю, нужно-ли входить въ дальнѣйшія разъясненія всей глубины и мѣткости подобнаго сопоставленія мишурнаго, кичливаго стремленія къ геройству, изъ котораго никогда ничего не выходитъ, какъ изъ лопнувшаго мыльнаго пузыря, рядомъ съ истиннымъ геройствомъ, которое сплошь и рядомъ всплываетъ неожиданно въ жизни въ какомъ-нибудь маленькомъ, незамѣтномъ, смѣшномъ человѣкѣ, и сіяетъ кроткою, гуманною простотою, соединяясь иногда съ наивною робостью и застѣнчивостью передъ ложнымъ блескомъ различныхъ надутыхъ и пустыхъ величій. Вышеприведенная сцена говоритъ сама по себѣ ясно и вразуми-

тельно: ничтожному изъ малыхъ сихъ ничего не стоитъ затмить тебя, высокопарный герой высшаго полета. Выведеніе на сцену Тушина рядомъ съ Болконскимъ принадлежитъ, по моему мнѣнію, къ числу самыхъ свѣтлыхъ, можно сказать, великихъ проблесковъ таланта гр. Толстого.

Послѣ того, какъ Болконскому не удалось спасти отъ гибели русскую армію, раненый, онъ вышелъ въ отставку и захандрилъ. Отъ скуки онъ занялся различными либеральными идеями, бродившими въ то время въ обществѣ; такъ, занявшись устройствомъ имѣній, онъ перечислилъ 300 душъ крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы (это былъ одинъ изъ первыхъ примѣровъ въ Россіи), въ другихъ барщину замѣнилъ оброкомъ. Это было поистинѣ единственное доброе дѣло, которое онъ сдѣлалъ въ продолженіе всей своей жизни. Но вы подумаете, можетъ быть, что онъ это сдѣлалъ, проникнутый тою гуманною, христіанскою, теплою любовью къ низшимъ міра сего, которая одна могла бы смирить его гордыню, смягчить его черствое сердце, утолить его праздную тоску и наполнить пустоту его жизни?.. Нѣтъ, видно, то безпредѣльное небо, которое созерцалъ онъ съ такимъ умиленіемъ, раненый при Аустерлицѣ — внушало ему болѣе любви къ самому себѣ, чѣмъ къ ближнимъ. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что послѣ всѣхъ своихъ возвышенныхъ мыслей онъ не сдѣлался хоть на столько человѣчнѣе, чтобы постыдиться произносить подобныя циническія рѣчи:

— Ну, вотъ ты хочешь освободить крестьянъ, говорилъ онъ Пьеру:—это очень хорошо; но не для тебя (ты, я думаю, никого не засѣкалъ и не посылалъ въ Сибирь), и еще меньше для крестьянъ. Ежели ихъ бьютъ, сѣкутъ, посылаютъ въ Сибирь, то я думаю, что имъ отъ этого нисколько не хуже. Въ Сибири ведетъ онъ ту же свою скотскую жизнь, а рубцы на тѣлѣ заживутъ, и онъ такъ же счастливъ, какъ и былъ прежде. А нужно это для тѣхъ людей, которые гибнутъ нравственно, наживаютъ себѣ раскаяніе, подавляютъ это раскаяніе и грубѣютъ отъ того, что у нихъ есть возможность казнить право и неправо. Вотъ кого мнѣ жалко и для кого бы я желалъ освободить крестьянъ. Ты, можетъ быть, не видалъ, а я видѣлъ, какъ хорошіе люди, воспитанные въ этихъ преданіяхъ неограниченной власти, съ годами, когда они дѣлаются

раздражительнѣе, дѣлаются жестоки, грубы, знаютъ это, не могутъ удержаться и все дѣлаются несчастнѣе и несчастнѣе. Князь Андрей говорилъ это съ такимъ увлеченіемъ, что Пьеръ невольно подумалъ о томъ, что мысли эти наведены были Андрею его отцомъ. Онъ ничего не отвѣчалъ ему.

— Такъ вотъ кого мнѣ жалко — человѣческаго достоинства, спокойствія совѣсти, чистоты, а не ихъ спинъ и лбовъ, которыя, сколько ни сѣки, сколько ни брей, все остаются такими же спинами и лбами".

Подумаешь, до какого отсутствія всякой здравой логики можетъ довести человѣка безчеловѣчіе узкаго сословнаго эгоизма. Андрей не въ силахъ оказывается понять той простой истины, что грубость, жестокость потому только и могутъ считаться пороками, ведущими за собой угрызенія совѣсти, что онѣ причиняютъ страданія тѣмъ людямъ, на которыхъ обрушиваются. Если же князь Андрей полагалъ, что сколько ни сѣки спинъ, ни брей лбовъ, они все останутся такими же спинами и лбами, и что мужикамъ нисколько не хуже, если ихъ бьютъ, сѣкутъ, посылаютъ въ Сибирь,—то спрашивается, что же послѣ этого находилъ онъ худого въ грубости и жестокости людей своей среды? На какомъ иномъ основаніи мы не раскаяваемся въ жестокости и не грубѣемъ, когда колемъ на щепы дерево или рвемъ на клочки бумаги, какъ не въ томъ убѣжденіи, что дерево и бумага не чувствуютъ при этомъ ни нравственной ни физической боли?

Если во всякомъ случаѣ лучшій представитель своей среды является передъ нами въ такомъ печальномъ видѣ, то я не знаю, нужно ли послѣ того много распространяться о Пьерѣ Безухомъ, объ этой жалкой игрушкѣ въ рукахъ всѣхъ окружавшихъ его людей, у котораго вся жизнь представляетъ рядъ непредвидимыхъ случайностей, бросающихъ его, какъ куклу, то въ ту, то въ другую сторону, безъ малѣйшей упругости сопротивленія съ его стороны. Отвлеченный теоретикъ, увлекавшійся французскою революціею и поклонявшійся Наполеону, онъ все ищетъ, какимъ бы заняться ему дѣломъ, и вдругъ неожиданно дѣлается первымъ богачомъ, наслѣдуя титулы и имѣнія графа Безухова;

втягивается въ омутъ свѣтской жизни, опивается, объѣдается, женится на Еленѣ Курагиной, увлекшись бѣлизною ея плечъ, для того, чтобы разойтись съ нею при первой ей измѣнѣ и вызвать на дуэль перваго ея любовника. Столь же неожиданно дѣлается потомъ изъ вольтеріанца массономъ, встрѣтясь во время пути на станціи съ старымъ массономъ временъ Екатерины, пишетъ мистическій дневникъ, разъѣзжаетъ по своимъ имѣніямъ съ цѣлію улучшить бытъ крестьянъ, заводитъ школы, больницы, аптеки и остается доволенъ своею дѣятельностью, особенно торжественными встрѣчами, какія устраиваютъ ему крестьяне по приказу управляющихъ, и не замѣчаетъ при этомъ, сколько новыхъ тягостей налагаютъ на крестьянъ эти управляющіе по причинѣ его благодѣтельныхъ распоряженій. Передъ войною 12-го года онъ, посредствомъ мистическихъ выкладокъ, преобразовавши при этомъ свою фамилію въ l'Russe Besuhof, опредѣлилъ, что судьба его связана таинственною связью съ судьбою Наполеона, и исполнился великой радости, мечтая, что „его любовь къ Ростовой, антихристъ, нашествіе Наполеона, комета, 666, l'empereur Napoleon и l'Russe Besuhof,—все это вмѣстѣ должно было созрѣть, разразиться и вывести его изъ того заколдованнаго, ничтожнаго міра московскихъ привычекъ, въ которыхъ онъ чувствовалъ себя плѣненнымъ, и привести его къ великому подвигу и великому счастію“. Въ такихъ мечтаніяхъ онъ полетѣлъ въ дѣйствующую армію, не опредѣляясь однакоже въ военную службу, безцѣльно толкался по батареямъ во время бородинскаго сраженія, остался въ Москвѣ во время вступленія въ нее французовъ; тутъ созрѣла у него мысль убить Наполеона; онъ одѣлся въ мужицкое платье, купилъ пистолетъ и ножъ, но, вмѣсто исполненія своего трагическаго замысла, очень весело побесѣдовалъ о любви съ французскимъ капитаномъ за бутылкой бордо, и потомъ былъ захваченъ французами по подозрѣнію въ поджигательствѣ на пожарѣ, гдѣ онъ спасалъ изъ огня какого-то ребенка.

Однимъ словомъ, въ Пьерѣ Безухомъ является передъ нами Нехлюдовъ начала нынѣшняго столѣтія въ полномъ

своемъ блескѣ, со всѣми своими характеристическими особенностями, въ такой неподкрашенной правдѣ, въ какой одинъ только гр. Толстой умѣетъ воспроизводить подобные типы.

Тремя первыми частями исчерпывается, по нашему мнѣнію, романъ во всемъ, что только есть въ немъ лучшаго. Не отрицаю, что въ слѣдующихъ частяхъ есть въ немъ множество прекрасныхъ сценъ и картинъ, стоящихъ вполнѣ въ уровнѣ таланта гр. Толстого, но со второю половиною романа случилась исторія, во многомъ напоминающая собою исторію съ „Мертвыми Душами“ Гоголя. Чѣмъ далѣе читаете вы романъ, тѣмъ болѣе и болѣе непосредственно прекрасное художественное творчество автора смѣняется передъ вами — странною неестественностью, надуманностію. Безпристрастное отношеніе къ изображаемымъ предметамъ смѣняется односторонними, пристрастными взглядами на нихъ съ точки зрѣнія мистическихъ теорій; художественныя сцены и картины все болѣе и болѣе смѣняются длинными отвлеченными разсужденіями, при чемъ гр. Толстой не замѣчаетъ, какъ одну и ту же канитель, растягивая на десяткахъ страницъ, онъ повторяетъ десятки разъ; наконецъ, послѣдняя часть шестого тома представляетъ изъ себя одни сплошныя разсужденія на различныя историко-философскія темы: художникъ исчезаетъ здѣсь совершенно, уступая мѣсто мыслителю.

Такое странное и печальное явленіе можно объяснить себѣ только однимъ способомъ. До созданія „Войны и Мира“ гр. Толстой ограничивался одними наблюденіями конкретныхъ фактовъ жизни, дѣлая изъ нихъ тѣ художественныя обобщенія, которыя онъ и представилъ намъ въ своихъ произведеніяхъ. При этомъ міросозерцаніе его, основныя философскія убѣжденія оставались, такъ сказать, нетронутыми, въ той степени развитія, въ какой гр. Толстой оставилъ нѣкогда школьную скамью. Такъ, напримѣръ, его историческіе взгляды не шли дальше учебниковъ, въ которыхъ всѣ историческіе факты объясняются доброю и злою волею стоящихъ впереди историческихъ дѣятелей и вожа-

втягивается въ омутъ свѣтской жизни, опивается, объѣдается, женится на Еленѣ Курагиной, увлекшись бѣлизною ея плечъ, для того, чтобы разойтись съ нею при первой ей измѣнѣ и вызвать на дуэль перваго ея любовника. Столь же неожиданно дѣлается потомъ изъ вольтеріанца массономъ, встрѣтясь во время пути на станціи съ старымъ массономъ временъ Екатерины, пишетъ мистическій дневникъ, разъѣзжаетъ по своимъ имѣніямъ съ цѣлію улучшить быть крестьянъ, заводитъ школы, больницы, аптеки и остается доволенъ своею дѣятельностью, особенно торжественными встрѣчами, какія устраиваютъ ему крестьяне по приказу управляющихъ, и не замѣчаетъ при этомъ, сколько новыхъ тягостей налагаютъ на крестьянъ эти управляющіе по причинѣ его благодѣтельныхъ распоряженій. Передъ войною 12-го года онъ, посредствомъ мистическихъ выкладокъ, преобразовавши при этомъ свою фамилію въ l'Russe Besuhof, опредѣлилъ, что судьба его связана таинственною связью съ судьбою Наполеона, и исполнился великой радости, мечтая, что „его любовь къ Ростовой, антихристъ, нашествіе Наполеона, комета, 666, l'empereur Napoleon и l'Russe Besuhof,—все это вмѣстѣ должно было созрѣть, разразиться и вывести его изъ того заколдованнаго, ничтожнаго міра московскихъ привычекъ, въ которыхъ онъ чувствовалъ себя плѣненнымъ, и привести его къ великому подвигу и великому счастію“. Въ такихъ мечтаніяхъ онъ полетѣлъ въ дѣйствующую армію, не опредѣляясь однакоже въ военную службу, безцѣльно толкался по батареямъ во время бородинскаго сраженія, остался въ Москвѣ во время вступленія въ нее французовъ; тутъ созрѣла у него мысль убить Наполеона; онъ одѣлся въ мужицкое платье, купилъ пистолетъ и ножъ, но, вмѣсто исполненія своего трагическаго замысла, очень весело побесѣдовалъ о любви съ французскимъ капитаномъ за бутылкой бордо, и потомъ былъ захваченъ французами по подозрѣнію въ поджигательствѣ на пожарѣ, гдѣ онъ спасалъ изъ огня какого-то ребенка.

Однимъ словомъ, въ Пьерѣ Безухомъ является передъ нами Нехлюдовъ начала нынѣшняго столѣтія въ полномъ

своемъ блескѣ, со всѣми своими характеристическими особенностями, въ такой неподкрашенной правдѣ, въ какой одинъ только гр. Толстой умѣетъ воспроизводить подобные типы.

Тремя первыми частями исчерпывается, по нашему мнѣнію, романъ во всемъ, что только есть въ немъ лучшаго. Не отрицаю, что въ слѣдующихъ частяхъ есть въ немъ множество прекрасныхъ сценъ и картинъ, стоящихъ вполнѣ въ уровнѣ таланта гр. Толстого, но со второю половиною романа случилась исторія, во многомъ напоминающая собою исторію съ „Мертвыми Душами“ Гоголя. Чѣмъ далѣе читаете вы романъ, тѣмъ болѣе и болѣе непосредственно правдивое художественное творчество автора смѣняется передъ вами — странною неестественностью, надуманностію. Безпристрастное отношеніе къ изображаемымъ предметамъ смѣняется односторонними, пристрастными взглядами на нихъ съ точки зрѣнія мистическихъ теорій; художественныя сцены и картины все болѣе и болѣе смѣняются длинными отвлеченными разсужденіями, при чемъ гр. Толстой не замѣчаетъ, какъ одну и ту же канитель, растягивая на десяткахъ страницъ, онъ повторяетъ десятки разъ; наконецъ, послѣдняя часть шестого тома представляетъ изъ себя одни сплошныя разсужденія на различныя историко-философскія темы: художникъ исчезаетъ здѣсь совершенно, уступая мѣсто мыслителю.

Такое странное и печальное явленіе можно объяснить себѣ только однимъ способомъ. До созданія „Войны и Мира“ гр. Толстой ограничивался одними наблюденіями конкретныхъ фактовъ жизни, дѣлая изъ нихъ тѣ художественныя обобщенія, которыя онъ и представилъ намъ въ своихъ произведеніяхъ. При этомъ міросозерцаніе его, основныя философскія убѣжденія оставались, такъ сказать, нетронутыми, въ той степени развитія, въ какой гр. Толстой оставилъ нѣкогда школьную скамью. Такъ, напримѣръ, его историческіе взгляды не шли дальше учебниковъ, въ которыхъ всѣ историческіе факты объясняются доброю и злою волею стоящихъ впереди историческихъ дѣятелей и вожа-

ковъ. Задумавши писать историческій романъ, изображающій жизнь цѣлой эпохи и притомъ эпохи, сильной важными историческими событіями, гр. Толстой необходимо приступилъ къ изученію ея по различнымъ памятникамъ, мемуарамъ, біографіямъ и сочиненіямъ европейскихъ и русскихъ историковъ. Такое изученіе раздвинуло умственный горизонтъ гр. Толстого, открывши ему новыя области жизни и мысли, о которыхъ до того времени онъ имѣлъ самыя элементарныя, смутныя понятія. Въ головѣ его зароились новыя мысли и начался умственный процессъ, поглотивший всѣ его силы. Путемъ этого процесса гр. Толстой дошелъ до того, что снова открылъ Америку и изобрѣлъ порохъ и книгопечатаніе, иначе сказать, онъ додумался до такихъ историко-философскихъ истинъ, которыя давно уже были открыты до него, но онъ ихъ снова открылъ для самого себя, и вообразилъ при этомъ весьма естественно, и какъ это часто бываетъ, что истины эти должны быть новостію и для всего человѣчества. Такъ, напримѣръ, для какого мало-мальски серьезно образованнаго человѣка можетъ быть въ настоящее время новостію, что историческое событіе зависитъ не отъ одной воли того или другого лица, а имѣетъ за собою тысячи различныхъ причинъ, совокупность которыхъ и производитъ это событіе? Эта истина давно уже сдѣлалась банальною въ области исторіи, и никто, держа ее въ головѣ и принимая въ соображеніе, не станетъ распространяться о ней, подобно тому, какъ не почтетъ нужнымъ писать трактатъ о томъ, что воздухъ состоитъ изъ кислорода и азота или что $2 \times 2 = 4$. Между тѣмъ человѣкъ, впервые додумавшійся до такой идеи, весьма естественно можетъ проникнуться ею до такого крайняго увлеченія, что будетъ чувствовать потребность проповѣдывать эту идею на всѣхъ перекресткахъ, развивая ее на тысячи ладовъ и подкрѣпляя всевозможными доводами изъ областей философіи, психологіи, исторіи и проч. Увлеченіе всякою новою идеею имѣетъ такой характеръ маніи до тѣхъ поръ, пока человѣкъ не свыкается съ нею, и она не дѣлается заурядною идеею его. — Подобное увлеченіе новичка идеею историче-

ской причинности мы видимъ въ гр. Толстомъ. Онъ забываетъ ради нея о своемъ романѣ и о его герояхъ. Мало того, что при каждомъ удобномъ случаѣ онъ возвращается къ ней и на тысячу ладовъ повторяетъ одно и то-же,—но, какъ я уже говорилъ, послѣднюю часть романа всецѣло посвящаетъ философскимъ разсужденіямъ все на ту-же тему, и все для того, чтобы убѣдить насъ, что походъ Наполеона въ Россію зависѣлъ не отъ одной его личной воли, честолюбивыхъ замысловъ, а отъ сцѣпленія цѣлаго ряда причинъ. Когда вы читаете всѣ подобныя разсужденія, вамъ становится, съ одной стороны, смѣшно за автора, съ такою наивною горячностью посвящающаго васъ въ свое давно открытое открытіе; съ другой стороны—неловко и стыдно за себя, какъ это должно быть, если вашъ пріятель вдругъ заподозритъ васъ, что вы земной шаръ считаете плоскостью, и начнетъ съ жаромъ убѣждать васъ, что земля шарообразна.

Въ то-же время, какъ и каждый новичокъ идеи, графъ Толстой, какъ только опускается отъ своей излюбленной идеи къ фактамъ и пытается приложить ее къ нимъ, передъ вами обнаруживается вся неопытность его обращаться съ нею, все неумѣнье обсуждать историческіе факты на ея основаніи. Мы можемъ вѣрить въ разумную цѣлесообразность всей вселенной, но отнюдь не историческихъ событій, совершающихся на такомъ атомѣ, какъ нашъ земной шаръ. Съ одной стороны, подъ совокупностью причинъ исторія разумѣетъ рядъ факторовъ естественныхъ, изъ которыхъ весьма многіе потому уже не могутъ вызывать событій ради какихъ-либо высшихъ цѣлей, что они лишены всякой сознательности. Съ другой стороны, самое понятіе объ отношеніи слѣдствія къ причинѣ не представляетъ ничего общаго съ понятіемъ объ отношеніи цѣли и намѣренія: слѣдствіе есть только явленіе, неизмѣнно вызывающееся другимъ явленіемъ, а отнюдь не цѣль своей причины. Далѣе затѣмъ разумная цѣлесообразность событій опровергается и тѣмъ, что въ исторіи мы видимъ на каждомъ шагу такую-же слѣпую инерцію движеній, какъ и въ физическихъ явленіяхъ.

Совершается какой-нибудь исторический толчокъ, возбуждающій извѣстное движеніе народовъ, и движеніе это долго идетъ по своему направленію, послѣ того какъ всякій смыслъ его давно уже потерянъ. Такъ между двумя народами иногда возбуждается ненависть вслѣдствіе какихъ-либо основательныхъ причинъ, но ненависть эта долго переживаетъ эти причины и въ свою очередь возбуждаетъ рядъ событій, зависящихъ уже отъ нея самой. Наполеоновскія войны носили именно этотъ характеръ слѣпой и неосмысленной инерціи. Когда европейскія государства составили реакціонную коалицію для подавленія революціи, тогда борьба Франціи съ этою коалиціею имѣла свое разумное основаніе: это была борьба двухъ противоположныхъ началъ. Но мало-по-малу, когда революція во Франціи была подавлена тѣмъ самымъ орудіемъ, которымъ она защищалась противъ враговъ, то-есть войскомъ, смыслъ борьбы Франціи съ европейскою коалиціею былъ потерянъ, между тѣмъ разъ возбужденное движеніе продолжалось все по одному направленію по слѣпой инерціи. Французы поклонялись Наполеону и шли за нимъ, попрежнему возбуждаемые революціоннымъ энтузіазмомъ и мечтая, что цѣль наполеоновскихъ войнъ — вводить во всѣ страны Европы новыя начала; европейскія государства въ свою очередь въ Наполеонѣ видѣли печадіе революціи, и боролись съ нимъ во имя охранительныхъ началъ; самъ Наполеонъ вѣрилъ въ революціонное значеніе своихъ войнъ, вслѣдствіе чего вводилъ въ завоеванныя имъ страны свои кодексы и конституціи. И до такой степени была сильна инерція въ этомъ отношеніи, что идея о революціонномъ значеніи семейства Наполеона продолжала существовать до нашего времени, до Седана. Къ ней пріурочивали и крымскую войну, и освобожденіе Италіи; не будь Седана, окажись Наполеонъ III побѣдителемъ въ войнѣ съ Пруссіею, очень можетъ быть, что и въ настоящее время весьма многіе видѣли-бы въ этой побѣдѣ торжество революціоннаго Наполеона надъ прусскимъ феодализмомъ.

Но совершенно иначе объясняетъ гр. Толстой значеніе

Наполеоновскихъ войнъ. Для него не существуетъ въ исторіи ошибокъ, вѣковыхъ заблужденій, народныхъ сумасшествій, неосмысленныхъ движеній, не ведущихъ часто за собою ничего, кромѣ всеобщаго вреда, невознаградимыхъ потерь и гибели. Доказывая на десяткахъ страницъ идею исторической причинности, онъ въ то-же время ратуетъ за разумную цѣлесообразность событій. По его мнѣнію, всѣ причины, которыми историки объясняютъ наполеоновскія войны, суть причины мелкія, второстепенныя, не исключая даже и французской революціи. Все это даже не причины, а просто слѣдующія другъ за другомъ событія, изъ которыхъ мы совершенно произвольно и безосновательно предыдущее считаемъ причиною послѣдующаго. Настоящія-же причины недоступны для нашего ума: онѣ стоятъ гдѣ-то за кулисами исторической сцены, въ видѣ какого-то таинственнаго предопредѣленія, которое движетъ народами по своему благоусмотрѣнію и сталкиваетъ ихъ сообразно своимъ замысламъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ причина Наполеоновскихъ войнъ заключается не въ революціи, не въ европейской коалиціи, не въ честолюбіи Наполеона. Ничуть не бывало: по неисповѣдимымъ историческимъ причинамъ, по недоступнымъ человѣческому уму предусмотрѣніямъ положено гдѣ-то, чтобы европейскіе народы двигались въ началѣ нынѣшняго столѣтія сначала съ запада на востокъ, потомъ съ востока на западъ, — они и давай двигаться, такъ что даже самая французская революція произошла не почему-нибудь другому, какъ потому, чтобы послужить сигналомъ этого движенія: надо же было съ чего-нибудь начать двигаться. Вотъ какъ курьезно понимаетъ гр. Толстой идею исторической причинности. Вы думаете, что безсиліе генія совершить что-либо по своему личному произволу, вопреки законамъ исторической жизни и народнымъ стремленіямъ, оправдалось по отношенію къ Наполеону въ томъ простомъ и очевидномъ фактѣ, что всѣ его завоеванія рушились прахомъ, основать общеевропейскую имперію ему не удалось, народы снова сложились въ тѣ-же группы, въ которыхъ существовали прежде, и даже многія безспорно

полезныя преобразованія, которыя сдѣлалъ Наполеонъ въ завоеванныхъ имъ государствахъ, были отвергнуты, какъ навязанныя силою извнѣ. Нѣтъ, отсутствіе личной свободы со стороны Наполеона заключалось въ томъ, что все, что ни замышлялъ онъ, казалось-бы, повидимому, совершенно произвольно по своей иниціативѣ и въ личныхъ видахъ, все это клонилось къ тому, чтобы совершилась предусмотрѣнная прогулка народовъ съ запада на востокъ и обратно. Такимъ-же самымъ образомъ и русскіе отступали передъ Наполеономъ вовсе не потому, что военныя силы ихъ были значительно слабѣе наполеоновскихъ и полководцы робѣли въ виду военнаго генія Наполеона, а опять-таки вслѣдствіе того-же высшаго предусмотрѣнія: надо было, чтобы прогулка съ запада на востокъ дошла до своего надлежащаго пункта, Москвы, а потомъ, само собою, должно было начаться обратное шествіе. Неужели гр. Толстой, который рядомъ съ подобными курьезами высказываетъ столько свѣтлыхъ и реальныхъ взглядовъ на частности той-же самой войны, не понимаетъ, какой дикій, чистовосточный фатализмъ проповѣдуетъ онъ въ то-же время? Замѣтьте при этомъ, что онъ считаетъ отжившимъ взглядъ древнихъ на историческія событія, основывающійся на произвольномъ управленіи народами и царями воли божествъ. А самъ между тѣмъ проводитъ тотъ-же самый взглядъ, замѣняя только личную волю человѣкообразныхъ божествъ древняго міра предопредѣленіями какихъ-то таинственныхъ безусловныхъ силъ, безличныхъ и между тѣмъ сознательныхъ и разумныхъ. „На вопросъ о томъ, что составляетъ причину историческихъ событій, говоритъ онъ, представляется другой отвѣтъ, заключающійся въ томъ, что ходъ міровыхъ событій предопредѣленъ свыше, зависитъ отъ совпаденія всѣхъ произволовъ людей, участвующихъ въ этихъ событіяхъ, и что вліяніе Наполеоновъ на ходъ этихъ событій есть только внѣшнее, фиктивное“.

Становится просто непонятно, какъ можетъ столь дико заблуждаться столь свѣтлый умъ, который во многихъ мѣстахъ романа такъ мѣтко судитъ объ отношеніи историче-

ских личностей къ массамъ и высказываетъ неоднократно мысли, вполнѣ основательныя; такова, напримѣръ, мысль, что историческія событія совершаются всегда, даже въ самыхъ деспотическихъ государствахъ, не государственными людьми, а массами, отъ духа которыхъ, энергіи, готовности исполнить то или другое приказаніе зависитъ не только успѣхъ предпріятія, но и слава генія: полководецъ идетъ во главѣ арміи недеморализованной, энергической, исполненной по той или другой причинѣ жажды борьбы и побѣдъ онъ побѣждаетъ, то-есть побѣждаетъ армія, и побѣда, зависитъ отъ совокупныхъ дѣйствій всѣхъ солдатъ, но приписывается она полководцу, и онъ попадаетъ въ геніи; въ противномъ случаѣ историки не замедлятъ открыть вамъ бездну ошибокъ, зависящихъ, конечно, отъ неспособности полководца—и не обращаютъ при этомъ вниманія на то обстоятельство, что въ разгарѣ сраженія половина приказаній полководца остается неисполненными за невозможностью, часто просто потому, что адъютантъ, несущій приказаніе, падаетъ убитый и раненый на дорогѣ, въ то-же время дѣлается войсками множество удачныхъ и неудачныхъ движеній, помимо всякихъ приказаній начальства. Все это совершенно справедливо,—и, развивая далѣе подобныя свѣтлыя мысли гр. Толстого, мы можемъ замѣтить, что и во внутренней жизни народа наблюдается та же зависимость историческихъ дѣятелей отъ духа и настроенія массъ. Въ геніи попадаетъ обыкновенно не тотъ, который измышляетъ изъ своей головы что-либо непредвидѣнное, а кто улавливаетъ духъ времени, настроеніе массъ, ихъ потребность или готовность принять рядъ полезныхъ реформъ; отъ всего этого прямо зависитъ успѣшность самыхъ реформъ, такъ какъ онѣ исполняются, конечно, не лично геніальнымъ преобразователемъ, онъ только ихъ предлагаетъ, утверждаетъ, а масса приводитъ ихъ въ исполненіе, и, конечно, можетъ, если не активнымъ сопротивленіемъ, то пассивнымъ бездѣйствіемъ, непониманіемъ, наконецъ, парализовать всѣ его дѣйствія. Все это несомнѣнно: только все-таки остается непонятнымъ, зачѣмъ-же для объясненія различныхъ настроеній

массъ, не довольствуясь реальными и опредѣленными причинами, необходимо гр. Толстому прибѣгать къ какимъ-то сверхъестественнымъ и таинственнымъ? Что за причина такого страннаго заблужденія ума, такъ неожиданно повернувшаго къ мистицизму?

Не желая слѣдовать примѣру гр. Толстого и считать подобное заблужденіе слѣдствіемъ таинственныхъ и неразгаданныхъ причинъ, мы постараемся объяснить его причинами очевидными, и надѣемся, что объясненіе наше покажется читателямъ небезосновательнымъ. Дѣло въ томъ, что умственный процессъ, возбудившійся въ гр. Толстомъ изученіемъ событій начала нынѣшняго столѣтія, принялъ не обыкновенное, естественное теченіе, а осложнился особенными, посторонними вліяніями искусственныхъ теорій весьма сомнительнаго свойства. Здѣсь встрѣтились два противоположныхъ теченія: одно теченіе чистое и прозрачное, какъ хрусталь — это теченіе самостоятельной дѣятельности ума гр. Толстого, который перенесъ свой индуктивный методъ отъ изученія окружающей его жизни къ изученію жизни прошлой и приложилъ къ послѣдней тѣ же обобщенія, найдя въ ней факты иные только по своей внѣшности, но подобные по сущности: ту же искусственность, ходульность, нравственную распущенность и безцѣльность жизни интеллигентныхъ слоевъ общества, рядомъ съ полезной естественною жизнію безыскусственно-простыхъ, цѣльныхъ и сильныхъ людей труда. Отсюда онъ и пришелъ къ окончательному выводу, что исторію производитъ народъ, событія совершаются усиліями и трудами темныхъ массъ, отъ стремленій и настроеній которыхъ зависитъ все и вся. Но онъ не могъ остановиться на этомъ истинномъ и глубокомъ выводѣ. Здѣсь вмѣшалась другая струя мысли — и помутила чистоту ясныхъ и свѣтлыхъ воззрѣній гр. Толстого. Это — роковая струя, погубившая не одинъ талантъ на Руси! Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ особеннаго рода мистицизмомъ, представляющимъ, если хотите, одну изъ неизбѣжныхъ стадій умственнаго развитія, но тѣмъ не менѣе это все-таки процессъ крайне-болѣзненный, показывающій намъ, что наша психи-

ческая природа подобно физической имѣетъ свои критическіе недуги, которые, какъ весеннія грозы, даютъ могучій толчокъ развертывающимъ силамъ.

Но необходимо, чтобы весеннія грозы дѣйствительно были весенними; подъ осень же тѣ же самыя грозы способны производить лишь непзгладимыя опустошенія, ускоряющія приходъ зимы. Такъ и въ человѣческой природѣ тѣ же критическіе недуги, которые очень легко переносятся въ юности и обновляютъ молодыя силы, напротивъ того, въ старости принимаютъ весьма зловѣщій характеръ. Старческій организмъ не въ состояніи бываетъ осилить ихъ и приходитъ въ полное разстройство.

Это именно произошло съ Гоголемъ. Вся бѣда заключалась въ томъ, что мистическій періодъ развитія Гоголь началъ переживать слишкомъ поздно для своихъ лѣтъ, чтобы переварить его и выйти изъ него побѣдителемъ, и ни умственныя ни физическія силы его не выдержали кризиса.

Мы боимся, чтобы и съ гр. Л. Толстымъ не случилось того-же. По крайней мѣрѣ, когда вы читаете „Войну и Миръ“, вамъ кажется, что съ каждой страницей на васъ словно надвигаются какія-то мрачныя тучи и затмѣваютъ яркіе лучи поэзіи гр. Л. Толстого. И если-бы вышеозначенныя теоретическія разсужденія встрѣчались въ романѣ отдѣльными клочками, были-бы сами по себѣ, не вмѣшиваясь въ актъ поэтическаго творчества художника. Но мы, напротивъ того, видимъ, что воззрѣнія эти стремятся покорить своей власти образы поэта, придать имъ свой особенный мистическій оттѣнокъ, совершенно исказивши ихъ жизненную правду. Возьмите вы, напримѣръ, эпизодъ вліянія на Пьера Каратаева.

Начало увлеченія Пьера простыми людьми послѣ бородинскаго сраженія стоитъ совершенно на реальной почвѣ. Весьма естественно, что запутавшійся въ омутѣ свѣтской пустоты, разочарованный и нравственно надломленный, Пьеръ могъ увлечься видомъ простыхъ и сильныхъ людей, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, безъ всякаго хвастовства и напускного геройства смотрѣвшихъ въ глаза смерти; понятно,

что онъ долженъ былъ ясно почувствовать, въ сравненіи съ правдой, простотой и силой этихъ людей, ощущеніе своей ничтожности и лживости, и проникнуться стремленіемъ *„войти въ эту общую жизнь всѣмъ существомъ, проникнуться тѣмъ, что дѣлаетъ ихъ такими..."* Такія мысли и чувства мы видѣли уже въ цѣломъ рядѣ героевъ гр. Толстого и можемъ встрѣтить ихъ зачастую въ жизни. Не менѣе естественно выведенъ типъ Каратаева.

Простой, гуманный, одаренный художественною натурою и теплымъ сердцемъ, много испытавшій въ жизни, — Каратаевъ самъ по себѣ являлся бы весьма живою и удачно-очерченною личностью въ романѣ, если-бы гр. Толстой не возвелъ его на пьедесталъ, представивъ въ немъ какого-то вдохновеннаго глашатая народной мудрости, исполненной неизреченныхъ глубинъ, чуть что не живое олицетвореніе божественной правды и благости. Вліяніе его на Пьера было столь сильно, по словамъ гр. Толстого, что Пьеръ совершенно переродился: онъ самъ исполнился кроткой терпимости и благодушія, подъ обаяніемъ которыхъ во всемъ сталъ видѣть Бога, все ему показалось ведущимъ къ благу, всѣ люди сдѣлались его друзьями и, незамѣтно для самихъ себя, почувствовали потребность повѣрять ему всѣ сокровенныя свои тайны. Нѣтъ, говорилъ Пьеръ, вы не можете понять, чему я научился у этого безграмотнаго человѣка-дурачка.

Неужели гр. Толстой до такой степени потерялъ свое художественное чутье правды, что не понимаетъ, сколько надуманной неестественности и лжи во всемъ этомъ? Гдѣ въ жизни встрѣчалъ онъ подобныя чудодѣйственныя превращенія?.. Развѣ только въ письмахъ Гоголя, описывавшаго друзьямъ своимъ различныя свои просіянія и умиротворенія...

Вообще въ послѣднихъ частяхъ романа чаще и чаще вы встрѣчаетесь съ гоголевскою философіею различныхъ просіяній. Такъ длинное описаніе смерти князя Андрея преисполнено разсужденій на такія темы, что счастіе, находящееся внѣ матеріальныхъ силъ, внѣ матеріальныхъ внѣ-

шихъ вліяній на человѣка, счастье одной души, счастье любви—понять можетъ всякій человѣкъ, но сознать и предписать его могъ только одинъ Богъ, что любя человѣческою любовью, можно отъ любви перейти къ ненависти, но божеская любовь не можетъ измѣниться: ничто, ни смерть, ничто не можетъ разрушить ее; она есть сущность души и пр.

Положимъ, что гр. Толстой не дошелъ еще до того, чтобы дарить насъ подобными изреченіями отъ своего лица; онъ очень ловко влагаетъ ихъ въ уста умирающаго человѣка, для котораго подобныя размышленія могутъ быть весьма естественны, но во всякомъ случаѣ допущеніе, чтобы цѣлыя страницы были заняты подобными разсужденіями, хотя бы и въ устахъ героя, да и вообще весь мистическій колоритъ кончины Андрея,—все это весьма зловѣщіе знаки.

Признаемся откровенно, намъ страшно за гр. Толстого. Мы боимся, что одинъ изъ самыхъ могучихъ, свѣтлыхъ и симпатичныхъ талантовъ настоящаго времени погибнетъ такъ же ужасно, какъ погибъ талантъ Гоголя. Очень можетъ быть, что такъ и будетъ. Не впервые намъ приходится оплакивать подобный печальный исходъ нашихъ талантовъ, при чемъ замѣчательно, что къ нему приходятъ обыкновенно наиболѣе сильныя и свѣтлыя дарованія.

Вороны почувствовали уже имъ любимый запахъ и не замедлили слетѣться. Такъ въ „Зарѣ“, вскорѣ послѣ появленія романа „Война и Миръ“, гр. Толстой объявленъ геніемъ, а романъ его однимъ изъ величайшихъ произведеній настоящаго времени. О, если-бы могъ почувствовать гр. Толстой, сколько злой ироніи заключается для него въ похвалѣ „Зари“!.. Если бы только онъ понялъ, что не за то превознесла его „Заря“, что въ его произведеніяхъ можно найти дѣйствительно великаго, а именно за то, что предвѣщаетъ начало печальнаго паденія его таланта, за тѣ затхлыя тенденціи, въ которыхъ онъ сошелся съ „Зарею“... Но гр. Толстой, который самъ проникся уже этими тенденціями, конечно, принялъ за чистую монету похвалы „За-

ри“, и ему остается только, подобно Гоголю, вообразить себя пророкомъ и начать провозглашать людямъ вѣщіе глаголы. Повидимому, онъ уже и начинаетъ: такъ, въ настоящее время онъ издаетъ букварь для народныхъ школъ, и въ началѣ нынѣшняго года въ дружественныхъ своихъ органахъ „Зарѣ“ и „Бесѣдѣ“ напечаталъ по повѣсти изъ предназначенныхъ для этого букваря... Повѣсть, помѣщенная въ № 2 „Зари“, „Кавказскій плѣнникъ“, напоминаетъ намъ прежняго гр. Толстого; она столь же проста, безыскусственна, реальна и исполнена того же глубокаго содержанія, какъ и всѣ его предыдущія произведенія. Что же касается до повѣсти „Богъ правду любитъ, да не скоро скажетъ“, помѣщенной въ № 3 „Бесѣды“, то она представляетъ пересказъ каратаевской легенды о купцѣ, невинно сосланномъ въ каторгу и встрѣтившемся тамъ съ настоящимъ виновникомъ преступленія, за которое былъ сосланъ; легенда эта преисполнена дикаго фатализма и мистицизма, и довольно сказать, что въ ней-то именно Пьеръ наиболѣе прозрѣлъ глубину народной мудрости и пришелъ отъ нея въ окончательное умиленіе, чтобы понять, что это за прелесть такая!..

Все это очень печально!.. И все это происходитъ не отъ чего другого, какъ отъ того, что гр. Толстой покинулъ прежній путь творчества, зависящій отъ естественныхъ обобщеній въ поэтическіе образы частныхъ фактовъ жизни, и промѣнялъ его на идущій отъ предвзятыхъ теорій, произвольно подчиняющихъ себѣ поэтическіе образы, искажающихъ ихъ, иногда и побуждающихъ поэта просто выдумывать образы изъ своей фантазіи...

Только одно индуктивное творчество есть истинно свободное, реальное и полезное, потому что только оно одно можетъ вполнѣ вѣрно и безпристрастно изображать передъ вами правду жизни, а отъ одной правды только и можно ждать истинной пользы.

А. Скабичевскій.

* * *

„КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ“.

*) Самымъ крупнымъ литературнымъ явленіемъ истекшаго мѣсяца слѣдуетъ, несомнѣнно, признать разсказъ графа Л. Н. Толстого, напечатанный во второй книжкѣ „Зари“ и появившейся только весьма недавно. Разсказъ этотъ, подобно разсказу, напечатанному въ мартовской книжкѣ „Бесѣды“, заимствованъ изъ „Азбуки и книги для первоначальнаго чтенія“, составленной графомъ Л. Н. Толстымъ и находящейся въ настоящее время въ печати. Онъ носитъ заглавіе „Кавказскій Плѣнникъ“ и написанъ съ очевидною цѣлью изобразить въ его настоящемъ „натуральномъ“, такъ сказать, видѣ тотъ обыденный, въ старое время, эпизодъ военной жизни на Кавказѣ, который послужилъ сюжетомъ для извѣстной поэмы Пушкина. Много можно было-бы сказать по поводу такого выбора, но мы вовсе не намѣрены останавливаться на тѣхъ „задніхъ мысляхъ“, которыя, можетъ быть, побудили автора „Дѣтства“ и „Войны и Мира“ пересказать *по своему* то, что было уже такъ поэтически разсказано Пушкинымъ. Зная изъ предыдущей дѣятельности графа Л. Н. Толстого его своеобразныя воззрѣнія на то, какъ слѣдуетъ вести дѣло народнаго образованія и воспитанія, взгляды, безтрепетно идущіе въ разрѣзъ почти всему, что выработано педагогическою наукою по этому вопросу, и помня, сверхъ того, ту честную, но первическую враждебность, съ которой онъ относился всегда къ попыткамъ народныхъ педагоговъ „поднимать до себя“ крестьянскихъ дѣтей, мы могли бы, почти съ увѣренностію въ томъ, что не ошибаемся, пуститься въ выводы о причинахъ появленія *второго* „Кавказскаго Плѣнника“, но не хотимъ этого дѣлать, потому что не считаемъ себя вправѣ заглядывать въ чужую душу и читать между строками невыска-

*) „Всемірная Иллюстрація“ 1872 г. № 181. Т. 7. „ЛитературноеОбозрѣніе“.

занныя намѣренія такого писателя, какъ Л. Н. Толстой. Не станемъ мы также распространяться и о томъ, насколько пригодны сюжеты двухъ представленныхъ нынѣ на судъ публики разсказовъ, для такой книги, какъ книга для первоначальнаго чтенія. Этотъ вопросъ пусть рѣшаетъ педагогическая критика, за которую мы не беремся. Для насъ „Кавказскій Плѣнникъ“ графа Л. Н. Толстого интересенъ чисто съ литературной и эстетической точки зрѣнія, и только съ этой точки и будемъ мы судить о немъ. Поставивъ вопросъ такимъ образомъ, мы можемъ смѣло начать съ утвержденія, что новый разсказъ графа Л. Н. Толстого представляетъ собою въ нашей литературѣ явленіе, выходящее изъ ряда вонъ. „Кавказскимъ Плѣнникомъ“ окончательно разрѣшается вопросъ о томъ, *какъ* слѣдуетъ писать *для народа*, т. е. такой вопросъ, который донынѣ еще не разрѣшенъ и на западѣ, несмотря на безчисленное множество болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ его разрѣшенія.

Извѣстно, что у насъ этотъ вопросъ до самаго послѣдняго времени оставался совершенно открытымъ. Много спорили и говорили о немъ въ русской литературѣ, много было выдвинуто различныхъ системъ и теорій по этому предмету, но до сихъ поръ всѣ эти споры и толки не давали никакихъ положительныхъ результатовъ. Одни пробовали писать для народа, подлѣлываясь подъ его говоръ, стенографируя даже его провинціализмы и неправильные обороты, другіе утверждали, напротивъ, что писать спеціально для простого народа и вовсе не слѣдуетъ, а всего цѣлесообразнѣе выбирать для него изъ произведеній обыкновенной литературы—лучшія и понятнѣйшія. Одни стояли за подборъ сюжетовъ изъ простонародной, близкой каждому простолюдину, обыденной жизни, другіе, напротивъ, отвергали интересъ подобныхъ разсказовъ для народа и отдавали преимущество сюжетамъ эффектнымъ, въ родѣ тѣхъ, которые легли въ основу нашихъ сказокъ и былинъ. На одномъ только пунктѣ умолкали разнорѣчія. Всѣ единогласно утверждали, что выборъ сюжета долженъ дѣлаться съ цѣлями дидактическими и клониться къ поднятію умственнаго и нравственнаго уровня простолюдина, предлагаемыми ему примѣрами.

Графъ Л. Н. Толстой, очевидно, не раздѣляетъ ни одного изъ этихъ мнѣній вполнѣ. Прежде всего онъ отвергаетъ необходимость умышленно дидактическаго характера разсказовъ, писанныхъ для простолюдина. Онъ, очевидно, убѣжденъ, что самый интересъ разсказа, помимо той морали, которую можно изъ него извлечь, имѣетъ уже *образовательное вліяніе на* простого человѣка. Задача, такимъ образомъ, сводится на выборъ *дѣйствительно интереснаго сюжета и способа его изложенія*. Здѣсь опять ярко выступаетъ своеобразность взглядовъ графа Толстого. Онъ не признаетъ необходимости какихъ бы то ни было поддѣлокъ подъ простонародный говоръ, но въ то же время явно высказывается за необходимость *особаго слога* въ разсказахъ, предназначенныхъ для простолюдиновъ. Надъ этою послѣднею задачею онъ, очевидно, трудился много, обдумывалъ ее глубоко, и теперь выступаетъ передъ публикой съ результатами своихъ трудовъ и соображеній.

„Кавказскій Плѣнникъ" написанъ совершенно особымъ, новымъ языкомъ. Простота изложенія поставлена въ немъ на первомъ планѣ. Нѣтъ ни одного лишняго слова, ни одной стилистической прикрасы, ни одного проблеска тѣхъ субъективныхъ особенностей творчества, безъ которыхъ немыслимо ни одно литературное произведеніе талантливаго писателя, писанное для обыкновенной публики. Невольно изумляешься этой невѣроятной, небывалой сдержанности, этому аскетически строгому исполненію взятой на себя задачи разсказывать народу интересныя для него событія, „не мудрствуя лукаво". Это подвигъ, который, пожалуй, окажется не подъ силу ни одному изъ прочихъ корифеевъ нашей современной литературы.

Художественная простота разсказа въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ" доведена до апогея. Дальше идти некуда и передъ этою величественною простотою совершенно исчезаютъ и стушевываются самыя талантливыя попытки, въ томъ же родѣ, западныхъ писателей. Извѣстные народные разсказы Эркмана и Шатріана дѣлаются просто жалкими и притворными; даже la Mâre au Diable и François le Champi Жоржъ

Занда кажутся искусственными. Каждое слово, каждая фраза „Кавказскаго Плѣнника“ будутъ непремѣнно понятны для тѣхъ читателей, для которыхъ онъ написанъ, и въ то же время поражаютъ читателя образованнаго своею прелестью и образностію. Отъ этого удивительнаго разсказа невозможно оторваться человѣку со вкусомъ, не дочитавъ его до послѣдней страницы, до послѣдней строчки, и послѣ такого лихорадочнаго чтенія, въ головѣ остается впечатлѣніе необыкновенно трезвое и здоровое.

Невольно изумляешься самоотверженію, съ которымъ графъ Л. Н. Толстой отказался въ своемъ новомъ произведеніи отъ всѣхъ обычныхъ пріемовъ своего творчества, всегда столь обаятельно дѣйствующихъ на читателей. Этотъ атлетъ литературы выступаетъ нынѣ передъ нами, отбросивъ въ сторону то надежное оружіе, которымъ онъ до сихъ поръ привыкъ побѣждать—и все таки выходитъ изъ боя тріумфаторомъ, оставляя въ полномъ недоумѣніи зрителей насчетъ тѣхъ новыхъ средствъ, которыми онъ одержалъ побѣду.

Пусть не обвиняютъ насъ въ преувеличеніи тѣ, которые не читали „Кавказскаго Плѣнника“ графа Л. Н. Толстого. Мы вовсе не увлекаемся. Напротивъ, есть множество причинъ, по которымъ намъ вовсе бы не хотѣлось расточать безусловныхъ похвалъ новому разсказу, и во главѣ этихъ причинъ стоитъ именно тотъ намекъ на умышленную конкуренцію съ Пушкинымъ, о которой мы говорили выше. Вѣроятность такой задней мысли со стороны графа Л. Н. Толстого заставляетъ насъ досадовать на необходимость дать о его „Кавказскомъ Плѣнникѣ“ тотъ отзывъ, который мы о немъ дали, но эта догадка не въ силахъ преодолѣть глубокаго, потрясающаго впечатлѣнія, произведеннаго на насъ чтеніемъ этого удивительнаго разсказа.

Если вся книга, которую собирается издать вскорѣ для сельскихъ школъ графъ Л. Н. Толстой, состоитъ изъ разсказовъ, написанныхъ тѣмъ же пошибомъ, какъ „Кавказскій Плѣнникъ“, то книга эта станетъ совершенно особо въ нашей литературѣ. Присяжные педагоги, можетъ быть, и най-

дутъ ее, по нѣкоторымъ причинамъ, неудобною для той цѣли, для которой она предназначается, но за то никто и никогда не въ состояніи будетъ отнять у нея значеніе образца того, *какъ* слѣдуетъ *писать для народа*, а это такая заслуга, которой одной уже было бы достаточно для того, чтобы упрочить за именемъ графа Л. Н. Толстого одно изъ самыхъ видныхъ и почетныхъ мѣстъ въ исторіи нашей литературы.

Изъ „Всемірной Иллюстраціи" за 1872 годъ.

„Богъ правду видитъ, да нескоро скажетъ".

*) Въ г. Владимірѣ жилъ молодой купецъ Аксеновъ. Съ молоду онъ много пилъ, и когда напивался — буянилъ; но какъ женился, бросилъ пить. Разъ лѣтомъ поѣхалъ онъ въ Нижній на ярмарку. Когда онъ сталъ прощаться, жена сказала ему: „не ѣзди нынче, я про тебя дурно во снѣ видѣла". Аксеновъ посмѣялся, не послушался и поѣхалъ. На дорогѣ съѣхался онъ съ знакомымъ купцомъ и съ нимъ вмѣстѣ остановился ночевать. Онъ не любилъ долго спать, проснулся до свѣта и уѣхалъ. На слѣдующемъ привалѣ нагналъ его исправникъ, и велѣлъ солдатамъ обыскать его. Въ мѣшкѣ нашли у него окровавленный ножъ; Аксеновъ увидалъ и испугался. — Поутру, — говоритъ ему исправникъ — купца, съ которымъ ты ночевалъ, нашли зарѣзаннымъ въ постели: кромѣ тебя, некому было это сдѣлать. Изба была заперта извнутри, а въ избѣ никого, кромѣ тебя, не было. Вотъ и ножикъ въ крови у тебя въ мѣшкѣ, да и по лицу видно.

Аксенова посадили въ острогъ. Послали во Владиміръ узнать, какой человѣкъ былъ Аксеновъ, и всѣ купцы и жители владимірскіе показали, что Аксеновъ съ молоду пилъ и гулялъ, но былъ человѣкъ хорошій. Тогда его стали су-

*) „Русскій Міръ" 1872 г., № 109. Очерки текущей литературы. „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ", разсказъ Л. Н. Толстого. Статья А. О. (В. Г. Авсѣенко).

дить и присудили наказать кнутомъ и сослать въ каторжную работу. Такъ и сдѣлали.

Аксеновъ пробылъ на каторгѣ 26 лѣтъ. Привели туда однажды новыхъ преступниковъ; одинъ изъ нихъ, узнавъ, по какому дѣлу содержится Аксеновъ, и тронутый тѣмъ, что тотъ, поймавъ его на приготовленіяхъ къ побѣгу, не донесъ начальству сознался ему, что это онъ зарѣзалъ купца. „Я купца убилъ, я и ножикъ тебѣ подсунулъ. Я и тебя хотѣлъ убить, да на дворѣ зашумѣли, я сунулъ тебѣ ножикъ въ мѣшокъ и вылѣзъ въ окошко“.

Преступникъ объявился виноватымъ. Когда вышло Аксенову разрѣшеніе вернуться—онъ уже умеръ.

Таково содержаніе разсказа гр. Л. Толстого: „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“, помѣщеннаго въ мартовской книжкѣ „Бесѣды“. Разсказъ этотъ, занимающій всего 8 страничекъ разгонистой печати, заимствованъ, какъ объясняетъ редакція „Бесѣды“, изъ азбуки, составленной гр. Л. Толстымъ и уже печатаемой, изъ отдѣла упражненій въ постепенномъ чтеніи. Этого объясненія совершенно достаточно, чтобъ показать, что новое произведеніе талантливаго автора не имѣетъ никакого литературнаго значенія, и что въ „ученый, литературный и политическій журналъ“, какъ именуетъ себя „Бесѣда“, оно попало лишь ради громкой авторской подписи. Поэтому мы оставимъ въ сторонѣ насильственно навязанное этому разсказу художественное значеніе и постараемся взглянуть на него съ той стороны, съ какой, очевидно, смотритъ на него самъ авторъ, т. е. какъ на „упражненіе въ постепенномъ чтеніи“ для учениковъ народной школы.

Разсказы для чтенія въ народной школѣ должны отвѣчать двумъ задачамъ: совершенной удобопонятности въ языкѣ и содержаніи, и присутствію въ содержаніи воспитательной идеи, могущей благотворно дѣйствовать на нравственное и умственное развитіе ученика. Поэтому статьи не вполнѣ беллетристическаго содержанія, статьи, изъ которыхъ ученикъ можетъ почерпнуть кое-какія свѣдѣнія, гораздо болѣе соотвѣтствуютъ назначенію „Азбуки“; если же, для при-

данія книгѣ особенной занимательности, составитель вводитъ въ нее элементъ чисто беллетристическій, литературный, то въ этомъ отдѣлѣ преслѣдованіе воспитательной, нравственной цѣли дѣлается для него совершенно обязательнымъ. Относительно удобопонятности изложенія, разсказъ гр. Л. Толстого вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію и съ этой стороны не оставляетъ желать ничего болѣе; знаменитый писатель съ самоотверженіемъ отказался отъ самого себя, отъ блестящей колоритности, свойственной его таланту, и написалъ разсказъ языкомъ заурядным, какимъ писалъ для дѣтей покойный Ушинскій и другіе опытные педагоги. Но одной внѣшней удобопонятности изложенія, конечно, еще не достаточно, необходимо, чтобъ самое содержаніе разсказа имѣло воспитательное или образовательное значеніе, чтобъ идеи, положенныя въ его основу, побуждали ученика-читателя додуматься до того и другого нравственнаго вывода. Съ этой стороны разсказъ гр. Л. Толстого, къ сожалѣнію, подаетъ поводъ ко многимъ сомнѣніямъ. Можно сомнѣваться, чтобъ основная идея разсказа возбудила въ умѣ читателя здоровую и трезвую мысль. Невинный человѣкъ двадцать шесть лѣтъ тяжко страдаетъ за другого и наконецъ умираетъ, будучи сначала жертвой безсмысленной случайности, а потомъ запоздалаго правосудія. Что же изъ этого слѣдуетъ? Ученикъ или простой человѣкъ, для которыхъ собственно и предназначается этотъ разсказъ, останется, по прочтеніи его, въ той же нравственной темнотѣ, въ какой находился прежде; эта темнота даже значительно сгустится помощью нѣкоторыхъ выводовъ, которые подсказываетъ ему авторъ. Укажемъ для примѣра на нѣкоторыя подробности разсказа. Жена Аксенова отговариваетъ его ѣхать въ Нижній на ярмарку, потому что видѣла про него дурной сонъ; Аксеновъ посмѣялся надъ суевѣріемъ жены, и подвергся несчастью, погубившему всю его жизнь. Слѣдовательно?.. слѣдовательно, надо вѣрить снамъ и покоряться суевѣрнымъ примѣтамъ. Далѣе: Аксеновъ съ молоду пилъ, а какъ женился, исправился; но на обыскѣ владимірскіе купцы показали, что онъ

съ молоду пилъ, и это обстоятельство имѣло дурное вліяніе на исходъ дѣла. Что же изъ этого слѣдуетъ?—что не стоитъ исправляться отъ пороковъ молодости, потому что при случаѣ они припомнятся человѣку и повиснутъ тяжестью на его имени.

Но возвратимся къ главной основной идеѣ разсказа. Когда Аксенова посадили въ острогъ, жена его съ дѣтьми пришла навѣстить его.

Онъ все разсказалъ ей. Она сказала:

— Какъ же быть теперь?

Онъ сказалъ:

— Надо просить царя. Нельзя же невинному погибать!

Жена сказала, что она уже подавала прошеніе царю, но что прошеніе не дошло. Аксеновъ ничего не сказалъ и только потупился. Тогда жена сказала:

— Не даромъ я тогда, помнишь, видѣла сонъ, что ты сѣдъ сталъ. Вотъ ужъ и вправду ты съ горя посѣдѣлъ. Не ѣздить-бы тебѣ тогда.

И она начала перебирать его волосы и сказала:

— Ваня, другъ сердечный, женѣ скажи правду, не ты сдѣлалъ это?

Аксеновъ сказалъ: „и ты подумала на меня“, закрылся руками и заплакалъ. Потомъ пришелъ солдатъ и сказалъ, что женѣ съ дѣтьми надо уходить. И Аксеновъ въ послѣдній разъ простился съ семьей.

Когда жена ушла, Аксеновъ сталъ вспоминать, что они говорили. Когда онъ вспомнилъ, что жена тоже подумала на него и спрашивала его, онъ ли убилъ купца, онъ сказалъ себѣ: „видно, кромѣ Бога, никто не можетъ знать правды, и только Его надо просить и отъ Него только ждать милости“. И съ тѣхъ поръ Аксеновъ пересталъ подавать прошенія, пересталъ надѣяться и только молился Богу“.

Но и это послѣднее прибѣжище къ Богу не спасло Аксенова, какъ мы видѣли, отъ людской неправды. Итакъ, абсолютное отсутствіе правды на землѣ — вотъ окончательный выводъ, къ которому приводитъ авторъ своего читателя.

Невинность и честная воля человѣка безсильны передъ тупою случайностью и людскимъ коварствомъ; показанія сосѣдей о томъ, что Аксеновъ человѣкъ честный, добрая слава его въ родномъ городѣ—не внушаютъ судьямъ сомнѣнія въ его виновности; прошенія къ царю не доходятъ по назначенію; жена не можетъ защититься отъ подозрѣній; остается молиться Богу,—но „Богъ видитъ правду, да не скоро скажетъ“...

Мы думаемъ, что подобная мораль можетъ только тяжелымъ камнемъ лечь на умъ и душу того простого человѣка, котораго гр. Л. Толстой имѣлъ въ виду при составленіи своего разсказа. Нѣтъ правды кругомъ зачѣмъ же я одинъ буду носить ее въ себѣ?—вотъ естественное заключеніе, къ которому долженъ придти читатель. На что послужила Аксенову его честная жизнь, его доброта и любовь, его веселая, симпатичная натура? людская неправда да тупая случайность смяла, разрушила все это, опутали его темнымъ зломъ, съ которымъ борьба невозможна и изъ котораго выхода нѣтъ въ предѣлахъ земной жизни.

Нельзя не усомниться въ благотворности вліянія, которое разсказы съ подобной тенденціей могутъ имѣть на народъ и школу. Отчаяніе въ правдѣ, фаталистическая покорность судьбѣ—все это не такіе элементы, на которыхъ можетъ развиться здоровая жизнь. Не сомнѣніе въ силѣ правды, не опущенныя передъ безжалостнымъ рокомъ руки нужны нашему народу, а упорное исканіе правды, твердая увѣренность, что не рокъ тяготѣетъ надъ человѣкомъ, а собственныя наши лѣность, невѣжество, нерадѣніе и порочность. Книги для народнаго или школьнаго чтенія должны, по нашему мнѣнію, быть проникнуты не безсильной тоской и стономъ, а бодрящимъ чувствомъ и здоровою мыслью; не убивать въ народѣ послѣднюю энергію, а возбуждать ее всѣми мѣрами.

Позволимъ себѣ еще одно замѣчаніе. Графъ Л. Толстой выбралъ сюжетъ своего разсказа изъ отжившей практики прежняго суда. Соотвѣтствуетъ ли это воспитательнымъ цѣ-

лямъ народной книги? Народъ нашъ слишкомъ хорошо помнитъ и знаетъ старый судъ, и не даромъ окрестилъ его мѣткими именами. Пора сказать ему что-нибудь о судѣ новомъ, съ которымъ онъ еще такъ мало знакомъ, несмотря на то, что это знакомство было бы ему въ высшей степени полезно... Возобновлять въ его памяти прежніе судебные порядки—то же самое, что пѣть жалостныя пѣсни о крѣпостныхъ страданіяхъ. Не стоитъ о старомъ, а сближеніе съ новымъ нужно нашему народу.

Изъ „Русскаго Міра“ за 1872 годъ.

КНИГИ, СОСТАВЛЕННЫЯ И ИЗДАННЫЯ

Василіемъ Аполлоновичемъ Зелинскимъ.

БЫВШИМЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЕМЪ МЕТОДИКИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

I. Пособія по изученію русскаго языка:

1. Справочникъ по русскому правописанію, съ приложеніемъ орѳографическаго словаря и полнаго списка коренныхъ и производныхъ словъ, въ которыхъ пишется буква Ѣ. Составленъ по „Руководству" Академіи Наукъ. Выпускъ I. Изд. 9-е. М. 1901 г. Ц. 50 к.

Примѣчаніе. Эта книга, выдержавшая въ короткое время девять изданій, обнимаетъ всѣ случаи правописанія словъ. Она состоитъ изъ орѳографическихъ правилъ, орѳографическаго словаря и списка *всѣхъ* словъ съ буквою ѣ. Изложеніе ея алфавитное,—почему она полезна даже незнакомымъ съ грамматикой. Справляться по ней очень просто: при помощи приложеннаго „Указателя" открывается страница на буквѣ, которая служитъ предметомъ затрудненія въ какомъ-либо словѣ, и тутъ въ указанномъ § читается отвѣтъ. Легкость и быстрота справки упрощается еще тѣмъ, что справляться можно и подъ буквами, которыя слѣдуетъ писать въ данномъ случаѣ, и подъ буквами, которыя только предполагаются въ томъ же случаѣ, а равно и подъ буквой, начинающей данное слово. Какъ, напр., написать: извольчикъ, извозчикъ, извощикъ, извосщикъ или извощикъ? Справляйтесь подъ любой изъ сомнительныхъ буквъ: в, с, ч, щ, а также и въ орѳографическомъ словарѣ подъ буквой и—вездѣ получится отвѣтъ. По отзывамъ преподавателей русскаго языка, эта книга весьма полезна учащимся при исполненіи ими письменныхъ работъ не только дома, но и въ классѣ, такъ какъ при небольшомъ навыкѣ, пріобрѣтаемомъ менѣе чѣмъ въ часъ, справка по ней дѣлается весьма быстро.

2. Справочникъ по русскому правописанію. Выпускъ II. Указатель (систематическій и алфавитный) при разстановкѣ знаковъ препинанія. Изд. 2-е. М. 1895 г. Ц. 50 к.

3. Справочникъ по русскому правописанію. Выпускъ III. Корнесловъ русскаго языка. Изд. 2-е. М. 1896 г. Ц. 50 к.

4. Справочникъ по русскому правописанію. Выпускъ IV. Правописаніе, этимологическое происхожденіе и объясненіе иностранныхъ словъ, наиболѣе употребляющихся въ русскомъ литературномъ

языкѣ. М. 1898 г. Ц. 50 к. (Всѣ четыре выпуска въ одномъ роскошномъ переплетѣ 2 р. 50 к., съ пересылкой 3 р.).

5. Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій по русскому языку. Приспособленъ къ элементарной грамматикѣ К. Говорова. Изд. 4-е. М. 1898 г. Ц. 25 к.

6. Вступительный курсъ зрительнаго диктанта. Книга для элементарныхъ ороографическихъ упражненій (печатается).

7. Зрительный диктантъ. Самодиктованіе и самоисправленіе. Новая система практическаго самоизученія русскаго правописанія. Часть первая. Изд. 10-е. М. 1900 г. Ц. 50 к.

Задачи и цѣли „Зрительнаго диктанта". Удовлетворяя всѣмъ требованіямъ, какія обыкновенно предъявляются къ сборникамъ для систематическихъ диктовокъ со слуха, это руководство, сверхъ того, имѣетъ еще слѣдующія особенности: 1) оно представляетъ собою неразрывно-соединенную практику орѳографіи съ ея теоріей; 2) кромѣ послѣдовательнаго изученія ороографіи, тутъ еще попутно указываются въ каждомъ словѣ диктанта сомнительные случаи правописанія съ соотвѣтственными разъясненіями; 3) особеннымъ способомъ печати развиваетъ ороографическую зоркость и укрѣпляетъ зрительные навыки правильнаго письма; 4) система руководства, будучи основана на новѣйшей методикѣ, предупреждаетъ ошибки, а не заставляетъ учениковъ прежде дѣлать ихъ, а потомъ уже исправлять; 5) даетъ значительную возможность изучать правописаніе самодѣятельно, безъ помощи учителя; 6) по этой книгѣ каждый безъ посторонней помощи можетъ провѣрить себя, насколько онъ грамотно или неграмотно пишетъ; 7) имѣя въ рукахъ это руководство, каждый отецъ, мать, репетиторъ, гувернантка и т. п., не будучи особенными знатоками какъ самой ороографіи, такъ и методики ея преподаванія,—съ успѣхомъ могутъ руководить и контролировать дѣтей въ занятіяхъ по ороографіи; 8) почему-либо отставшіе въ школѣ отъ товарищей и вообще неуспѣвающіе въ ороографіи ученики, съ помощью этого руководства, посредствомъ самодѣятельности, легко и скоро пріобрѣтаютъ ороографическія знанія и прочный навыкъ правильно писать; 9) эта книга весьма пригодна для людей, самостоятельно готовящихся къ какимъ-либо экзаменамъ, а еще болѣе—для самоучекъ; 10) въ школахъ, гдѣ учителю приходится заниматься одновременно съ двумя—тремя группами, по этой книгѣ весьма удобно назначать той или другой группѣ самостоятельныя классныя занятія по русскому языку; 11) при веденіи обученія ороографіи по этому руководству, провѣрка ученическихъ тетрадокъ идетъ во много разъ легче и скорѣе, чѣмъ при обыкновенномъ способѣ диктовки; 12) эта книга совмѣщаетъ въ себѣ всѣ три способа обученія правописанію, а именно: списываніе съ книги, диктовку и писаніе заученнаго наизусть.

8. Зрительный диктантъ. Часть вторая. Знаки препинанія. Изданіе 6-е. М. 1900 г. Ц. 40 к.

9. Справочный словарь буквы Ѣ. Полный списокъ коренныхъ и производныхъ словъ, пишущихся черезъ Ѣ. Изд. 3-е. М. 1892 г. Ц. 25 к. (Печатается 4-мъ изданіемъ).

10. Таблицы для письменнаго грамматическаго разбора. № 1. Части рѣчи. № 2. Составъ словъ. № 3. Имя существительное. № 4. Глаголъ. Цѣна каждой таблицы—2 к. (Распроданы).

11. Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. Дополненіе къ книгѣ „Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію". М. 1892 г. Ц. 25 к.

II. Руководства по преподаванію русскаго языка.

(Методическая хрестоматія для обученія русскому языку):

12. а) **Обученіе грамотѣ по звуковому способу.** Сборникъ методическихъ азъясненій, указаній, пріемовъ и примѣрныхъ уроковъ по обученію рамотѣ, разраб. извѣстными педагогами. Изд. 2-е. М. 1898 г. Ц. 1 р.

13. б) **Методическія указанія и примѣрные уроки** по объяснительному тевію, разработанные извѣстными русскими педагогами. Изд. 2-е. 1. 1898 г. Цѣна 1 р. (Печатается третьимъ изданіемъ).

14. в) **Методическія указанія и примѣрные уроки** по преподаванію усской элементарной грамматики. Сводъ методическихъ разъясне-ій и примѣрныхъ грамматическихъ уроковъ, разработанныхъ звѣстными русскими педагогами. Изд. 2-е. М. 1899 г. Ц. 1 р.

III. Пособія по исторіи русской литературы:

15. **Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній І. С. Тургенева.** Выпускъ I. Изд. 3-е. М. 1899 г. Ц. 2 р.—Выпускъ II. Изд. 3-е Состоитъ изъ двухъ частей. М. 1899 г. Ц. 1-й части 1 р., а 2-й—1 р.

16. **Критическій комментарій къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго.** Сборникъ критическихъ статей. Три части и прибавленіе. Изд. 2-е. М. 1894 г. Ц. 3 р. 50 к. (Печатается третьимъ изданіемъ).

17. **Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ.** Три части Ц. 3 р. (1-я часть вышла 2-мъ изданіемъ).

18. **Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина.** Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Семь частей. Цѣна 7 р. (1-я и 2-я части вышли 2-мъ изданіемъ).

19. **Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого** Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Шесть частей. Цѣна 6 р. (1-я и 2-я части вышли 2-мъ изданіемъ).

20. **Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя.** Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Три части. Цѣна по 1 р. за часть. (1-я и 2-я части вышли 2-мъ изданіемъ).

21. **Критическіе разборы романа Тургенева:** „Отцы и Дѣти". Ц. 35 к.

22. **Критическіе разборы романа Достоевскаго:** „Братья Карамазовы". Цѣна 50 к.

23. **Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго** Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Пять частей. Цѣна по 1 р. за часть.

24. **Критическіе разборы „Дворянскаго гнѣзда" и „Наканунѣ"—** Тургенева. Перепечатано безъ измѣненій изъ „Собранія критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева". М. 1895 г. Ц. 70 к.

25. Сборникъ критическихъ статей о сочиненіяхъ М. Ю. Лермонто 2 части. (Каждая часть по 1 р.).

26. А. С. Пушкинъ въ разборѣ В. Г. Бѣлинскаго. Отдѣльный тискъ изъ „Русской критической литературы о произведенія А. С. Пушкина". Ц. 2 р.

27. Н. В. Гоголь въ разборѣ В. Г. Бѣлинскаго (печатается).

IV. Серія разныхъ книжекъ:

28. Китайскія сказки. Переводъ съ французскаго, подъ редакці В. Зелинскаго. Ц. 10 к.

29. Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. Изд. 2-е. Ц. 10 к.

30. Bibliothèque d'enfants. Сборникъ историческихъ разсказо на французскомъ языкѣ, съ подстрочнымъ словаремъ, для вн класснаго упражненія дѣтей во французскомъ языкѣ. № 1 (Lo XVII, Prascovie, Jeanne D'Arc). Ц. 10 к.

31. Мурадъ-Неудачникъ. Переводъ съ англійскаго. Повѣсть из Восточной жизни для дѣтей старшаго возраста. Ц. 10 к.

32. Леди Бетти и ея друзья. Переводъ съ англійскаго. Разска для дѣтей. Цѣна 10 к.

33. Генезисъ, анализъ и методъ естественнаго пѣнія. Сост. Михайловъ-Стоянъ. Цѣна 25 к.

Складъ изданій В. ЗЕЛИНСКАГО: Москва, Патріаршіе пруды, д. Мозжухина

Выписывающіе изъ склада прилагаютъ на пересылку 15 к. на каждый руб стоимости книгъ. За наложенный платежъ 10 к. Небольшія суммы можно в сылать почтовыми марками въ заказныхъ письмахъ.

Черезъ посредство склада изданій В. Зелинскаго можно выписывать всякія кн

печати развиваетъ орографическую зоркость и укрѣпляетъ зрительные навыки правильнаго письма; 4) система руководства, будучи основана на новѣйшей методикѣ, предупреждаетъ ошибки, а не заставляетъ учениковъ прежде дѣлать ихъ, а потомъ уже исправлять; 5) даетъ значительную возможность изучать правописаніе самодѣятельно, безъ помощи учителя; 6) по этой книгѣ каждый безъ посторонней помощи можетъ провѣрить себя, насколько онъ грамотно или неграмотно пишетъ; 7) имѣя въ рукахъ это руководство, каждый отецъ, мать, репетиторъ, гувернантка и т. п., не будучи особенными знатоками какъ самой орографіи, такъ и методики ея преподаванія,—съ успѣхомъ могутъ руководить и контролировать дѣтей въ занятіяхъ по орографіи; 8) почему-либо отставшіе въ школѣ отъ товарищей и вообще неуспѣвающіе въ орографіи ученики, съ помощью этого руководства, посредствомъ самодѣятельности, легко и скоро усвоятъ орографическія знанія и прочный навыкъ правильно писать; 9) эта книга весьма пригодна для людей, самостоятельно готовящихся къ какимъ-либо экзаменамъ, а еще болѣе—для самоучекъ; 10) въ школахъ, гдѣ учителю приходится заниматься одновременно съ двумя—тремя группами, по этой книгѣ весьма удобно назначать той или другой группѣ самостоятельныя классныя занятія по русскому языку; 11) при веденіи обученія орографіи по этому руководству, провѣрка ученическихъ тетрадокъ идетъ во много разъ легче и скорѣе, чѣмъ при обыкновенномъ способѣ диктовки; 12) эта книга совмѣщаетъ въ себѣ всѣ три способа обученія правописанію, а именно: списываніе съ книги, диктовку и писаніе заученнаго наизусть.

8. Зрительный диктантъ. Часть вторая. Знаки препинанія. Изданіе 6-е. М. 1900 г. Ц. 40 к.

9. Справочный словарь буквы Ѣ. Полный списокъ коренныхъ и производныхъ словъ, пишущихся черезъ Ѣ. Изд. 3-е. М. 1892 г. Ц. 25 к. (Печатается 4-мъ изданіемъ).

10. Таблицы для письменнаго грамматическаго разбора. № 1. Части рѣчи. № 2. Составъ словъ. № 3. Имя существительное. № 4. Глаголъ. Цѣна каждой таблицы—2 к. (Распроданы).

11. Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. Дополненіе къ книгѣ: „Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію". М. 1892 г. Ц. 25 к.

II. Руководства по преподаванію русскаго языка.

(Методическая хрестоматія для обученія русскому языку):

12. а) Обученіе грамотѣ по звуковому способу. Сборникъ методическихъ разъясненій, указаній, пріемовъ и примѣрныхъ уроковъ по обученію грамотѣ, разраб. извѣстными педагогами. Изд. 2-е. М. 1898 г. Ц. 1 р.

13. б) Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію, разработанные извѣстными русскими педагогами. Изд. 2-е. М. 1898 г. Цѣна 1 р. (Печатается третьимъ изданіемъ).

14. в) Методическія указанія и примѣрные уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. Сводъ методическихъ разъясненій и примѣрныхъ грамматическихъ уроковъ, разработанныхъ извѣстными русскими педагогами. Изд. 2-е. М. 1899 г. Ц. 1 р.

III. Пособія по исторіи русской литературы:

15. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Выпускъ I. Изд. 3-е. М. 1899 г. Ц. 2 р.—Выпускъ II. Изд. 3-е. Состоитъ изъ двухъ частей. М. 1899 г. Ц. 1-й части 2 р., а 2-й—1 р.

16. Критическій комментарій къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго. Сборникъ критическихъ статей. Три части и прибавленіе. Изд. 2-е. М. 1894 г. Ц. 3 р. 50 к. (Печатается третьимъ изданіемъ).

17. Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Три части Ц. 3 р. (1-я часть вышла 2-мъ изданіемъ).

18. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Семь частей. Цѣна 7 р. (1-я и 2-я части вышли 2-мъ изданіемъ).

19. Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Шесть частей. Цѣна 6 р. (1-я и 2-я части вышли 2-мъ изданіемъ).

20. Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Три части. Цѣна по 1 р. за часть. (1-я и 2-я части вышли 2-мъ изданіемъ).

21. Критическіе разборы романа Тургенева: „Отцы и Дѣти". Ц. 35 к.

22. Критическіе разборы романа Достоевскаго: „Братья Карамазовы". Цѣна 50 к.

23. Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Пять частей. Цѣна по 1 р. за часть.

24. Критическіе разборы „Дворянскаго гнѣзда" и „Наканунѣ"— Тургенева. Перепечатано безъ измѣненій изъ „Собранія критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева". М. 1895 г. Ц. 70 к.

25. Сборникъ критическихъ статей о сочиненіяхъ М. Ю. Лермонтова. 2 части. (Каждая часть по 1 р.).

26. А. С. Пушкинъ въ разборѣ В. Г. Бѣлинскаго. Отдѣльный оттискъ изъ „Русской критической литературы о произведеніяхъ А. С. Пушкина". Ц. 2 р.

27. Н. В. Гоголь въ разборѣ В. Г. Бѣлинскаго (печатается).

IV. Серія разныхъ книжекъ:

28. Китайскія сказки. Переводъ съ французскаго, подъ редакціей В. Зелинскаго. Ц. 10 к.

29. Храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ. Изд. 2-е. Ц. 10 к.

30. Bibliothèque d'enfants. Сборникъ историческихъ разсказовъ на французскомъ языкѣ, съ подстрочнымъ словаремъ, для внѣкласснаго упражненія дѣтей во французскомъ языкѣ. № 1 (Louis XVII, Prascovie, Jeanne D'Arc). Ц. 10 к.

31. Мурадъ-Неудачникъ. Переводъ съ англійскаго. Повѣсть изъ Восточной жизни для дѣтей старшаго возраста. Ц. 10 к.

32. Леди Бетти и ея друзья. Переводъ съ англійскаго. Разсказъ для дѣтей. Цѣна 10 к.

33. Генезисъ, анализъ и методъ естественнаго пѣнія. Сост. К. Михайловъ-Стоянъ. Цѣна 25 к.

Складъ изданій В. ЗЕЛИНСКАГО: Москва, Патріаршіе пруды, д. Мозжухина.

Выписывающіе изъ склада прилагаютъ на пересылку 15 к. на каждый рубль стоимости книгъ. За наложенный платежъ 10 к. Небольшія суммы можно высылать почтовыми марками въ заказныхъ письмахъ.

Черезъ посредство склада изданій В. Зелинскаго можно выписывать всякія книг.

PG
3410
Z3
18[redacted]
v.[redacted]

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.